

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н. И. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О. В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С. Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В. Э. – д.и.н., проф., МГОУ;

Воронин С. А. – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. – д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. – д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. – д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 1. – 148 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник
Московского государственного областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board
«History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Doctor of Sciences, Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139.

Index of the series «History and Political Sciences» according to the Union catalog «Press of Russia» 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2019. – № 1. – 148 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

- Волобуев О. В.** ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ АНТОНОВ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ7
- Яковлев Н. А.** ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДА ДВОЕВЛАСТИЯ
В ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 14
- Слободянина А.В.** УЧАСТИЕ В. М. МОЛОТОВА И К. Е. ВОРОШИЛОВА В АНГЛО-ФРАНКО-
СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 24
- Савельев П. Ю.** ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ
В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 41

Всеобщая история

- Забелла А. А.** ВЗГЛЯД ИЗ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ НА РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЕМ ... 54
- Козьякова Н. С.** КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ НЕОФАШИЗМА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В ФРГ И ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 63

Отечественная история

- Кожевников С. В.** СВЯЗЬ С КРАСНОЯРСКОМ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ)
ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА ИЗ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ХИРУРГА В. Н. ЗИНОВЬЕВОЙ) 73
- Евдошенко Н. В.** ФИНАНСОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ И.А. БУНИНЫМ
И КОМИТЕТОМ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ 87
- Королев М. А., Рубанова И. В.** РАЗВИТИЕ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК
(НА МАТЕРИАЛАХ УДМУРТИИ) 99
- Горлов В. Н.** ЗАГОРОДНАЯ ДАЧА КАК ЗЕРКАЛО СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ 107
- Тулянов В. А.** ЦЕРКОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПОРУШЕННЫХ СВЯТЫНЬ 112

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

- Ковалев В. А.** РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: СОЧЕТАНИЕ ВНУТРЕННИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ. СОВЕТСКИЙ УРОК ДЛЯ РОССИИ 120
- Уляшкина Е. Г.** ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММАТИКЕ
ПЕРИОДА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 2011 Г. И 2016 Г. 129
- Дмитриева М. О.** РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО
ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО 139

CONTENTS

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

O. Volobuev VASILY FEDOROVICH ANTONOV. TO THE CENTENARY OF THE BIRTH.....	7
N. Yakovlev HISTORIOGRAPHICAL PROBLEMS OF DIARCHY PERIOD IN THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION	14
A. Slobodyanina PARTICIPATION OF V.M. MOLOTOV AND K.E. VOROSHILOV IN THE ENGLISH-FRENCH-SOVIET NEGOTIATIONS BEFORE THE SECOND WORLD WAR DESCRIBED IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY.....	24
P. Savel'ev SOURCES FOR THE STUDY OF THE SOCIAL DEMOCRATS' ACTIVITIES IN THE STATE DUMAS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE I AND II CONVOCATIONS.....	41

General History

A. Zabella VIEW FROM NEW ZEALAND ON THE DEVELOPMENT OF COOPERATION WITH CHINA ...	54
N. Kozyakova COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NEO-FASCISM ESSENCE IN THE MID-TWENTIETH CENTURY IN GERMANY AND THE SECOND REPUBLIC OF AUSTRIA.....	63

Native History

S. Kozhevnikov VOYNO-YASENETSKY'S (ST. LUKA'S) TIES WITH KRASNOYARSK AFTER HIS DEPARTURE FROM SIBERIA (BASED ON THE INFORMATION FROM SURGEON V. N. ZINOVYEVA) ..	73
N. Evdoshenko FINANCIAL RELATIONS BETWEEN I.A. BUNIN AND THE COMMITTEE FOR SUPPORT TO RUSSIAN WRITERS AND SCIENTISTS IN FRANCE.....	87
M. Korolev, I. Rubanova THE DEVELOPMENT OF RAW MATERIALS BASE DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS (BASED ON MATERIALS OF THE UDMURT REPUBLIC)	99
V. Gorlov COUNTRY COTTAGE AS A MIRROR OF THE SOVIET WAY OF LIFE	107
V. Tulyanov THE CHURCH CHARITY IN MODERN HISTORY OF RUSSIA: SOME ASPECTS OF FUNDING THE MOSCOW DIOCESE CHARITABLE FOUNDATION FOR RESTORING THE RUINED SHRINES.....	112

SECTION II POLITOLOGY

V. Kovalev THE DESTRUCTION OF THE STATE: THE COMBINATION OF DOMESTIC AND INTERNATIONAL FACTORS. THE SOVIET LESSON FOR RUSSIA	120
E. Uliashkina ISSUES OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE PARTY PROGRAMMATICS OF THE PERIOD OF THE ELECTION CAMPAIGN OF 2011 AND 2016.....	129
M. Dmitrieva RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA: COOPERATION OR COMPETITION.....	139

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 929 Антонов В. Ф.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-6-13

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ АНТОНОВ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Волобуев О. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Василий Федорович Антонов (1919–2014) – доктор исторических наук, профессор, известный специалист по истории народничества. Преподавал в Московском областном педагогическом институте/Московском государственном областном университете (МОПИ/МГОУ), чему в данной статье уделено наибольшее внимание, и в ряде других вузов (Университет дружбы народов/УДН и т. д.). В статье дается краткий обзор публикаций В. Ф. Антонова, посвященных преимущественно наиболее видным представителям, теоретикам и публицистам, народнического движения: А. И. Герцену, П. Н. Лаврову, Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову, Г. А. Лопатину. Одной из сюжетных линий статьи является характеристика аспирантов, научным руководителем которых Антонов являлся в бытность преподавателем МОПИ им. Н. К. Крупской. С его именем связано создание двух научных школ по истории народничества (УДН) и изучению отечественной историко-методической мысли, в особенности школьных учебников (МГОУ). Юбилейная статья дает общее представление о педагогической и научной деятельности ученого. Она предназначена в первую очередь для преподавателей и студентов МГОУ – учебного заведения, работе в котором В. Ф. Антонов отдал не один год своей жизни.

Ключевые слова: В. Ф. Антонов, педагогическая и научная деятельность, история народничества, руководство аспирантами, основание научных школ.

VASILY FEDOROVICH ANTONOV. TO THE CENTENARY OF THE BIRTH

O. Volobuev

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. Vasily Fedorovich Antonov (1919–2014) – Doctor of Historical Sciences, Professor, well-known expert on the history of the narodnik movement. He taught at Moscow Regional Pedagogical Institute (now Moscow Region State University - MOPI/MGOU), the article is focused mainly on it, and at a number of other universities (Peoples' Friendship University – RUDN). The article gives a brief overview of the publications of the author, devoted mainly to the most prominent representatives, theorists and publicists of the narodnik movement: A. I. Herzen, P. N. Lavrov, N. D. Chernyshevsky, N. Ah. Dobrolyubov, G. Lopatin. One of the plot lines of the article is the characteristic of the graduate students, whose supervisor was V. Antonov when he was a professor of MOPI named by N.K. Krupskaya. His name is associated with the creation of two scientific schools on the history of the narodnik movement (RUDN) and the study of national historical and methodological thought, especially school textbooks (MGOU). The anniversary article gives a general idea of pedagogical and scientific activity of the scientist. It is primarily addressed to teachers and students of MGOU – of the educational institution where V. Antonov worked for most part of his life.

Key words: V. F. Antonov, pedagogical and scientific activity, the history of the narodnik movement, supervising post-graduate students, the basis of scientific schools.

Осенью 1962 г. проректором Московского областного педагогического института (МОПИ) по научной работе и заведующим кафедрой методики преподавания истории стал Василий Федорович Антонов. Участник Великой Отечественной войны, начавший ее рядовым солдатом и закончивший в чине майора, В. Ф. Антонов к тому времени имел опыт вузовской работы как преподавателя, так и административного должностного лица.

Родился Василий Федорович в казначейской станице Трехостровской (Волгоградской обл.) 14 января 1919 г. В 1937 г. он поступил на исторический факультет Ростовского государственного педагогического института, который закончил в год начала Великой Отечественной войны. Последним местом его работы до МОПИ стал Липецкий педагогический институт.

Был В. Ф. Антонов в те годы доцентом, начавшим писать докторскую диссертацию. Научные интересы Василия Федоровича на всю жизнь были связаны с темой русского народничества. История народничества в ту пору не очень поощрялась: ведь они были политическими конкурентами, идеологическими противниками и политическими врагами марксистов. Суровому осуждению народники подверглись на страницах сталинского «Краткого курса» истории ВКП(б); и, несмотря на хрущевскую оттепель, отношение к народникам только-только стало «оттаивать». Тогда, в 1960-е гг., сформировалось поколение советских историков, которое сумело разоблачить ряд политико-историографических мифов о народничестве и его представителях. К этому поколению принадлежали такие ученые, как Б. С. Итенберг, М. Г. Се-

дов, Н. А. Троицкий, Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, Ш. М. Левин. Каждый из них представлял яркую творческую личность. Начинал свою исследовательскую деятельность В. Ф. Антонов с изучения колоритной фигуры Германа Лопатина, которому были посвящены две его монографии [1; 7]. А в 1965 г. вышла написанная Василием Федоровичем в годы работы в МОПИ обобщающая книга «Революционное народничество» [5]. Об интересе за рубежом к теме народничества и к этой книге в частности свидетельствует ее перевод на японский язык (1972).

Но больше всего научная деятельность В. Ф. Антонова в МОПИ была посвящена историческим и социологическим взглядам П. Л. Лаврова. В 1966–1968 гг. Василий Федорович разрабатывает эту тему, став докторантом кафедры истории СССР МОПИ. О Лаврове он мог говорить долго и увлеченно. Личность этого российского мыслителя буквально захватила Василия Федоровича. Исследование о П. Л. Лаврове стало его докторской диссертацией («Историческая концепция П. Л. Лаврова и оценка им основных этапов всеобщей и русской истории», защищена в 1969 г.). Не оставлял он эту тематику и после защиты диссертации [6].

Посвященные видным представителям народничества А. И. Герцену [2] и Н. Г. Чернышевскому [8] монографии, изданные в 2000 г., явились своего рода бомбой, брошенной в сложившиеся представления о революционном народничестве. Революционные демократы превратились по своим воззрениям в анархистов. В заключительной главе «“К топору!” или “К метлам!”» Антонов писал: «Так и не взяв в руки топора, а лишь угрожая им

в минуты приступов самодержавной реакции и террора, Герцен так и ушел из жизни апостолом-пропагандистом и с надеждой на должное исполнение того, что было начато 18 февраля 1961 г., продолжено 1864–1865 гг., и в чем виделась ему реализация его программы общественного идеала» [2, с. 133]. В своем видении сути мировоззрения идейных отцов народничества Антонов исходил из того, что они отвергали необходимость государства при социализме. Следует признать, что большинство историков этой интерпретации общественных идеалов Герцена и Чернышевского не приняло. Но это не исключает историографических метаморфоз в будущем.

Если выстроить в один ряд все исследовательские монографии В. Ф. Антонова, то высветится концептуальная галерея историографических портретов русских мыслителей и публицистов народнического направления: А. И. Герцен, П. Н. Лавров, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов [3], Г. А. Лопатин. Впечатляющая галерея, широко масштабный творческий замысел.

Будучи заведующим кафедрой методики преподавания истории, В. Ф. Антонов не мог не заинтересоваться состоянием школьного обучения отечественной истории. Результатом этого было появление вышедшей тремя изданиями (последнее – в 1988 г.) «Книги для чтения по истории СССР» [4]. В этой серии популярных очерков излагались ключевые события истории нашей Родины для семиклассников.

В. Ф. Антонов стал основателем научной школы по изучению народничества в Университете Дружбы народов. Представителями этой научной шко-

лы являются доктора исторических наук Р. А. Арсланов, В. Г. Джангирян, В. В. Зверев, В. А. Исаков, Д. И. Олейников и др. Это была вторая по счету научная школа, им созданная. Первая же была заложена в МОПИ им. Н. К. Крупской.

С пребыванием В. Ф. Антонова в должности заведующего кафедрой методики преподавания истории связано появление в МОПИ аспирантов по этой весьма востребованной педагогической специализации. Первыми его очными аспирантами стали Василий Павлович Золотарев, выпускник Липецкого пединститута, и автор этой статьи, выпускник Крымпединститута. Оба уже имели необходимый в то время стаж работы в школе. Позже появились и другие аспиранты, среди которых можно выделить А. В. Шестакова (Бийск), К. К. Когонашвили (Симферополь), В. С. Ситник (Воронеж). Помню, что выбор диссертационной темы занял у первых аспирантов немало времени. И это было оправданно. Выбор диссертационных тем определил дальнейшее направление исследований по методике преподавания истории в МОПИ. Перечислю их: Золотареву достались педагогическая деятельность и учебники Н. И. Кареева, Волобуеву – соответственно Н. А. Рожков, Когонашвили – М. Н. Покровский, Ситник – М. Н. Коваленский. За эти рамки выходила диссертационная тема Анатолия Васильевича Шестакова, посвященная учебникам 1917–1923 гг. [10]. Выходил за обычные рамки и сам Шестаков, «дед», как его называли. Он по возрасту, 1914 год рождения, был старше Василия Федоровича¹. Прожил

¹ В. А. Шестаков начинал учителем сельской школе в таежном Томском Приобье в 1930 г.

Анатолий Васильевич 104 года и стал примечательностью Барнаульского университета. Это была, если так можно сказать, личность оптимистического дарования; он умел найти почти в любом человеке доброе начало. Ко всякому торжеству у него находилось собственное изготовление искрящееся юмором стихотворение.

Все названные здесь аспиранты, очные и заочные, защитились в положенные сроки. В дальнейшем два первых аспиранта состоялись и как доктора исторических наук по специальности «историография, источниковедение и методика исторического исследования». А на кафедре методики преподавания истории в те годы сложилась научная школа по изучению историко-методической мысли и учебников истории, которую в настоящее время представляет профессор А. Н. Фукс.

После защиты докторской диссертации В. Ф. Антонов в течение 9 лет (1971–1980) заведовал кафедрой истории СССР в Университете дружбы народов, в аспирантуре которого подготовил ряд способных молодых ученых. В 1980 г. он ненадолго вернулся в Московский областной педагогический институт, а затем с 1982 по 1990 гг. работал профессором кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института. Ушел от нас Василий Федорович после продолжительной болезни 26 августа 2014 г. В 2015 г. ученики В. Ф. Антонова издали сборник воспоминаний и статей, посвященный светлой памяти учителя [9].

Василий Федорович прожил долго, как бы следуя завету: в России надо жить долго. Он, по существу, как и А. И. Солженицын, сверстник советского Октября. И в его личности отраз-

илась и преломилась советская эпоха с ее политическими зигзагами, взлетом и падением (нет никакого сомнения в том, что это была целая эпоха в отечественной истории). Длительное время Василий Федорович вел дневник, в котором записывал события своей жизни, описывал людей, с которыми его сводила судьба, размышлял над жизнью своей страны. Эти дневники, охватывая (с перерывами) время с 1951 г. по январь 2006 г. и составляют часть его личного архива, который находится у доктора исторических наук, профессора Татьяны Викторовны Антоновой.

В дневнике, как и положено, не только впечатления автора, но и оценки, человеческие, профессиональные и политические. Можно сказать и так: записи отражают мировосприятие честного и самостоятельно мыслящего человека советской эпохи. Отдельные места полны эмоциональной экспрессией, которая ведет к крайностям в оценках. Но в конечном счете логика рационалистического мышления помогает выбраться из лабиринта страстей.

Приведем несколько фрагментов из дневника, а судить об этико-гуманистической стороне личности Василия Федоровича Антонова предстоит читателям его дневника, когда он будет опубликован, и если не полностью, то в значительной своей части. Публикуемые дневниковые выдержки относятся к концу 1962–началу 1963 гг. – первому учебному году преподавательской деятельности Василия Федоровича в Московском государственном областном педагогическом институте.

Приложение

Выдержки из дневника В. Ф. Антонова
«Понедельник, 30 декабря 1962 г.

<...> Срочно кинулись во внутренние реформы. И что же? Перестраиваемся. Затеяли пустую дележку областных и центральных органов. Видите ли, селом и городом нужно управлять отдельно. Два обкома, два облисполкома, два облоно, два облздравотдела... Теперь нам, очевидно, надо создавать городскую методику преподавания и сельскую, а врачам изобретать разные препараты и инструменты для лечения горожан и колхозников...

Нас сватает городской обком, а пуще сельский. Он, властью сельского облоно, дает нам подарок в 30 тыс. руб. на приобретение оборудования. Этот куш прямо с неба свалился, но еще больше обещают, если мы дадим себя сосватать. Мы тоже доки – берем, а сами раздумываем как бы не просчитать.

Философы уже осмысливают происходящее и дают аспирантам разъяснения философского смысла его: это-де закономерное следствие развития производительных сил, что закономерно вызывает приведение в соответствие с их уровнем и производственных отношений. Алтарь науки, ты, воистину искуситель жертв. В 1957 году к твоему подножию свалили тела министерств во имя феодальных совнархозов и ублюдочных госкомитетов. Первых нарядили в щегольские рубахи, на вторых натянули узкие брючки. И как восторгались этими нарядами! Казалось, только бы свадьбу играть – пировать! Но время самый мудрый судья. Рубахи поистрепали в междоусобных бранях, а штанишки протерли на узких стульях. Шить новые оказалось не

с чего. Да и кормить-то местных женихов не резон: невестам в своих рваных и дырявых нарядах они пришлось не по вкусу. Что делать? Давайте-ка поменьшим их числом. Мудрец вспомнил, что при первом разделе ему советовали не в каждую область сажать совнархоз, а лишь в исторически сложившиеся экономические районы. Тогда у него вожжа под хвост попала, и он нес, закусив удила и закрыв глаза, а теперь она порвалась, парень умерил бег, поостыл и опомнился. Даешь экономические зоны, давай сокращать и не как-нибудь, а с размахом, масштабно: в три раза! Оно и одеть и кормить легче да и толку больше.

А кургузые Госкомитеты? Дать им права на всю страну, дать им силу! Но только не называть министерствами! Как же престиж мудреца. Теперь алтарь принял жертву децентрализации.

Так наверху. Внизу сложнее. 3–4 района примерно сливаются в производственные управления, но как пока ходят слухи, совхозы и крупные колхозы дробятся. Вновь разукрупнение. Вроде увеличив[ается] и число производственных территориальных управлений. В Моск. обл. их было 8, теперь же намечено гораздо больше. В общем, путаница невероятная. Чем кончится, покажет уже Новый год. Ему расхлебывать эту кашу.

Четверг, 7 февраля 1963 года

Новый год начался морозами. Как хороши они, как свежи! А пух инея – какой убор деревьев! 5-го февраля дохнуло весной: солнце, под ногами рыхлый снег и дружные капли с крыш. Люблю же эту зорьку весну, предвестницу оживления природы. Она коротка, почти мгновенна, но сладостна.

Прошедшее дало две утехи: в общественном и личном. Вышло постановление о контроле. Из практических постановлений за последнее время это – самое продуманное. Народный контроль – самый могучий, зоркий и бдительный страж. Народ – не чиновник, его не купишь. За своим добром он станет глядеть в 240 млн глаз. Теперь задача – как проведут все это дело местные власти. Если начнут в кабинетах составлять списки, устанавливая, кто пользуется доверием народа, считай, пропало.

«Личное»: вышел «Русский друг Маркса». <...>.

Воскресенье, 10 февраля 1963 года

Солнце. Какой день. За городом, в природе, очевидно, было сколько прекрасного и радостного, а мы просидели дома. Все никак не соберемся купить ботинки для лыж, коньки. Из-за нас и малые сидят дома. Срамно и стыдно.

Хотел написать статью для газеты об аспирантуре да так и не взялся. Вчера вечером прислали договор на новую книгу – Революционное народничество, а Русский друг Маркса уже оглашен по радио. Ходил сегодня взглянуть на него в магазин и купить для друзей, но его еще там нет.

Завтра с утра на практику в школу. Теперь надо набирать часы и быть одновременно в «присутствии». Странное положение. Жаль, что ректор, умный человек, думает только о себе и своих планах.

Кто это набрал в ручку мне фиолетовых чернил? Саша говорит, что не он.

Любопытно это только малым, а они уже улеглись спать. Вечером смотрели с ними телепередачу из Будапешта. Показательные выступления

фигурантов после первенства Европы. А днем транслировала Швеция прыжки с трамплина. Наши выступили неважно. Забили их в лыжных гонках. Колчин Павел, этот, по мнению публики и специалистов, человек-машина,

на 30 км был только главным. Сколько же можно ставить на него? Фаворитизм в спорте, как и в политике, может вести только к застою».

Статья поступила в редакцию 03.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. Ф. Герман Лопатин: революционер и общественный деятель. 1845–1918. Липецк, 1960. 164 с.
2. Антонов В. Ф. А. И. Герцен. Общественный идеал анархиста. М.: Эдитореал УРСС, 2000. 158 с.
3. Антонов В. Ф. Историческая концепция Н. А. Добролюбова. М.: УДН, 1981. 152 с.
4. Антонов В. Ф. Книга для чтения по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: пособие для учащихся 7 класса. М.: Просвещение, 1976. 223 с.
5. Антонов В. Ф. Революционное народничество. М.: Просвещение, 1965. 266 с.
6. Антонов В. Ф. Революционное творчество П.Л. Лаврова. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984. 173 с.
7. Антонов В. Ф. Русский друг Маркса. Герман Александрович Лопатин. М: Соцэкгиз, 1962. 95 с.
8. Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М.: Эдитореал УРСС, 2000. 198 с.
9. Василий Федорович Антонов. Памяти учителя: Воспоминания и статьи. М.: РУДН, 1915. 235 с.
10. Шестаков А. В. Школьные учебники и учебные пособия по русской истории в первые годы советской власти (1917–1923 гг.) // Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 183. Методика преподавания истории. Вып. 2. М., 1967. С. 183–232.

REFERENCES

1. Antonov V. F. *German Lopatin: revolyutsioner i obshchestvennyi deyatel'. 1845–1918* [Herman Lopatin: the revolutionary and public figure. 1845–1918]. Lipetsk, 1960. 164 p.
2. Antonov V. F. A. I. *Gertsen. Obshchestvennyi ideal anarkhista* [Herzen. Public ideal of the anarchist]. Moscow, Editoreal URSS Publ., 2000. 158 p.
3. Antonov V. F. *Istoricheskaya kontseptsiya N. A. Dobrolyubova* [The historical concept of N. A. Dobrolyubov]. Moscow, UDN Publ., 1981. 152 p.
4. Antonov V. F. *Kniga dlya chteniya po istorii SSSR s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka: posobie dlya uchashchikhsya 7 klassa* [Book to read on the history of the USSR from ancient times to the late eighteenth century: a Handbook for students in the 7th grade]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 223 p.
5. Antonov V. F. *Revoljutsionnoe narodnichestvo* [Revolutionary populism]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 266 p.
6. Antonov V. F. *Revoljutsionnoe tvorchestvo P. L. Lavrova* [The revolutionary work of P. L. Lavrov]. Saratov, Publishing house of Saratov University Publ., 1984. 173 p.
7. Antonov V. F. *Russkii drug Marksa. German Aleksandrovich Lopatin* [Russian friend of Marx. German Aleksandrovich Lopatin]. Moscow, Publisher of social and economic literature Publ., 1962. 95 p.
8. Antonov V. F. N. G. *Chernyshevskii. Obshchestvennyi ideal anarkhista* [Chernyshevsky. Public ideal of the anarchist]. Moscow, Editoreal URSS Publ., 2000. 198 p.

9. Vasilii Fedorovich Antonov. Pamyati uchitelya: Vospominaniya i stat'i [Vasily Fedorovich Antonov. In memoriam of the teacher: Memories and articles]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 1915. 235 p.
 10. Shestakov A. V. [Textbooks and manuals on Russian history in the first years of Soviet power (1917–1923)]. In: *Uchenye zapiski MOPI im. N. K. Krupskoi* [Scientific notes of Moscow State Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya. Vol. 183. History teaching methods, no. 2]. Moscow, 1967, pp. 183–232.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical science, professor, Honorary professor of Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О. В. Василий Федорович Антонов. К 100-летию со дня рождения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-6-13

FOR CITATION

Volobuev O. V. Vasily Fedorovich Antonov. To the centenary of the birth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-6-13

УДК 930.23/930.24

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-14-23

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДА ДВОЕВЛАСТИЯ В ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Яковлев Н. А.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. Автором проведен историографический анализ концептуальных подходов современных российских историков к проблеме существования двоевластия в Великой Российской революции (ВРР). На основании сравнительно-исторического метода, принципов объективизма и историзма в ходе исследования историографического материала выявлены разные точки зрения на сущность двоевластия и его хронологию, определены позиции историков, как признающих факт двоевластия, так и отрицающих его. Исходя из фактологического анализа истории двоевластия, предложена новая хронология этого периода. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в обобщении историографического знания по проблемам существования двоевластия в ВРР, что позволяет сформулировать не противоречивую, соответствующую объективным историческим фактам его концепцию. Статья адресована историкам, аспирантам, студентам исторических специальностей, обучающимся в учреждениях высшего профессионального образования и всем лицам, интересующимся проблемами революционного процесса в России.

Ключевые слова: Великая Российская революция, двоевластие (1917 г.), Временное правительство, Петросовет.

HISTORIOGRAPHICAL PROBLEMS OF DIARCHY PERIOD IN THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION

N. Yakovlev

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The author undertakes a historiographical analysis of conceptual approaches of contemporary Russian historians on the problem of diarchy in the Great Russian revolution. Based on the comparative-historical method, the principles of objectivism and historicism, the study of historiographical material reveals different points of view on the essence of dual power and its chronology. Besides, the historians' positions are defined: both recognizing the fact of dual power and denying it. On the basis of the factual analysis the new chronology of the diarchy period is proposed. The theoretical and practical importance of the research is the synthesis of the historiographical knowledge on the issues of the diarchy existence in the Great Russian revolution which allows formulating the concept, coinciding with the objective historical facts

but not the conflicting one. The article is addressed to historians, graduate students, students of history faculties of higher vocational education and to everyone interested in the problems of the revolutionary process in Russia

Key words: the Great Russian revolution, diarchy (1917), chronology, Provisional government, Petrosoviet.

Для выяснения состояния историографических проблем двоевластия в современной российской исторической науке обратимся к наиболее, на наш взгляд, дискуссионным вопросам: сущности двоевластия, в чём оно выражалось и его хронологических рамках. Начнем с историков, утверждающих наличие существования двоевластия. Профессор МГОУ О. В. Волобуев считает, что в ходе февральских событий возникли две новые власти, которые выражали два направления – либеральное и социалистическое. «Неожиданно для всех складывается двоевластие, и, хотя Петросовет признает Временное правительство как легитимную власть – это не снимает их конкуренцию» [11, с. 20–21]. Он считает власть Временного правительства легитимной, но природа этой легитимности не раскрыта. Однако, очевидно, что легитимность Временного правительства основывалась именно на его поддержке Петросоветом. Хронология двоевластия О. В. Волобуевым четко не обозначена – начало связано с формированием первого состава Временного правительства «3 (16) марта – 5 (17) мая. Первое (либеральное) Временное правительство и формирование механизма двоевластия; начальная фаза этапа демократической революции» [11, с. 21]. Так как точной даты завершения двоевластия не обозначено, можно предположить, что его окончанием, по мнению автора, является завершение этапа демократической революции. «1

(14) сентября – 24 октября (6 ноября) <...> Последняя фаза демократического этапа революционного процесса» [11, с. 22]. Сущность двоевластия, по мнению профессора О. В. Волобуева, в том, что «практика революционного действия ведет общественные силы по пути от формального к реальному двоевластию, а “революция низов” развивается и углубляется под социалистическими лозунгами. Это делало рано или поздно неизбежным не просто “бодание”, а столкновение по принципу “кто кого забодает” между двумя центрами власти» [11, с. 21]. Таким образом, О. В. Волобуев разделяет двоевластие на два периода – формальное и реальное, он не обозначает их хронологические рамки, в целом период двоевластия – это март–октябрь 1917 года.

Профессор А. Б. Николаев существенно сужает хронологию двоевластия, в его концепции это противостояние власти императора Николая II и думско-советской власти с 27.02.1917 г. (дата создания Петросовета и Временного комитета Государственной Думы) по 03.03.1917 г. (дата отречения от власти Великого князя Михаила Александровича Романова), т.е. дни первого этапа Великой Российской революции (ВРР) 1917 г. – Февральский переворот¹. «Можно утверждать, что в ре-

¹ Термин «Февральский переворот» является дискуссионным и употребляется нами как возможность избежать логического противоречия между термином ВРР и Февральская революция, сохраняя за февральскими событиями

шающие дни Февральской революции двоевластие существовало. Речь идёт о власти императора Николая II и думско-советской власти [10, с. 6]. Николаев вводит термин «думско-советская власть», как симбиоз власти Петросовета и ВКГД, т.е. он отрицает ленинский принцип существования двух противостоящих властей. Аргументами является то, что и руководители Петросовета, и представители ВКГД были членами Государственной думы и входили в один и тот же оппозиционный Прогрессивный блок, например, депутат IV Государственной думы Н. С. Чхеидзе был избран председателем Петросовета, а другой думец – А. Ф. Керенский, стал заместителем председателя и одновременно министром юстиции в первом составе Временного правительства. Таким образом, в думском Комитете находилось советское представительство, а в советском Исполкоме – думское. «Можно утверждать, что вся деятельность ВКГД и Исполкома по осуществлению властных полномочий с этого момента выступала проявлением думско-советской власти» [10, с. 3]. Однако в концепции двоевластия А. Б. Николаева, на наш взгляд, есть «слабое звено»: тезис о существовании двоевластия между новыми революционными органами формируемой власти и старой царской властью предполагает наличие двоевластия в любой революции. Действительно, в ходе револю-

статус Революции, мы должны отразмышлять события Октября 1917 г. по отношению к Февралю 1917 г. без идеологических установок и субъективизма. И если в настоящее время общепризнанной концепцией событий февраля – октября 1917 г. является ВРВ, то эта концепция будет противоречивой при наличии в ней ещё одной или двух революций.

ции прежняя государственная власть утрачивает легитимность, а новая, зарождающаяся, как правило, из оппозиционных кругов старой власти, еще не приобрела её в полном объёме. Но будет ли этот процесс двоевластием? Мы считаем, что скорее нет, чем да. Ведь это период не создания политической системы, например, двоевластия, а процесс борьбы за власть, который не предопределён.

Н. А. Коваленко считает двоевластием период с создания Петросовета и ВКГД до формирования первого коалиционного Временного правительства, то есть с 27 февраля по 5 мая 1917 г. Он пишет: «В ходе февральских событий борьбу за право считаться источником власти повели Временный комитет Государственной думы и Петроградский совет. Существование этих двух политических сил можно охарактеризовать как первое «двоевластие» [5, с. 20]. Правда, он не раскрывает период существования второго двоевластия, хотя это было бы логично – ведь первое всегда предполагает второе двоевластие. «Создание первого коалиционного кабинета, и это наконец-то следует признать, положило конец кратковременному периоду существования так называемого «двоевластия» [5, с. 22].

Профессор В. Б. Шепелева придерживается позиции существования двоевластия в 1917 г., причины которого заключаются в ожидании двух революций: с одной стороны, социалисты ожидали революции масс, а с другой, объективно, в силу развития капиталистических отношений в России должна была произойти буржуазная революция. Результатом такой ситуации стало двоевластие. «При-

том, что Временное правительство есть итог классической политической буржуазной революции, а Советы (рабочих, солдатских и т.д. депутатов) и иные структуры самоорганизующейся революционной демократии – это знак, проявление начавшейся «революции снизу – революции масс» [13, с. 400]. Таким образом, двоевластие у В. Б. Шепелевой онтологически присуще ВРР и именно оно определило приход к власти большевиков. Позиция В. Б. Шепелевой опирается на ленинское представление о Советах как самостоятельных органах власти, которые ими являлись потенциально в силу своего классового состава, но власть не брали из-за неразвитости именно этого классового сознания. «Временное правительство от начала существовало постольку, поскольку это допускалось Советом – Советами, где абсолютно господствовали «умеренные социалисты». Однако власть государственную, официальную, правительственную советские центры взять могли, но не брали, подставляя вместо того и плечи, и спину (то «ответственно», то «безответственно») не выдерживающему требований момента буржуазному Временному правительству [13, с. 401]. Выход из состояния двоевластия – кризиса власти В. Б. Шепелева видит в организации власти в виде революционно-демократической диктатуры – революционно-демократической альтернативы на базе Советов.

Представителем социокультурного подхода к проблеме двоевластия является О. Н. Богатырёва, она расширяет его хронологию и переводит в онтологический аспект, в ее концепции «двоевластие» невозможно свести к опре-

деленным хронологическим рамкам [2, с. 66]. Феномен двоевластия сводится к ментальности и традициям управления в Российской империи. Получается, что система двоевластия присуща России сама по себе, исторически. О. Н. Богатырёва пишет: «Проблема двоевластия требует особого объяснения, выходящего за рамки Февральской революции, и понять этот феномен невозможно без обращения к характеристике социокультурного пространства России, политической культуры и традиций управления» [2, с. 66]. Таким образом, двоевластие сводится не к процессу взаимодействия Временного правительства и Петросовета и вообще советов со структурами Временного правительства, а к проблеме взаимодействия центральной власти с органами местного самоуправления [2, с. 68, 69].

Проблемы двоевластия интересуют не только историков, но и юристов. Это вполне закономерно, т.к. в ходе революции происходит формирование новой политико-правовой системы, возникает необходимость определить и охарактеризовать этапы становления нового государства. Таким образом, ключ к пониманию феномена двоевластия находится в междисциплинарном подходе. Синтезируя полученные знания о двоевластии из юриспруденции и исторической науки, мы получим наиболее полное представление о нём. Так, Н. Ж. Бегишева рассматривает двоевластие в правовом аспекте, как этап переходного государства. Хронологически период двоевластия – февраль–июнь 1917 г. Это время характеризуется противостоянием Временного правительства и Петросовета. «Июль – август: период единовластия. Кульминационный

этап в оформлении демократической власти, когда формируется Временное коалиционное правительство, которое покончило с режимом «двоевластия» [1, с. 15]. Нетрудно заметить некоторую противоречивость в периодизации двоевластия. У Н. Ж. Бегишевой двоевластие – это и февраль – июнь, время противостояния Петросовета и Временного правительства, и июль–август, когда было покончено с режимом «двоевластия». Обоснование своей хронологии автор не даёт, подчёркивая, однако, что «Государственное совещание не только фактически ликвидировало режим двоевластия и поддержало режим бонапартизма, но и создавало базу для юридического оформления диктатуры» [1, с. 7]. Таким образом, датировать конец двоевластия она предлагает 12–15 августа (дата проведения Государственного совещания). Также Н. Ж. Бегишева упоминает об усилении Советов после Корниловского мятежа. «В условиях острого политического кризиса Советы превратились в реальную власть, довлеющую над правительством» [1, с. 7].

Рассмотрим концепции историков, отрицающих двоевластие. Профессор А. В. Шубин считает, что взаимоотношения Петросовета и Временного правительства были не двоевластием, а симбиозом, однако этот симбиоз изначально содержал в себе противоречия, которые выражались в постоянных правительственных кризисах Временного правительства. «Возникший политический режим был основан на соглашении между правительством и Советами. Сотрудничество либералов и умеренных социалистов позволяло провести лишь политические меры, направленные на расширение граж-

данских свобод, но затрудняло социальные реформы» [14, с. 20]. В чём причина поддержки социалистами Временного правительства? Ответ находится в догматическом восприятии действительности лидерами социалистов. По мнению А. В. Шубина: «С точки зрения умеренных социалистов возможности для замены капитализма социализмом пока не было, а значит – был необходим союз представителей трудящихся классов (на эту роль претендовали социалисты) с представителями буржуазии (ими социалисты считали либералов)» [14, с. 21]. Действительно, за апрельским кризисом (20–21 апреля) последовал июньский – (24–30 июня) затем – июльский (2–4 июля), а апогеем нарастания политической напряженности стало «дело Л. Г. Корнилова» 25–30 августа.

Заметим, что во всех этих политических катаклизмах Временное правительство пользовалось поддержкой Петросовета, он его фактически спасал, делегируя в его состав каждый раз всё больше своих представителей. Более того, именно социалист А. Ф. Керенский возглавил правительство с 7 июля 1917 г., сохранив за собой пост военного и морского министра, он же провозгласил Россию Республикой 1 сентября, не имея на это никакого законного права. Трудно в таких исторических условиях утверждать о двоевластии между Петросоветом и Временным правительством. Фактически с июля 1917 г. власть в России принадлежала социалистам – они контролировали как Временное правительство, так и Петросовет. Поэтому В. И. Ленин и утверждал об окончании двоевластия в июле. Его подход опирался на классовый анализ ситуации с точки зрения

обретения пролетариатом власти, а не на объективную обстановку развития событий. Но разве можно охарактеризовать процесс взаимодействия, согласования и поддержки одного органа власти другим как двоевластие – противостояние, борьба за власть? По нашему мнению, нет.

И. П. Климов отрицает существование двоевластия как политического феномена в 1917 г. Его тезис опирается на определение – «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ» есть концентрированное выражение силы и воли, мощи государства, воплощенное в государственных органах и учреждениях» [12, с. 134]. Т.е. власть имеет госаппарат и осуществляет правотворческую деятельность. Он анализирует деятельность Временного правительства и Советов и приходит к выводу, что «Временное правительство являлось органом государственной власти. Оно опиралось на государственный аппарат, принимало законодательные и распорядительные акты» [4, с. 145]. В отношении Советов И. П. Климов пишет: «Советы находились в оппозиции к Временному правительству, но какой-либо государственной власти не имели. У них отсутствовал аппарат управления, и они не принимали законодательных актов общероссийского значения» [4, с. 146].

Проблемная историография двоевластия не может не включить в себя исследования Ф. А. Гайды, который считает, что период между февралем и октябрём 1917 г. является временем не двоевластия, а безвластия. Определяя статус Временного правительства и Петросовета, он приходит к выводу, что Временное правительство являлось органом государственной власти,

а Петросовет им не был. Однако последний издавал приказы, определяющие ход дальнейших событий – Приказ № 1. Движущей силой революции была толпа, широкие, но не организованные массы [3, с. 35]. Оценивая характер Временного правительства, он приходит к выводу, что оно не было самостоятельным органом власти, его создание стало компромиссом между Петросоветом и ВКГД, т.е. актом сотрудничества с целью обуздания стихии толпы. Таким образом, Ф. А. Гайда делает вывод, что «Временное правительство не имело каких бы то ни было реальных рычагов власти и не могло проводить самостоятельной политики и результатом такой политики должен был обязательно стать популизм и потакание толпе и чем далее, тем более» [3, с. 43]. К сожалению, Ф. А. Гайда не анализирует характер властных отношений периода сентября–октября, который, по нашему мнению, является периодом подлинного двоевластия. Отметим, что Н. Ж. Бегишева и И. П. Климов справедливо делают заключение об усилении роли Советов с осени 1917 г. На наш взгляд – это заявление является конструктивным и требует к себе повышенного внимания, т.к. именно начиная с августа 1917 г. происходил рост влияния в Советах большевиков. Количественный рост привёл к качественному изменению политики Петросовета и Московского совета в отношении Временного правительства.

Рассмотрим хронологию событий, которая демонстрирует не только рост напряженности между Советами и Временным правительством, но и вооруженное противостояние. 9 сентября большевики получают большин-

ство в Петросовете. 12–14 сентября В.И. Ленин в письмах к ЦК РСДРП(б) «Большевики должны взять власть!» [6] и «Марксизм и восстание» [7] открыто и прямо заявлял о необходимости подготовки вооруженного восстания. 19 сентября председателем Московского Совета становится большевик В. П. Ногин, а 25 сентября Л. Д. Троцкий возглавил Петросовет и потребовал отставки Временного правительства. 30 сентября В. И. Ленин в обращении «К рабочим, крестьянам и солдатам» призывает свергнуть Временное правительство [8]. 5 октября ЦК РСДРП(б) принял решение о выходе большевиков из Предпарламента. С этой даты ни о каком сотрудничестве с органами Временного правительства Петросовета и Моссовета не могло быть речи. 10 октября ЦК большевиков принимает резолюцию о восстании. А уже 12 октября абсолютно легально, с целью защиты революции был образован Военно-Революционный комитет (ВРК) при Петросовете, который и стал штабом по его подготовке. 17 октября Ленин написал «Письмо к товарищам», в нём он доказывал, что «промедление в восстании смерти подобно» [9, с. 410]. 22 октября ВРК объявил о действительности только своих приказов и запретил исполнение приказов Временного правительства. 23 октября на сторону ВРК перешёл гарнизон Петропавловской крепости, в ответ Временное правительство закрыло большевистские газеты «Правда», «Солдат» и «Рабочий путь», что послужило триггером к событиям 25 октября 1917 г.

Таким образом, фактологический анализ периода с 9 сентября по 25 октября 1917 г. демонстрирует нам не только реальное противостояние Советов и Временного правительства, но и его стремительный конфронтационный рост, вплоть до вооруженного столкновения, именно с момента получения большинства в Советах большевиками. Опираясь на современное понятие двоевластия, мы полагаем, что его хронология будет более объективной и соответствовать исторической реальности в период с 9 сентября по 25 октября 1917 г. То есть именно в это время мы констатируем как реальное противостояние, так и существование двух антагонистических органов власти.

Весь период развития ВРК с февраля по октябрь 1917 г. можно представить в виде последовательности этапов.

1. 23 Февраля – 03 марта – Февральский переворот.

2. Март–июль – симбиоз двух органов власти (Советов и Временного правительства). Попытки действовать согласованно в рамках свершившейся буржуазно-демократической революции. Отсутствие двоевластия.

3. Июль–август – концентрация власти у правых социалистов, их доминирование в политической системе.

4. Август–октябрь – реальное двоевластие, возникшее по причине победы большевиков на выборах в Советы на фоне усугубляющегося развала как экономической, так и политической системы России.

Статья поступила в редакцию 22.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегишева Н. Ж. К вопросу о периодизации переходного государства в период Февральской революции 1917 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № S2. С. 15–18.
2. Богатырева О. Н. Феномен двоевластия в 1917 г.: к вопросу о правовых и историко-культурных истоках // Февральская революция 1917 года в России: история и современность: сборник материалов регионального научного семинара. Екатеринбург: Уральский Центр Б. Н. Ельцина, 2007. С. 66–73.
3. Гайда Ф. А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 31–45.
4. Климов И. П. К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции // Академический вестник. 2009. № 2. С. 142–147.
5. Коваленко Н. А. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2007. № 113. С. 19–23.
6. Ленин В. И. «Большевики должны взять власть!» // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 34. М., 1958. С. 239–241.
7. Ленин В. И. «Марксизм и восстание» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 34. М., 1958. С. 242–247.
8. Ленин В. И. «К рабочим, крестьянам и солдатам» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 34. М., 1958. С. 180–181.
9. Ленин В. И. «Письмо к товарищам» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 34. М., 1958. С. 410.
10. Николаев А. Б. Двоевластие в политической системе революционной России (1917 г.) // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 1–12.
11. Российская революция: взгляд через столетие (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 15–68. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68.
12. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова; 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2002. 616 с.
13. Шепелева В. Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии): дис. ... докт. ист. наук. Тюмень. 2013. 596 с.
14. Шубин А. В. Великая Российская революция. 10 вопросов. М.: [б.и.], 2017. 46 с.

REFERENCES

1. Begisheva N. Zh. [On the question of the transition state periodization during the February revolution of 1917]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science vector of Togliatti State University], 2009, no. S2, pp. 15–18.
2. Bogatyreva O. N. [The phenomenon of dual power in 1917: on the question of legal and historical-cultural origins]. In: *Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda v Rossii: istoriya i sovremennost': sbornik materialov regional'nogo nauchnogo seminara* [The February revolution of 1917 in Russia: history and modernity: materials of the regional scientific seminar]. Ekaterinburg, Ural Center B. N. Yeltsin, 2007. pp. 66–73
3. Gaida F. A. [February 1917: revolution, power, the bourgeoisie]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1996, no. 3, pp. 31–45.

4. Klimov I. P. [On the question of dual power in Russia after the February revolution]. In: *Akademicheskii vestnik* [Academic bulletin], 2009, no. 2, pp. 142–147.
5. Kovalenko N. A. ["Dual power" in Russia in 1917: new approaches and views]. In: *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii* [Scientific Bulletin of Moscow State Technical University of Civil Aviation], 2007, no. 113, pp. 19–23.
6. Lenin V. I. ["The Bolsheviks must take power!"]. In: *Polnoe sobranie sochinenii : v 55 t. T. 34* [The Complete Works of Lenin: in 55 vol. Vol. 34]. Moscow, 1955, pp. 239–241.
7. Lenin V. I. ["Marxism and insurrection"]. In: *Polnoe sobranie sochinenii : v 55 t. T. 34* [The Complete Works of Lenin : in 55 vol. Vol. 34]. Moscow, 1955, pp. 242–247
8. Lenin V.I. ["To the workers, peasants and soldiers"]. In: *Polnoe sobranie sochinenii : v 55 t. T. 34* [The Complete Works of Lenin : in 55 vol. Vol. 34]. Moscow, 1955, pp. 180—181
9. Lenin V.I. ["Letter to friends"]. In: *Polnoe sobranie sochinenii : v 55 t. T. 34* [The Complete Works of Lenin : in 55 vol. Vol. 34]. Moscow, 1955, pp. 410.
10. Nikolaev A.B. [Dual power in the political system of revolutionary Russia (1917)]. In: *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 11 may 2017* [The revolution of 1917 in Russia: events and concepts, consequences and memory: proceedings of the international scientific-practical conference, St. Petersburg, 11 May 2017]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, pp. 1–12.
11. [The Russian revolution: a view through the centuries (roundtable)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 5, pp. 15–68, DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68.
12. Karelskiy V. M., Perevalov V. D., eds. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk dlya vuzov* [Theory of state and law : Textbook for universities]. Moscow, NORMA Publ., 2002. 616 p.
13. Shepeleva V.B. Problema revolyutsionno-demokraticeskoi al'ternativy v Rossii 1917–1920 gg. (voprosy teorii, metodologii, istoriografii): dis. ... dokt. ist. nauk [The problem of the revolutionary-democratic alternative in Russia of 1917–1920 (theory, methodology, historiography): D. thesis in Historical sciences]. Tyumen, 2013. 596 p.
14. Shubin A. V. *Velikaya Rossiiskaya revolyutsiya. 10 voprosov* [The great Russian revolution. 10 questions]. Moscow, [publ. unsp.], 2017. 46 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Николай Александрович – аспирант кафедры истории России средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Yakovlev – postgraduate student at the Department of the History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев Н. А. Историографические проблемы периода двоевластия в Великой Российской революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-14-23

FOR CITATION

Yakovlev N. A. Historiographical problems of dual power period in the Great Russian revolution. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-14-23

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-24-40

УЧАСТИЕ В. М. МОЛОТОВА И К. Е. ВОРОШИЛОВА В АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Слободянина А. В.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена освещению участия В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова в англо-франко-советских переговорах в 1939 г. Автор уделяет особое внимание анализу источников и литературы по этой теме. Многие исследователи, опираясь на мнение В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова, полагают, что в предвоенной ситуации СССР был единственным борцом за мир и обвиняют англо-французских участников в провале переговоров и предательстве геополитических интересов стран – потенциальных жертв агрессии. Они считают заключение пакта Молотова-Риббентропа правильным решением в сложившейся международной обстановке. Другие считают виновным и СССР и говорят о предательстве интересов Англии и Франции при заключении пакта Молотова-Риббентропа.

Ключевые слова: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, англо-франко-советские переговоры, отечественная историография, политика умиротворения, пакт Молотова-Риббентропа.

PARTICIPATION OF V.M. MOLOTOV AND K.E. VOROSHILOV IN THE ENGLISH-FRENCH-SOVIET NEGOTIATIONS BEFORE THE SECOND WORLD WAR DESCRIBED IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A. Slobodyanina

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the elucidation of V. M. Molotov's and K. E. Voroshilov's participation in the English-French-Soviet negotiations in 1939. The author pays special attention to the analysis of historical sources and literature in this subject. A lot of researchers, following the opinion of V. M. Molotov and K. E. Voroshilov, believe that the USSR was just the single fighter for peace during the pre-war times and accuse the English-French participants of the negotiations downfall and the treachery of geopolitical interests of the states which were potential victims of aggression. They believe that the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact was a sound decision in the international situation of that time. Other historians consider the USSR to be to blame too and point out the treachery interests of Great Britain and France while the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact was being signed.

Key words: V. M. Molotov, K. E. Voroshilov, the English-French-Soviet negotiations, domestic historiography, the policy of appeasement, the Molotov-Ribbentrop non-aggression pact.

События 1939 г. представляют большой интерес для исследователей. Это связано с вопросом о том, можно ли было предотвратить Вторую мировую войну. Историки дают разные оценки международным отношениям этого периода. Со стороны СССР дипломатические переговоры с Англией и Францией проводил нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, а советскую военную делегацию на московских переговорах в августе 1939 г. возглавлял нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов. В отечественной историографии этот вопрос специально не освещался, но он косвенно отражён в статьях и монографиях, посвящённых предвоенному периоду.

Историографические труды по этой теме появились только во второй половине 1990-х гг. Одна из первых работ – кандидатская диссертация И. И. Филимонова «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной историографии». С первых же страниц прослеживается его предвзятое отношение к советской историографии затрагиваемого периода: «Господство в стране тоталитарного режима сдерживало развитие исторической науки: идеологический диктат со стороны правящей верхушки партийно-государственного аппарата СССР, наличие в стране единой сталинистской концепции в освещении событий прошлого, отсутствие гласности, узкая база источников служили тормозом в развитии отечественной историографии» [22, с. 3]. Несомненно, его оценка является отражением эпохи Перестройки и 1990-х гг. Таким образом, задаётся определённая тональность для оценки происходивших событий и их освещения в научной

исторической литературе. Но с замечанием автора о расширении базы источников и его положительном влиянии на развитие отечественной исторической науки можно согласиться [22, с. 3–4].

Если И. И. Филимонов затронул отечественную историографию советско-германских отношений лишь до середины 1990-х, то И. В. Грибан в кандидатской диссертации «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии» очень подробно рассмотрела и зарубежные труды, а также работы, опубликованные в конце 1990-х – начале 2000-х гг., развив, таким образом, ещё больше эту тему. Она отмечает, что события и их интерпретация оспариваются, подвергаются переосмыслению, критике, изменениям под влиянием различных факторов [3, с. 213]. На наш взгляд, характерная черта этой оценки заключается в том, что она достаточно «нейтральна», с ней сложно поспорить. Автор отмечает, что отражение предвоенных событий в разных странах политизировано и имеет ярко выраженную специфику [3, с. 218]. Её волнует, что с начала 2000-х гг. «в российской исторической науке наблюдается... стремление вернуться к традиционной трактовке предвоенного политического кризиса» [3, с. 214]. Она негативно оценивает характерную, по её мнению, для России «манипулируемую память», когда подчёркиваются те факты, которыми можно гордиться, а «неудобные» вопросы, замалчиваются» [3, с. 214].

А. С. Гаспарян, рассматривая историю российско-германских отношений в течение веков, в книге «Россия и Германия. Дружья или враги?» отме-

чает, что вопросов о предвоенном периоде не становится меньше, жаркие споры не только не смолкают, но даже набирают обороты. Автор констатирует, что «сегодня многие придерживаются даже более радиальных взглядов, чем сами участники событий!» При этом у большинства из них оценочные суждения базируются не на действительном знании исторического материала, а основе агитации и пропаганды [2, с. 4–5].

Особенно жаркие споры возникают вокруг пакта Молотова – Риббентропа, за которым, как отмечает И. С. Шишкин, «прочно закрепилась репутация преступного документа», одного из самых противоправных... договоров в истории дипломатии [27, с. 109]. В 2009 г. Европарламент официально принял декларацию провозгласить 23 августа Общеευропейским днём памяти жертв сталинизма и нацизма, а Парламентская ассамблея ОБСЕ утвердила резолюцию, в которой поддержала вышеуказанную инициативу Европарламента. В 2011 г. День памяти жертв тоталитарных режимов уже официально отмечался [27, с. 109–110]. О. А. Ржешевский тоже рассматривает в своих трудах эти решения, отмечая словесную «изысканность» авторов резолюции и осуждая возведение фальсификации истории советско-германского договора на межпарламентский и государственный уровень и их желание поставить на одну доску нацизм и сталинизм [15, с. 148–149; 16, с. 6]. Он считает, что резолюция ОБСЕ оскорбляет память советских воинов, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашизма [15, с. 149]. И. С. Шишкин констатирует: «Пакт занял одно

из ведущих мест в широкомасштабной кампании по насаждению новой концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и сталинизма и равной ответственности СССР и Германии за мировую бойню» [27, с. 110]. Однако И. С. Шишкин замечает, что в последние годы пакт был объектом не только политики, но и исторической науки, было немало дискуссий, в которых принимали участие представители, зачастую отстаивающие противоположные точки зрения, в научный оборот введено значительное количество новых, недоступных ранее документов, что позволяет составить более объективное представление о событиях прошлого [27, с. 110].

3 мая 1939 г. М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел СССР сменил В. М. Молотов. Это событие не прошло незамеченным для современников. Документы свидетельствуют, что дипломаты стран, взаимодействовавших с Советским Союзом, стремились получить ответ на вопрос, изменится ли внешнеполитический курс СССР со сменой наркома.

В книге Н. А. Нарочницкой и других авторов «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» отмечено, что 6 мая 1939 г. полномочный представитель СССР в Великобритании И. М. Майский послал телеграмму в Народный комиссариат иностранных дел СССР, в которой сообщал, что в Форин-оффисе его спрашивали, изменится ли внешняя политика Советского Союза в связи с уходом М. М. Литвинова со своего поста. Он ответил, что смена наркома никак не отразится на советской внешней политике [10, с. 378–379]. 11 мая временный поверенный в делах Франции в СССР

Ж. Пайяр в разговоре с В. М. Молотовым задал аналогичный вопрос. Молотов заверил его, что советская внешняя политика останется прежней [10, с. 382–383].

Существуют разные мнения о причинах смены М. М. Литвинова В. М. Молотовым. В исторической справке «Фальсификаторы истории» указано, что «в сложной обстановке подготовки фашистскими агрессорами второй мировой войны... необходимо было иметь на таком ответственном посту... более опытного и более популярного в стране политического деятеля, чем М. М. Литвинов» [23, с. 18]. Была ли это единственная причина? Возможно, были и другие, но, несомненно, она была одной из наиболее основных и существенных. Авторы опровергают мнение о том, что М. М. Литвинов проводил политику коллективной безопасности и поэтому был заменён В. М. Молотовым. Они отмечают, что М. М. Литвинов проводил политику Советского государства, а не свою личную политику» [23, с. 18]. Это важное замечание. Были СНК, Политбюро и другие государственные органы, и М. М. Литвинов не мог проводить «свою собственную политику».

М. М. Наринский усматривает другие причины смены М. М. Литвинова В. М. Молотовым. Он отмечает, что 21 апреля 1939 г. при обсуждении вопроса о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны на совещании в Кремле В. М. Молотов сказал, что для укрепления внешнеполитического положения СССР нужен поиск альтернативных решений, включая возможность улучшения отношений с гитлеровской Германией. При этом резкой критике была подвергнута

«политика Литвинова, ориентированная на союз с Англией и Францией» [1, с. 147]. Он приводит телеграмму И. В. Сталина сотрудникам НКВД от 3 мая 1939 г.: «Ввиду серьёзного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве недояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов» [1, с. 147]. М. М. Наринский отмечает: «Смещение Литвинова означало отход советского руководства от политики коллективной безопасности, курс на лавирование между противостоящими группировками на международной арене в стремлении к наиболее выгодным условиям соглашения» [1, с. 147]. Однако «поиск альтернативных решений» ещё не означает «прогерманской» ориентации В. М. Молотова. Он вёл переговоры со всеми участниками международного процесса, а к контактам с Германией относился осторожно, продолжая диалог с Англией и Францией. Таким образом, нельзя согласиться с М. М. Наринским в этом пункте.

Н. В. Стариков же считает, что причина смещения М. М. Литвинова заключалась в том, что он был проанглийски настроен: «его революционная борьба... была связана с Великобританией», находясь в Англии, «он специализировался на закупках и поставках в Россию вооружения... Снимая «большого друга» англичан, Сталин действительно давал Гитлеру

недвусмысленный сигнал» [21, с. 262–264]. Автор отмечает, что Гитлер оценил «замену», сказав, что именно отставка М. М. Литвинова... позволила, в итоге, заключить пакт Молотова–Риббентропа» [21, с. 264–265]. На наш взгляд, Н. В. Стариков несколько преувеличивает масштабы «англофильства» М. М. Литвинова. Находясь на посту наркома иностранных дел, он, несомненно, отстаивал интересы СССР. М. М. Наринский приводит слова М. М. Литвинова о том, что Советскому Союзу «предлагают принять на себя односторонние обязательства, причём ему разъясняют, что это в его собственных интересах. Советское правительство, конечно, само отлично знает свои собственные интересы» [1, с. 146].

В. А. Никонов отмечает, что приход в Народный комиссариат иностранных дел В. М. Молотова вызвал в мире взрыв [12, с. 5]. А. М. Коллонтай писала, что её осаждали журналисты и озабоченные дипломаты, было немало домыслов о расколе в партии и правительстве, что СССР вооружается и готов вступить на путь агрессии и т.д. [12, с. 5].

Были и другие версии такой «замены». М. М. Литвинов был женат на англичанке, а это могло вызвать конфликт интересов с пребыванием его на посту главы МИДа. Также он был евреем, что делало невозможными его переговоры с фашистской Германией. И. В. Сталин мог принять во внимание, что «ещё Г. В. Чичерин в конце 20-х гг. называл В. М. Молотова в качестве своего преемника» [12, с. 5]. Однако В. А. Никонов считает: «Все эти соображения могли иметь место. Но не это было главным (выделено

нами. – А.С.). Тот факт, что Молотов к посту председателя Совнаркома прибавил ещё и должность наркома иностранных дел, свидетельствовал о движении дипломатии на первый план советской политики. Литвинов никогда не входил в руководство страны, очерчиваемое кандидатами и членами ПБ, руководством СНК и Секретариатом ЦК... Характер переговоров, которые мог вести В. М. Молотов, уровень решаемых на них вопросов был более серьёзным, чем при Литвинове. Авторитет и возможности внешнеполитического ведомства взмывали на небывалую ещё в советской (а может, и во всей отечественной) истории высоту... С точки зрения количества формально занимаемых должностей и отношений со Сталиным именно этот короткий, с мая по август 1939 г., период можно считать пиком служебной карьеры Молотова» [12, с. 5–6]. Точка зрения В. А. Никонова представляется наиболее аргументированной и приемлемой.

М. Н. Панкрашова и В. Я. Сиполс отмечают, что английская и французская стороны затягивали ход **дипломатических переговоров**, пытаясь утопить решение существенных вопросов в море условностей и деталей [14, с. 16–49]. Эта стратегия не способствовала желанию продолжать диалог, что было выражено в словах В. М. Молотова: «Англо-французское предложение наводит на мысль, что Правительства Англии и Франции не столько заинтересованы в самом пакте, сколько в разговорах о нём» [23, с. 46]. Такое жёсткое заявление логично и соответствует позиции любого уважающего себя государства. Оно тем более актуально, что И. В. Сталин 10 марта 1939 г. в Отчётном докладе ЦК ВКП(б) съезду пар-

тии говорил, что необходимо «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» [20, с. 574].

В книге О. А. Ржешевского, Е. Н. Кулькова и М. Ю. Мягкова «Вся правда о Великой войне» отмечается, что «Период марта–августа 1939 г. – это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией, Англией и Францией, Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы, между Германией, Италией и Японией, между Японией и Советским Союзом и т.д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны» [16, с. 14–15]. Однако авторы отмечают, что «СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями» [16, с. 15].

В. А. Никонов подчёркивает: «17 апреля СССР выступил с предложением, которое содержало в себе, по сути, формулу возрождения Антанты: заключить “соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств”, оказывать всевозможную помощь восточноевропейским государствам, “в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи”» [11, с. 429]. У. Черчилль считал, что если бы Н. Чемберлен, в ответ на пред-

ложения советской стороны, согласился объединить усилия трёх стран для отражения агрессии, то и парламент бы это одобрил, «а история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти могла» [11, с. 429; 26, с. 401]. История не знает сослагательного наклонения, но слова У. Черчилля демонстрируют, что был шанс избежать войны. Однако 3 мая 1939 г. на заседании кабинета министров было принято решение – в целях предотвращения нормализации в советско-германских отношениях «в течение какого-то времени продолжать поддерживать переговоры с СССР». При этом «Чемберлен в парламенте заявил, что советское предложение о союзе трёх держав для Англии неприемлемо» [11, с. 429]. А. Б. Широкопад отмечает, что, несмотря на это, У. Черчилль предпринимал попытки переубедить парламент. 4 мая он говорил о том, что удержать нацистский фронт против агрессии невозможно без содействия со стороны России, что нельзя терять время, что он не может понять причины возражений против союза с СССР, единственная цель которого – «оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии», что позиция советского правительства прозрачна, честна и предельно проста, что союз с Россией поможет избежать войны и что «если случится самое худшее, вы всё равно окажетесь вместе с ней по мере возможности» [26, с. 401]. Дальнейший ход истории показал, насколько У. Черчилль был прав.

Довольно традиционно разделение союзников «на два лагеря»: Лондон и Париж – с одной стороны, и Москва – с другой. Присутствует оно в историче-

ской справке «Фальсификаторы истории» [23, с. 38], в трудах И. Ф. Ивашина [5, с. 15] и даже М. М. Наринского [1, с. 146]. Получается, что переговоры не трёхсторонние (в них принимали участие представители трёх государств), а двухсторонние! Но В. М. Молотов не расценивал англо-французскую позицию как единую [10, с. 382–383].

Оценка М. М. Наринским дипломатических переговоров трёх стран несколько противоречива. Он признаёт, что дипломаты Англии и Франции не сделали выводов из ситуации с назначением В. М. Молотова на пост наркома иностранных дел и не поняли всей серьёзности международной обстановки, не хотели идти на компромисс с СССР. В. М. Молотов считал их предложения неравноправными по отношению к СССР [1, с. 147]. Великобритания и Франция желали навязать Советскому Союзу односторонние обязательства, против чего выступал В. М. Молотов [23, с. 39–40]. Но М. М. Наринский считает, что «англо-французские и советские предложения создавали приемлемую основу для заключения тройственного соглашения о взаимопомощи и о гарантиях» [1, с. 149]. Однако эти предложения во многом противоречили друг другу. Разногласия по вопросу о косвенной агрессии были существенны, представления по теме о незаключении сепаратного соглашения – принципиально противоположны, по вопросу о прямом указании стран, которым гарантирована помощь трёх договаривающихся сторон, единства не было, вопрос об одновременном заключении дипломатического и военного соглашения был камнем преткновения. Следовательно, никакой «приемлемой

основы для заключения тройственного соглашения» на тот момент не существовало.

При анализе хода **переговоров военных миссий** становится ясно, что английская и французская стороны были уполномочены вести только переговоры о сотрудничестве (но не подписывать договор) [14, с. 95]. Наиболее полные полномочия имела советская делегация: «*Вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе*» [14, с. 95].

М. М. Наринский так трактует основную идею инструкций, данных К. Е. Ворошилову для переговоров с представителями Англии и Франции: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным *принципиальным вопросам* (выделено нами. – А. С.), главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключённым, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом её варианте обречена на провал...» [1, с. 154]. В этом отрывке ясно указаны условия заключения соглашения. Но М. М. Наринский делает вывод: «Позиция Кремля обрекала тройственные военные переговоры на неудачу» [1, с. 154]. Вопрос – почему М. М. Наринский процитировал инструкции лишь частично? В результате так или иначе он искажает смысл указаний для советской делегации. К тому

же ещё 11 мая 1939 г. посол Польши в СССР В. Гжибовский заявлял, что Польша не присоединится ни к какому договору [10, с. 383]. А. Б. Широкопад в книге «Польша. Непримириемое соседство» высказывает мысль о том, что «Нежелание Польши в столь ответственный момент пропустить советские войска объясняется двумя причинами»: первая – это «боязнь восстания белорусов и украинцев», а вторая заключается в том, что «польская армия за неделю возьмёт Берлин!» [26, с. 402]. О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков и М. Ю. Мягков отмечают: «Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии» [16, с. 17].

Не было у англичан и французов и конкретных планов, несмотря на замечание К. Е. Ворошилова, что именно они должны в первую очередь их иметь, так как СССР непосредственно не граничит со странами-агрессорами и лишь во вторую очередь может стать объектом нападения. Картина участия военных подразделений Англии и Франции в отражении агрессии была самой общей. По словам главы французской делегации генерала Думенка, Франция имела 110 дивизий. Генерал Хейвуд заявил, что Англия в течение 6-ти месяцев планирует мобилизовать эшелон из 16 дивизий. Но на момент переговоров она имела 6 дивизий. У советской стороны был детальный план сотрудничества. Начальник Генерального штаба Красной армии Б. М. Шапошников выделил три варианта возможных направлений агрессии и действий вооружённых сил СССР, Англии и Франции в каждом

случае. СССР был готов развернуть 136 дивизий... Предусматривалось, что Польша, имеющая договоры с Англией и Францией, выступит против Германии и выставит не менее 45 дивизий [14, с. 97–106; 26, с. 401–402].

В. Я. Сиполс в монографии «Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг.» акцентирует внимание на том, что честность и открытость позиции СССР отмечали и наши «союзники». Например, глава английской военной миссии адмирал П. Дракс – главный адъютант короля по морским делам – говорил, что К. Е. Ворошилов «стремился скорее заключить соглашение с Англией и Францией», не желая терять время [18, с. 262–269]. Но договор не мог быть заключён в ущерб интересам СССР. В. Я. Сиполс затронул эту тему и в монографии «Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны» [17, с. 258].

И. Д. Овсянный указывает, что англичане в тайных переговорах с немцами «оправдывались» за начатые ими переговоры с СССР, английские бизнесмены считали их целесообразными только ввиду неподготовленности Великобритании к войне в случае её начала, но эти меры «не должны быть истолкованы как свидетельство какой-либо симпатии по отношению к существующей там (в СССР. – А. С.) системе правления» [13, с. 143]. Они отмечали, что сторонники союза с СССР в Англии многочисленны и «не пользуются влиянием» [13, с. 143].

Это опровергают отрывки из писем наших полпредов в Англии и Франции, приводимые В. А. Никоновым в книге «Молотов. Наше дело правое»: «Разочарование в Мюнхене и негодо-

вание против Германии всеобщее. Политика “умиротворения” в сознании широчайших масс мертва... Мы здесь сейчас в большой моде» [11, с. 427].

М. М. Наринский делает иное заключение: «И Англия, и Советский Союз вели своеобразную «двойную игру», осуществляя параллельные контакты с Германией» [1, с. 151]. Можно заметить: если Англия вела переговоры с Германией, почему этого не мог делать Советский Союз? К тому же СССР на тот момент не имел деклараций о ненападении с фашистской Германией, а у Англии и Франции они были! [23, с. 34–35].

Отдельно следует выделить тему **заключения пакта Молотова–Риббентропа** и её связь с англо-франко-советскими переговорами. Историки, рассматривая один из этих вопросов, так или иначе затрагивают и другой. Различия заключаются лишь в том, что является причиной, а что – следствием: переговоры СССР с Великобританией и Францией закончились провалом ввиду заключения пакта Молотова–Риббентропа или же СССР заключил соглашение с Германией из-за того, что его переговоры с представителями Англии и Франции зашли в тупик.

Слова немецкого дипломата Шуленбурга, приведённые в «Истории внешней политики СССР» опровергают мнение, что англо-франко-советские переговоры окончились неудачей в результате заключения советско-германского договора: «У меня сложилось... впечатление, что... Советское правительство решило заключить договор с Англией и Францией, если они выполнят советские пожелания» [6, с. 384].

К. Е. Ворошилов в интервью корреспонденту газеты «Известия» отметил:

«Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате... того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»¹.

И. И. Филимонов считает, что эти «объяснения К. Е. Ворошилова кажутся мало убедительными: сообщение о возможном заключении пакта о ненападении между СССР и Германией появилось в печати 22 августа 1939 г., когда переговоры между государствами всё ещё продолжались» [22, с. 13]. Что можно сказать об этих “претензиях”? Во-первых, есть слова: «о возможном заключении». Значит, дело не решено окончательно. Во-вторых. Как мы видели, английская и французская стороны постоянно затягивали ход переговоров. Военной миссии Англии предписывалось до момента заключения политического соглашения вести переговоры очень медленно: «*Британское правительство... не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки... следует... ограничиваться в военном отношении возможно более общими формулировками*» [14, с. 93]. И. Д. Овсяный отмечает, что несмотря на близкую перспективу войны, наши «союзники» всё время затягивали переговоры и жаловались на «упрямый характер» В. М. Молотова [13, с. 173–181]. То есть уже в середине августа было ясно, что переговоры трёх стран не предвещали скорого заключения договора. Следовательно, слова И. И. Филимонова о “неискрен-

¹ Известия. 1939. 27 авг.

ности” К. Е. Ворошилова по поводу истинных причин заключения советско-германского договора и провала англо-франко-советских переговоров неубедительны. В-третьих, К. Е. Ворошилов в уже упомянутом интервью газете «Известия» отмечал, что «СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора». Таким образом, К. Е. Ворошилов ничего не скрывал, а откровенно и подробно рассказал о причинах провала англо-франко-советских переговоров в Москве в августе 1939 г. и подписания договора с Германией.

По мнению заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского, «отъезд делегаций – это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остаётся... переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции» [14, с. 121].

И. И. Филимонов привёл слова В. М. Молотова: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать – это дело политических взглядов. Но... идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война “за уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию» [22, с. 16]. Автор делает вывод: «Подобное заявление В. М. Молотова фактически говорило о том, что СССР и Герма-

ния теперь сближаются между собой не только политически, но и идеологически» [22, с. 16]. Но данный вывод не следует из приведённого заявления В. М. Молотова. Он не высказывал симпатий гитлеризму. СССР заключил с Германией договор о ненападении; соответственно, призывы к войне с “идеологией гитлеризма” (следовательно – о превентивном ударе) нельзя расценивать иначе, как провокацию.

Многие историки и ветераны считают, что в предвоенной обстановке пакт Молотова–Риббентропа был для СССР необходимым и вынужденным решением. М. Ю. Мягков пишет о договоре: «С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной обстановке» [8, с. 58]. Не стоит забывать, что предварительно начало войны было определено немцами на 26 августа 1939 г. [13, с. 152]. Времени для принятия решения у СССР практически не оставалось, а соглашение с Великобританией и Францией уже не могло быть подписано ввиду их медлительности. М. И. Мельтюхов считает, что, исходя из целей, которые ставил перед собой Советский Союз, «это был вовсе не просчёт, а желанный для него результат» [7, с. 384]. О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков и М. Ю. Мягков отмечают, что в военной науке важное значение имеет понятие «геостратегическое пространство», и данном случае, геостратегическое пространство, отодвинутое от ключевых центров СССР, обеспечивало возможности для более надёжной обороны страны [16, с. 19–20].

И. С. Шишкин в статье «Преступный пакт без преступления» рассма-

тривает юридические тонкости заключения советско-германского договора, опровергая доводы его противников [27, с. 110–119]. Он считает, что этот пакт соответствовал существующим тогда нормам международного права [27, с. 119]. Единственная «зацепка» – его противоречие «духу» советско-польского договора о ненападении от 1932 г. Но «дух» договора – вещь сложно определяемая. Польша «дух» советско-польского договора неоднократно не принимала во внимание при взаимодействии с другими государствами [27, с. 112–113, 119]. Так что эти рассуждения равносильны обвинениям в нарушении Вечного мира с Польшей от 1686 г. [27, с. 113]. И. С. Шишкин резюмирует: «советскому руководству в критически сложных условиях начинающейся мировой войны удалось оформить свои действия по обеспечению безопасности страны в полном соответствии с нормами международного права, не заложив ни одной юридической мины» [27, с. 119].

А. С. Гаспарян в книге «Россия и Германия. Друзья или враги?» также разбирает различные доводы критиков советско-германского договора, опровергая их аргументы [2, с. 187–213].

М. М. Наринский считает, что советско-германский пакт – это соглашение правителей двух тоталитарных государств, направленное на раздел сфер влияния в восточной части Европы и на её военно-политическое переустройство [1, с. 158]. С этим выводом согласиться нельзя. Цель СССР была связана не с захватом земель, а с обеспечением безопасности на более или менее продолжительный срок. Сам же М. М. Наринский отмечал, что СССР не сразу согласился подписать доку-

мент: «В целом понять ход тройственных переговоров невозможно без анализа развития отношений между СССР и Германией» [1, с. 151]. Эти переговоры начались почти одновременно с англо-франко-советскими (немцы заявили о готовности возобновить торгово-кредитные переговоры с СССР в декабре 1938 г., а поворот к сближению двух стран наметился в апреле 1939 г) [1, с. 151]. Но на этом этапе В. М. Молотов говорил о желательности «продолжения обмена мнений (так в тексте. – А. С.) об улучшении отношений» [1, с. 153]. До конца июля 1939 г. СССР проводил лишь *зондаж* обстановки, обсуждал *возможное сотрудничество*. *Обмен мнениями* не мог нанести ущерба англо-франко-советским переговорам. Важно, что у немцев, в отличие от англичан и французов, было желание договориться с СССР.

М. М. Наринский настаивает: «Заключением советско-германского пакта Сталин выиграл не время, а территорию. Он счёл соглашение с Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку» [1, с. 159]. Он согласен с польским историком Э. Дурачински: «От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше» [1, с. 159]. М. М. Наринский считает, что: «договор о ненападении и секретный дополнительный протокол стали тактическим успехом Сталина, но его стратегическим просчётом. Договор был выгоден Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях» [1, с. 161]. С ним согласен и академик А. О. Чубарьян [24, с. 19]. На наш взгляд, приведённых этими авторами доводов недостаточно для того, чтобы делать подобный вывод. Конеч-

но, Гитлеру договор был выгоден – он иначе не стал бы его заключать. Но нельзя сказать, что договор был стратегическим просчётом Сталина: СССР получил от его заключения многое – выиграл время, отодвинул государственную границу от стратегических промышленных центров. В. М. Молотов вспоминал: «Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились» [25, с. 16]. О. А. Ржешевский считает, что «Важнейшая задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке» [15, с. 162]. СССР это удалось.

Можно назвать ещё ряд авторов, считающих, что все стороны переговоров несут равную ответственность за их провал. С. З. Случ пишет, что провал англо-франко-советских переговоров – это «результат “упущенных возможностей” всех участников» [19, с. 173]. В. И. Дашичев отмечает: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия» [4, с. 13]. Согласиться с этими авторами нельзя. И. В. Сталин объяснял: «Советское правительство не могло отказаться от заключения пакта с Германией... так как это был договор о ненападении между двумя государствами» [5, с. 21]. А. Б. Широкоград отмечает, что даже если советско-германский договор и был «похабным», то он был временным и необходимым в сложившихся условиях и ни один из его критиков не

предложил пока разумной альтернативы действиям советского правительства [26, с. 411]. У советского руководства не было иллюзий относительно планов Германии развязать войну против СССР, но стремление выиграть время заставило пойти на подписание пакта, и перспективу войны удалось отодвинуть на более дальний срок. В этой связи подписание договора о ненападении с Германией – правильное и дальновидное решение.

М. М. Наринский, отмечая подозрительность и взаимное недоверие между переговорщиками [1, с. 146], считает, что ответственность за развязывание войны несут все участники международного процесса: «Недооценка угрозы со стороны гитлеровской Германии, неготовность к разумным компромиссам, обусловила неудачу тройственных англо-франко-советских переговоров» [9, с. 43–44; 1, с. 161]. Хотелось бы особо отметить, что М. М. Наринский, приводя аргументы в пользу своей точки зрения, использует, в подавляющем большинстве, постсоветскую литературу (А. О. Чубарьян, В. И. Дашичев, Э. Дурачинский), где по большей части, отстаивается тезис о том, что *все* участники англо-франко-советских переговоров несут равную ответственность за провал в переговорах. В то же время ссылок на советскую и современную литературу, где отстаивается противоположная точка зрения, почти нет. Скорее всего, М. М. Наринский делает это сознательно, чтобы избежать противоречий. Он приводит аргументы одной стороны, позволяющие ему представить события в нужном для него ключе.

В отечественной литературе неоднократно отмечалось, что восхожде-

ние нацизма не было случайным, оно происходило «под контролем» крупнейших западноевропейских держав, которые при желании могли нейтрализовать его в зародыше. Об этом говорил сам В. М. Молотов [25, с. 27–29]. В книге Н. В. Старикова «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Роковая ошибка Гитлера» приведены серьёзные аргументы в пользу вывода о том, что гитлеровский режим был «выращен» Англией с целью направить его потенциал против СССР [21, с. 19–146].

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**: по вопросу об участии В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова в переговорах с Англией и Францией в отечественной историографии существуют две точки зрения.

Одни авторы считают, что Советский Союз сделал всё возможное для достижения соглашения с Великобританией и Францией, но представители этих стран не удовлетворили законные и естественные требования СССР, например, об одновременном подписании и вступлении в силу дипломатического соглашения и военной конвенции, о незаключении сепаратного перемирия с агрессором, о необходимости согласия Польши на пропуск советских войск через её территорию и ряд других условий, из-за чего переговоры окончились провалом. Сторонни-

ки этой точки зрения считают, что вина за неудачу в переговорах полностью лежит на представителях Англии и Франции, а подписание пакта Молотова-Риббентропа было вынужденным, необходимым и единственно возможным в той ситуации решением. Также они считают, что, несмотря на то, что Англия и Франция завели переговоры в тупик, они могли быть продолжены. Эту позицию отстаивают М. Н. Панкрашова, В. Я. Сиполс, О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, М. И. Мельтюхов, А. Б. Широкоград, И. С. Шишкин, Н. В. Стариков, А. С. Гаспарян и ряд других исследователей. Она отражена в «Истории внешней политики СССР. 1917–1985» (под редакцией А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева) и в исторической справке «Фальсификаторы истории».

Иная точка зрения состоит в том, что все участники англо-франко-советских переговоров несут равную ответственность за их провал. Среди таких историков А. О. Чубарьян, М. М. Наринский, И. И. Филимонов, С. З. Случ, В. И. Дашичев.

В связи с проведённым сравнительным анализом этих точек зрения более основательной и правильной представляется первая.

Статья поступила в редакцию 24.10.2018

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белые пятна – чёрные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. М.: Аспект-Пресс, 2010. 823 с.
2. Гаспарян А. С. Россия и Германия. Друзья или враги? М.: Эксмо, 2017. 352 с.
3. Грибан И. В. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 368 с.
4. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М.: Наука, 2005. 524 с.

5. Ивашин И. Ф. Международные отношения и внешняя политика СССР накануне Второй мировой войны (март – сентябрь 1939 г.) : Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М.: [б.и.], 1951. 27 с.
6. История внешней политики СССР, 1917–1985 : в 2 т. Т. 1. 1917–1945 / под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 536 с.
7. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. 544 с.
8. Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М.: Права человека, 2006. С. 47–60.
9. Наринский М. М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // Вестник МГИМО Университета [Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны]: «Завтра может быть уже поздно...». 2009. S4. С. 23–47.
10. Нарочницкая Н. А., Демурич М. В., Дрожжин С. Н., [и др.]. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. 409 с.
11. Никонов В. А. Молотов. Наше дело правое: в 2 кн. Книга первая. М.: Молодая гвардия, 2016. 472 с.
12. Никонов В. А. Молотов. Наше дело правое: в 2 кн. Книга вторая. М.: Молодая гвардия, 2016. 524 с.
13. Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. М.: Политиздат, 1981. 318 с.
14. Панкрашова М. Н., Сиполс В. Я. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции (Документальный обзор). М.: Агентство печати «Новости», 1970. 125 с.
15. Ржешевский О. А. Советско-германский договор о ненападении 1939 г. Некоторые итоги дискуссии // Мировые войны XX в.: материалы круглого стола, 17 сентября 2009 г. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2011. С. 148–177.
16. Ржешевский О. А. Кульков Е. Н., Мягков М. Ю. Вся правда о Великой войне. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
17. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., доработанное и дополненное. М.: Международные отношения, 1989. 366 с.
18. Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941 гг. М.: Новина, 1997. 447 с.
19. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941 (Дискуссии, комментарии, размышления). М.: Наука, 2007. 487 с.
20. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1947. 611 с.
21. Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Роковая ошибка Гитлера. СПб.: Питер, 2016. 364 с.
22. Филимонов И. И. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1997. 244 с.
23. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. 79 с.
24. Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика 1939–1941 / под ред. А. О. Чубарьяна. М.: Наука, 1999. С. 7–20
25. Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.
26. Широкоград А. Б. Польша. Непримируемое соседство. М.: Вече, 2018. 496 с.
27. Шишкин И. С. Преступный пакт без преступления // Обозреватель-Observer. 2012. № 7. С. 109–120.

REFERENCES

1. Torkunov A., Rotfeld A. D., eds. *Belye pyatna – Chernue pyatna. Slozhnye voprosy v rossiiskopol'skikh otnosheniyakh* [White spots – Black spots. Complex issues of the Russian-Polish relations]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2010. 823 p.
2. Gasparyan A. S. *Rossiya i Germaniya Druz'ya ili vragi?* [Russia and Germany. Friends or foes?]. Moscow, Eksmo Publ., 2017.
3. Griбан I. V. *Sovetsko-germanskie otnosheniya 1939–1941 gg. v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii : dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet-German relations 1939–1941 in domestic and foreign historiography : PhD thesis in Historical sciences]. Ekaterinburg, 2013. 368 p.
4. Dashichev V. I. *Strategiya Gitlera – put' k katastrofe, 1933–1945: Istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy : v 4 t. T. 1: Podgotovka ko Vtoroi mirovoi voine, 1933–1939* [Hitler's strategy – the path to disaster, 1933–1945: Historical essays, documents and materials: in 4 vol. Vol. 1: Preparations for the Second World War, 1933–1939]. Moscow, Science Publ., 2005. 524 p.
5. Ivashin I. F. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika SSSR nakanune Vtoroi mirovoi voyny (mart–sentiabr 1939): Lektsiya, pročitannaya v Vyshei partiinoi shkole pri TsK VKP(b)*. [International relations and foreign policy of the USSR on the eve of the Second World War (March - September 1939) : A lecture given at the Higher Party School of the Central Committee of the CPSU(b).]. Moscow, 1951. 27 p.
6. Gromyko A. A., Ponomarev B. N., eds. *Istoriya vneshnei politiki SSSR, 1917–1985 : v 2 t. T. 1. 1917–1945* [The history of the USSR's foreign policy, 1917–1985: in 2 vol. Vol. 1. 1917–1945. 5th ed.]. Moscow, Science Publ., 1986. 536 p.
7. Mel'tyukhov M. I. *Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939* [Stalin's lost chance. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939]. Moscow, Veche Publ., 2000. 544 p.
8. Myagkov M. Yu. [From the Munich agreement to the Soviet-German treaty of August 23, 1939: Pre-history of the question]. In: *Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR* [The international crisis of 1939–1941: from the Soviet-German treaties of 1939 to the German attack on the USSR]. Moscow, Human rights Publ., 2006, pp. 47–60.
9. Narinskii M. M. [The international political crisis on the eve of the Second World War]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta. [Spets. vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroi mirovoi voyny]: «Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...»* [Bulletin of MGIMO University. [Special release to the 70th anniversary of the beginning of the Second World War]: “Tomorrow it may be too late ...”]. Moscow, MGIMO University Publ., 2009, pp. 23–47.
10. Narochnitskaya N. A., Demurin M. V., Drozhzhin S. N. and others. *Partitura Vtoroi mirovoi. Kto i kogda nachal voynu?* [The score of the Second World War. Who and when started the war?] Moscow, Veche Publ., 2009. 409 p.
11. Nikonov V. A. *Molotov. Nashe delo pravoe: v 2 kn. Kniga pervaya* [Molotov. Our cause is rightful: in 2 books. Book one]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 472 p.
12. Nikonov V. A. *Molotov. Nashe delo pravoe: v 2 kn. Kniga vtoraya* [Molotov. Our cause is rightful: in 2 books. Book two]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 524 p.
13. Ovsyanyi I. D. *1939: poslednie nedeli mira* [1939: the last weeks of peace]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 318 p.
14. Pankrashova M. N., Sipols V. Ya. *Pochemu ne udalos' predotvratit' voynu. Moskovskie peregovory SSSR, Anglii i Frantsii (Dokumental'nyi obzor)* [Why the attempts to prevent the war failed. Moscow negotiations of the Soviet Union, England and France (Documentary review)]. Moscow, Press Agency “News” Publ., 1970. 125 p.
15. Rzheshhevskii O.A. [The Soviet-German non-aggression pact in 1939, Some of the results of the discussion]. In: *Mirovye voyny XX v.: materialy kruglogo stola, 17 sentyabrya 2009 g.*

- [World war of the XX century: materials of the round table, September 17, 2009]. Moscow, State Central Museum of Contemporary History of Russia Publ., 2011, pp. 148–177.
16. Rzheshhevskii O. A., Kul'kov E. N., Myagkov M. Yu. *Vsya pravda o Velikoi voine* [The whole truth about the Great War]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 256 p.
 17. Sipols V. Ya. *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroi mirovoi voiny* [Diplomatic struggle on the eve of the Second World War]. Moscow, International relationships Publ., 1989. 366 p.
 18. Sipols V. Ya. *Tainy diplomaticheskie: Kanun Velikoi Otechestvennoi, 1939–1941* [Diplomatic secrets: Eve of the Great Patriotic War, 1939–1941]. Moscow, Novina Publ., 1997. 447 p.
 19. SSSR, *Vostochnaya Evropa i Vtoraya mirovaya voina, 1939–1941 (Diskussii, kommentarii, razmyshleniya)* [The USSR, Eastern Europe and World War II, 1939–1941 (Discussions, comments, reflections)]. Moscow, Science Publ., 2007. 487 p.
 20. Stalin I. V. *Voprosy leninizma. 11-e izd.* [The issues of Leninism. 11th ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1947. 611 p.
 21. Starikov N.V. *Kto zastavil Gitlera napast' na Stalina. Rokovaya oshibka Gitlera* [Who made Hitler attack Stalin. The fatal mistake of Hitler]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 364 p.
 22. Filimonov I. I. *Sovetsko-germanskie otnosheniya 1939–1941 gg. v otechestvennoi istoriografii: dis. ... kand. ist. nauk* [The Soviet-German relations of 1939–1941 in Russian historiography: PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 1997. 244 p.
 23. *Falsifikatory istorii (Istoricheskaya spravka)* [Falsifiers of history (Historical information)]. Moscow, Association of state book and magazine publishers, Gospolitizdat Publ., 1948. 79 p.
 24. Chubar'yan A.O. [Soviet foreign policy (1 September – the end of October 1939)]. In: *Voina i politika 1939–1941* [War and politics 1939–1941]. Moscow, Science Publ., 1999, pp. 7–20.
 25. Chuev F.I. *Sto sorok besed s Molotovym: iz dnevnika F. Chueva* [One hundred and forty conversations with Molotov: from F. Chuev's diary]. Moscow, TERRA Publ., 1991. 623 p.
 26. Shirokorad A. B. *Pol'sha. Nепrimirimoє sosedstvo* [Poland. The irreconcilable neighborhood]. Moscow, Veche Publ., 2018. 496 p.
 27. Shishkin I. S. [The Pact criminal without a crime]. In: *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 2012, no. 7, pp. 109–120.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободянина Анна Валерьевна – независимый исследователь, г. Москва;
e-mail: slobodyanina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Slobodyanina – Independent Researcher, Moscow;
e-mail: slobodyanina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Слободянина А. В. Участие В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова в англо-франко-советских переговорах накануне Второй мировой войны в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 24–40.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-24-40

FOR CITATION

Slobodyanina A.V. Participation of V. M. Molotov and K. E. Voroshilov in the English-French-Soviet negotiations before the Second World War described in Russian historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 24–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-24-40

УДК 329:94 (470)''20''

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-41-53

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Савельев П. Ю.

*Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Б. Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Автор ставил целью выявить, классифицировать и оценить источники изучения деятельности социал-демократов в I и II Государственных думах Российской империи, включая литературу, в том числе мемуарную и археографическую, посвященную деятельности социал-демократов в Государственной думе, архивные фонды, стенографические отчеты Думы, публикации периодической печати о думской деятельности социал-демократов. Проведены сравнительный анализ и классификация групп источников на предмет их информативной ценности по теме, выяснена их информационная ценность, выявлены источники, которым исследователи уделяют незаслуженно мало внимания, оценены на предмет репрезентативности археографические публикации по теме. Теоретическая/практическая значимость результатов работы заключается в новизне постановки и решения вопроса об источниковой базе изучения думской деятельности социал-демократов и в возможности использования фактографического материала, основных положений и выводов статьи при написании специальных и обобщающих работ как источниковедческого, так и историко-политологического характера. Статья адресована историкам и политологам, занимающимся проблемами истории и источниковедения парламентаризма в России.

Ключевые слова: I и II Государственная Дума, социал-демократическая фракция, источники и их классификация, архивоведение, археография.

SOURCES FOR THE STUDY OF THE SOCIAL DEMOCRATS' ACTIVITIES IN THE STATE DUMAS OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE I AND II CONVOCATIONS

P. Savel'ev

*Russian State Archive of Socio-Political History
15, Bolshaya Dmitrovka ul., Moscow, 125009 Russian Federation*

Abstract. The author set forth an objective to identify, classify and evaluate the sources of studying the Social Democrats' activities in the State Duma of the Russian Empire of the I and II convocations. The memoir and archaeographic sources devoted to the activities of the Social Democrats in the State Duma, the archival funds, the verbatim records of the Duma and the publications in the periodical press on the activities of the Social Democrats in the Duma are included. The comparative analysis and classification of the groups of sources for their informative

value on the topic is performed. The sources to which the researchers pay undeservedly little attention are identified, as well as the archaeological publications on the topic are evaluated for their representativeness. The theoretical / practical significance is in the novelty of the formulation and solution of the question of the source base of the study of the Social Democrats' Duma activities and the possibility of using the factual material, the main provisions and conclusions of the article in writing special and generalizing works of both source studies and historical and political science. The article is addressed to historians and political scientists dealing with the history and source studies of parliamentarism in Russia.

Key words: State Duma of the I and II convocations, social democratic faction, sources and their classification, archival science, archaeography.

Как объект изучения социал-демократические фракции Государственной думы интересуют историков более 100 лет. При этом изучены они весьма неравномерно. Больше внимание уделялось III и IV Думам и гораздо меньше – II-ой и, особенно, I-й Думе, в которой социал-демократическая фракция была «относительно малочисленной» и, оформившись к концу сессии, действовала очень короткое время. Эта мотивация крайне неубедительна хотя бы уже потому, что влияние политического субъекта на политический процесс не прямо пропорционально его величине и времени действия. Напротив, нужно констатировать очень высокую активность социал-демократов в первых двух Думах на уровне провозглашения партийных деклараций и пропаганды партийной программы, противодействия законопроектам, внесенным представителями исполнительной власти, запросной деятельности и использования легальных возможностей, имеющихся у депутатов, для нелегальной пропагандистской и организационной партийной работы вне Думы. Все эти действия носили разрушительный характер для существующего строя, и с полным основанием можно сказать, что роспуск императором первых двух Дум в не

малой мере провоцировался социал-демократами. С другой стороны, функционирование социал-демократической фракции в Думе, как легального партийного центра, обуславливало развитие РСДРП, ее «взросление» как партии, давало накопление опыта парламентской деятельности, который использовался социал-демократами в дальнейшем. Исходя из выше сказанного, деятельность российских социал-демократов в первых двух Думах должна представлять особый интерес. Этим определяются хронологические ограничения данной статьи.

После первых попыток осветить деятельность социал-демократических фракций I и II Государственных дум в брошюрах М. С. Балабанова и Ф. И. Дана [2] и Ю. О. Мартова [24], наиболее значимыми ее исследованиями стали монографии М. Б. Павлова [28] и Г. И. Зайчикова [16]. В то же время подавляющая масса книг, статей и диссертаций советских историков, так или иначе касающихся истории фракций, не ставили своей задачей реконструкцию их деятельности. Главной их целью было создание теоретических конструкций, оправдывающих большевистскую тактику бойкота (затем, напротив, борьбы с бойкотизмом) и левого блока. К сожалению, и в пост-

советский период не было создано специальных работ на занимающую нас тему, несмотря на значительный интерес отечественных историков к Государственной думе. Из обобщающих работ по истории российской социал-демократии на основе новых подходов делалась попытка переосмыслить ее думскую деятельность в монографиях В. В. Шелохаева и С. В. Тютюкина [31, с. 180–188, 196–200; 32, с. 117–124]. Сведения справочного характера о социал-демократических фракциях содержатся в монографии В. А. Козбаненко [20] и статьях В. А. Демина [13; 14].

Что же касается круга используемых источников, то он довольно традиционен и вполне определен еще в 1930–1950-е гг. Представление о нем дают археографические публикации, большая часть которых, кстати сказать, появилась в те же годы. Это – тексты листовок [21; 22; 23], серийная публикация документов Первой российской революции¹, наконец, материалы по истории Государственной думы [19]. Характерной особенностью всех этих публикаций был субъективный отбор документов, исходящих лишь от одной партийной фракции – большевиков. Прямо противоположная односторонность характерна для документальной публикации С. В. Тютюкина по истории меньшевизма [26]. Достоинством же ее является значительное внимание к материалам перводумцев. В целом же исследователи используют ограниченный круг источников, фактически не введены в научный оборот целые комплексы документов, отсутствуют

специально посвященные фракциям археографические публикации. Автору этой статьи не удалось выявить и специальных источниковедческих исследований на эту тему.

Между тем объективно источниковая база изучения деятельности социал-демократических фракций I и II Государственных дум весьма объемна и информативна.

Деятельность фракций в Думе зафиксирована опубликованными стенографическими отчетами [8; 9; 10; 11], в том числе опубликованы корректурные листы двух последних заседаний I Думы и стенограммы закрытых заседаний II Думы [7; 29]. Работа со стенограммами облегчается разнообразными указателями, изданными в качестве приложений к стенограммам [6; 25; 33; 34; 35]. Имеется и выборочная археографическая публикация стенограмм [12]. Помимо речей депутатов, стенограммы содержат выработанные фракцией окончательные варианты текстов деклараций, резолюций, заявлений и формул перехода к очередным делам. В тексты стенограмм включены и запросы, вносимые фракциями. Запросная деятельность выражала оперативную реакцию депутатов на те или иные события в зоне политических интересов фракции. Они инициировались письмами и телеграммами, поступавшими в адрес фракции или отдельных ее членов, и служили для дискредитации исполнительной власти. При этом активность социал-демократов в этой области была чрезвычайно большой. Из 391 запроса, поданных в I Думе, около 40 были инициированы или поддержаны социал-демократами. И это при том, что их запросы появляются только 13 июня, за три недели до

¹ Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы: 50 лет (1905–1955) [12 томов] / Гл. ред. А. М. Панкратова. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1965.

ропуска Думы. II Дума рассмотрела только 37 запросов, но 23 из них были подписаны социал-демократами. При всей своей информативной ценности ни комплекс речей депутатов, ни комплекс запросов в целом до сих пор не проанализированы.

Не менее ценными источниками по истории социал-демократических фракций являются материалы печати – листовки, газеты, журналы, брошюры.

Листовки – произведения оперативной печати. Социал-демократические листовки могли быть только нелегальными, поскольку РСДРП была анти-системной организацией и не могла быть легализована в тех условиях. Отличительным их признаком были надписи на верхнем колонтитуле: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран, соединитесь!». В виде листовок публиковались, как правило, резолюции партийных конференций, «платформы» фракций по тому или иному вопросу, постановления ЦК, местных партийных комитетов, циркулярные письма ЦК к партийным организациям. В рассматриваемый период листовки РСДРП можно сгруппировать по фракционному признаку на большевистские и меньшевистские. Как уже было сказано, первые воспроизводились археографически. В то же время нельзя сказать, что их изучение исчерпано. Например, мало что сделано для установления авторства текстов, за исключением написанных В. И. Лениным. Что же касается меньшевистских листовок, то они даже толком не учтены. При этом в советской историографии к меньшевистским относили и листовки ЦК, и Комитета социал-демократической фракции Думы.

Листовки, как вид источника, являются предтечей газет. Последние отличаются от них исключительно типографским способом воспроизведения текста (листовки рассматриваемого периода могли размножаться на шпирографе или ротаторе с машинописного или рукописного текста), более строгой периодичностью, вплоть до ежедневной, много большим объемом и разнообразием публикуемого материала. В отличие от листовок социал-демократические газеты могли быть не только нелегальными, но и легальными. Издание нелегальной газеты сталкивалось с серьезными препятствиями, которые не позволяли добиться правильной периодичности ее выпуска и достаточной оперативности подачи информации. В 1906 г. центральным органом РСДРП была нелегальная газета «Социал-демократ». Осенью 1906 г. вышло семь номеров этой газеты. В течение 1907 г. она вовсе не издавалась и возобновилась только в январе 1908 г. Для издания легальной газеты требовалось получить разрешение. Для этого нужно было подобрать официального политически благонадежного издателя-редактора и не нарушать цензурные запреты. В отличие от листовок здесь не могло быть и речи о прямом указании партийной принадлежности газеты или ее сотрудников к социал-демократии. По итогам публикации каждого номера могли последовать цензурные репрессии от предупреждения до решения о закрытии газеты и уголовного преследования издателя и сотрудников. В то же время в период думских сессий для легальной печати складывались особые благоприятные условия. Парламентские партийные фракции брали под защиту политиче-

ски близкие им органы печати. Поэтому периоды активного издания легальных социал-демократических газет совпадают с сессиями Думы.

Так, в столице (аналогичная картина наблюдалась и на местах) в период сессии I Думы издавалась ежедневная большевистская газета «Волна» (26 апреля (9 мая) – 24 мая (6 июня) 1906). Она подвергалась цензурным репрессиям вплоть до закрытия, но всякий раз возобновлялась под новым названием (Вперед, 26 мая (8 июня) – 14 (27) июня; Эхо, 22 июня (5 июля) – 7 (20) июля 1906). Параллельно «Волне» выходила ежедневная меньшевистская «Невская газета» (2 (15) мая – 13 (26) мая 1906), так же менявшая свое название (Курьер, 17 (30) мая – 18 июня (1 июля); Голос труда, 21 июня (4 июля) – 7 (20) июля 1906). Значительный объем информации о депутатах-рабочих и социал-демократической фракции в I Думе содержался в органе Трудовой группы – ежедневной газете «Известия крестьянских депутатов» (17(30) мая – 31 мая (13 июня); затем – Трудовая Россия, 2–10 июня; Крестьянский депутат, 25 июня – 6 июля 1906).

Сходная ситуация сложилась и во время сессии II Думы. Еще в преддверии открытия Думы меньшевики приступили к изданию ежедневной газеты «Русская жизнь», которая была переименована в «Народную Думу» (7 (20) марта – 4 (17) апреля; Народная газета, 10 (23) апреля – 11 (24) апреля 1907), став фактически органом социал-демократической фракции в Думе. Большевики издавали ежедневно «Новый луч» (20 – 27 февраля; Наше эхо, 25 марта (7 апреля) – 10 (23) апреля 1907).

Особенным случаем было издание ежедневной легальной социал-

демократической газеты на протяжении длительного времени. Это была «Русская газета», основанная еще в сентябре 1904 г. в С.-Петербурге как общественно-политическая и литературная, но так и не приобретшая за год издания собственного политического лица. В сентябре 1905 г. ее приобрели Парвус и Л. Троцкий, превратив в социал-демократический орган. В период их редакторства (до конца 1905 г.) отдельные номера газеты имели тираж 500 тыс. экз. В 1906 г. тиражи многократно сократились, но газета, меняя названия (Набат, Призыв, Русский набат, Северная земля), продолжала издаваться до 28 июня.

Из леворадикальных, но не партийных социал-демократических периодических изданий чрезвычайно информированной ежедневной газетой был «Товарищ» (СПб., 15 (28) марта 1906 – декабрь 1907). В нем сотрудничали Г.В. Плеханов и отдельные меньшевики. Наконец, огромное внимание Думе и ее партийным фракциям уделял центральный орган конституционно-демократической партии – ежедневная газета «Речь» (23 февраля 1906 – 26 октября 1917).

Материалы периодической печати отличаются видовым разнообразием. Каждый номер партийной газеты открывался одной или двумя передовыми статьями, авторами которых выступали лидеры партии. Передовая, как правило, посвящалась одному текущему политическому событию и предлагала конкретный тактический ход, как ответ на него. Время от времени газеты помещали обобщающие теоретические статьи или статьи дискуссионного характера, инициирующие дискуссию в следующих номерах.

Каждый номер содержал хронику, разбитую на рубрики. В социал-демократических газетах: «Рабочее движение», «Из партии». Все газеты этого времени давали хронику деятельности Государственной думы. Помимо репортажей с пленарных заседаний, публиковались материалы о работе фракций, межфракционных совещаниях, откликах населения на те или иные шаги Думы. Так, довольно обстоятельно сообщалось о поступивших в адрес социал-демократической фракции телеграммах, петициях и письмах (некоторые воспроизводились текстуально), печатались отчеты о некоторых заседаниях фракции и публиковались принятые на них решения, публиковались постановления и резолюции центральных и местных партийных органов о тактике фракции. В целом публицистика, за исключением статей Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, и хроника периодической печати еще очень слабо введены в научный оборот исследователями.

Ценным источником по истории думских социал-демократических фракций является и непериодическая печать. Так, по I Думе М. С. Балабановым и Ф. И. Даном создан обобщающий обзор выборов [2], формирования социал-демократической фракции, начиная с деятельности Рабочей группы, и работы фракции. Авторы являлись активными участниками описываемых событий, будучи делегированы ЦК РСДРП в помощь фракции. В текст брошюры включен ряд документов, некоторые из которых нигде, кроме этой брошюры, не представлены. Деятельность социал-демократической фракции во II Государственной думе проанализирована в брошюрной литературе менее обстоя-

тельно и всесторонне. Начальная ее фаза освещена в брошюре Ю. О. Мартова [24], авторство которого уславливается по протоколам заседаний социал-демократической фракции. Общая оценка деятельности фракции и обстоятельств разгона Думы дана меньшевиками в сборнике «Тернии без роз» [30]. Большевицкая, соответственно негативная, оценка деятельности фракции обосновывается брошюрой члена литературно-лекторской группы при МК РСДРП К. Н. Левина (псевд. – К. Никитин), отредактированной И. И. Скворцовым-Степановым [27]. Вариант большевицкой интерпретации деятельности фракции во II Государственной думе был создан Г. А. Алексинским, но не опубликован и сохранился в рукописи¹.

Еще одним видом источников по истории социал-демократических фракций в Думе являются мемуары. Одним из первых с воспоминаниями об обстоятельствах разгона Думы выступил главный фигурант «зурабовского инцидента», тогда еще меньшевик, А. Г. Зурабов [17]. Через полтора десятилетия он же представил большевицкую интерпретацию тех же событий [18]. Чрезвычайный интерес представляет мемуарное интервью о фракции II Государственной думы, взятое Б. И. Николаевским у И. Г. Церетели. К сожалению, оно до сих пор не опубликовано². Высокой информативностью отличаются мемуары, касающиеся и деятельности первых думских фракций, функци-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–71.

² Hoover Institution Archives (HIA) Stanford (Cal.) The Boris I. Nicolaevsky Collection. Series # 15. Box 38. Folder 5.

онеров Петербургской организации РСДРП меньшевика П. А. Гарви [5] и большевика В. С. Войтинского [3; 4]. Весьма информированной мемуаристкой была и Т. И. Алексинская [1] – жена лидера большевиков-депутатов II Думы Г. А. Алексинского. Его воспоминания о 1906–1907 гг. до сих пор не опубликованы и хранятся в коллекции Б. И. Николаевского¹. На удивление лаконичны и мало информативны мемуары лидера первой фракции и доверенного лица ЦК РСДРП в сношениях со второй фракцией Н. Н. Жордания [15, с. 49–54].

Социал-демократические фракции Государственной думы действовали на основе утвержденного ЦК РСДРП устава и имели статус партийной организации. Это означало, с одной стороны, известную автономию, выражавшуюся в принятии коллегиальных решений на общих собраниях фракции, избрании руководящего органа – комитета фракции, образовании комиссий по направлениям деятельности, в том числе формировании бюджета за счет взносов и пожертвований, издании литературы от имени фракции – писем к избирателям, брошюр и даже собственной газеты. С другой стороны, статус партийной организации предполагал подчинение решениям партийных съездов, конференций и ЦК. Документы, отражающие эту внутреннюю сторону деятельности фракции, в своем большинстве публикации не подлежали и отчасти сохранились в архивах.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) имеется фонд 93, со-

¹ НИА. The Boris I. Nicolaevsky Collection. Series # 230.Box 302. Folder 4.

стоящий из документов социал-демократических фракций I–III Государственных дум. Первые две фракции представлены в фонде протоколами их заседаний. В сентябре 1921 г. Н. И. Иорданский вывез из Финляндии и передал Истпарту протоколы заседаний социал-демократической фракции II Государственной думы. В финской деревушке Нейвола они были спрятаны секретарем фракции С. Н. Салтыковым перед арестом в 1907 г. В комплексе представлены протоколы за период 18 февраля (№ 1) по 3 мая (№ 31)² материалы к ним (явочные листы, иницирующие вопрос документы, решения, заявления). Отсутствуют протоколы 7, 21, 22 и 32 заседаний, но имеются протоколы двух заседаний Комитета фракции³. Лакуны в комплексе объясняются изъятием части архива фракции при обыске полицией ее помещения 5 мая 1907 г. В феврале 1987 г. к фонду 93 было присоединено дело⁴, содержащее протокол заседания социал-демократической фракции I Государственной думы от 8 июля 1906 г. Документ в РГАСПИ был передан из архива РАН, куда поступил на хранение от историка С. Г. Сватикова еще в 1907 г. В сопроводительной записке, оставленной в деле Сватиковым, указано, что архив фракции I Думы, включавший еще несколько десятков протоколов заседаний, был изъят полицией 5 мая 1907 г. при обыске полицией помещения социал-демократической фракции II Государственной думы.

Несмотря на досадные лакуны, 93 фонд содержит внушительный и информативный комплекс документов

² РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1–19.

³ Там же. Д. 13.

⁴ Там же. Д. 50.

социал-демократических фракций первых двух Дум. Связующим комплексом видом документа является протокольная запись. Как правило, по каждому заседанию имеется несколько вариантов протокола: 1–2 черновика (разные протоколисты), беловой вариант, сокращенный вариант для публикации в прессе. Протоколы дают возможность понять мотивацию и механизм выработки тактики фракции, все многообразие взглядов на ее тактические шаги, реальный вклад отдельных членов фракции в принятие решений, установить факт и степень участия в работе фракции партийных функционеров – членов ЦК и ПК РСДРП.

Отдельные разрозненные документы, касающиеся деятельности думской фракции, главным образом циркуляры ЦК местным партийным организациям, имеются в первой описи 17 фонда (ЦК РСДРП) РГАСПИ.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Департамента полиции (Ф. 102 ДП) имеется значительный массив перлюстрированной переписки, связанной с деятельностью социал-демократической фракции Думы, а в фонде Сената – дело с документами, взятыми полицией на квартире фракции 5 мая 1907 г. и фигурировавшими на процессе фракции в качестве вещественных доказательств¹.

Дополнительные материалы по истории социал-демократических фракций может дать первая опись фонда 1278 Российского государственного исторического архива, содержащая материалы по личному составу и по комиссиям Государственных дум

первого и второго созыва. За рубежом в архиве Гуверовского института войны, мира и революции хранится немало материалов думских фракций в составе коллекции Б. И. Николаевского.

Подводя итоги краткому обзору основных групп источников по истории социал-демократических фракций I и II Государственных дум, приходится констатировать, что их видовое разнообразие и большой объем далеко не в полной мере востребованы исследователями. Исходя из критерия информационной ценности источника, можно предложить следующую их видовую классификацию.

Прежде всего, выделим делопроизводственную документацию, включающую в качестве подгрупп делопроизводство социал-демократической фракции и РСДРП; делопроизводство Государственной думы; делопроизводство Департамента полиции. В первой подгруппе с точки зрения нашей темы особый интерес как источники информации представляют протоколы заседаний фракции, письма Комитета фракции и отдельных депутатов избирателям, постановления съездов, конференций, ЦК и местных комитетов РСДРП, циркулярные письма ЦК по вопросам думской тактики. Во второй подгруппе особо ценны стенограммы заседаний Государственной думы, содержащие речи депутатов, тексты деклараций, законопроектов, заявлений, формул перехода к очередным делам, запросов, внесенных социал-демократами. В третьей подгруппе ценную информацию несут перлюстрированные Департаментом полиции письма.

Второй видовой группой являются произведения печати, среди которых особо информативно ценны листовки,

¹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 763г.

легальные ежедневные газеты и брошюры.

Наконец, третьей видовой группой являются источники личного проис-

хождения, включающие в себя мемуары и эпистолярный.

Статья поступила в редакцию 26.11.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексинская Т. И. Из записок русской социал-демократки // Мосты (Мюнхен). 1966. № 12. С. 388–406.
2. Б[алабан]ов М., Дан Ф. Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. СПб.: [б.и.], [1907]. 175 с.
3. Войтинский Вл. Годы побед и поражений: в 2 кн. Кн. 2: На ущербе революции. Берлин: Издательство З. И. Гржебина, 1924. 411 с.
4. Войтинский Вл. Дело социал-демократической фракции 2-й Государственной думы и военная организация // Летопись революции (Берлин). 1923. Кн. 1. С. 99–125.
5. Гарви П. Записки социал-демократа (1906–1921). Ньютонвилл: Oriental Research Partners, 1982. 431 с.
6. Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб.: Государственная типография, 1907. 542 с.
7. Государственная дума. Материалы к стенографическим отчетам 1906 г. Корректированные оттиски по заседаниям 39 и 40 (6 и 7 июля). СПб.: [б.и.], 1907. 38 с.
8. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Том I. Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб.: Государственная типография, 1906. 866 с.
9. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Том II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля). СПб.: Государственная типография, 1906. 1137 с.
10. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том I. Заседания 1–30 (с 20 февраля по 30 апреля). СПб.: Государственная типография, 1907. 2344 стб.
11. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том II. Заседания 31–53 (с 1 мая по 2 июня). СПб.: Государственная типография, 1907. 1610 стб.
12. Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты: в 4 т. М.: Правовая культура, 1995. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 288 с.
13. Демин В. А. Социал-демократическая фракция // Государственная дума России: энциклопедия в 2 т.: 1906–2006. Т.1. 1906 – 1917. М.: РОССПЭН, 2006. С. 593–596.
14. Демин В. А. Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 25–41.
15. Жордания Ной. Моя жизнь. Станфорд: The Hoover inst. on war, revolution and peace, 1968. 130 с.
16. Зайчиков Г. И. Думская тактика большевиков: 1905–1917 гг. М.: Высшая школа, 1975. 237 с.
17. Зурабов А. Г. Вторая Государственная дума. СПб.: Энергия, 1908. 181 с.
18. Зурабов А. Г. К истории ареста и суда над социал-демократической фракцией II Государственной думы // Красный архив. 1926. Т. 3. С. 76–117.
19. Калинычев Ф. И. Государственная дума в России: сборник документов и материалов. М.: Госюриздат, 1957. 646 с.
20. Козбаненко В. А. Партийные фракции I и II Государственных дум России, 1906–1907. М.: РОССПЭН, 1996. 238 с.
21. Листовки большевистских организаций в Первой русской революции 1905–1907 гг. Ч. 3: 1906 – июнь 1907 г. М.: Госполитиздат, 1956. 911 с.

22. Листовки московских большевиков в период Первой русской революции. М.: Госполитиздат, 1955. 590 с.
23. Листовки петербургских большевиков 1902–1917 гг. Т.1: 1902–1907 гг. / сост. М. Л. Лурье, под общ. ред. В. А. Быстрянского. М.: Госполитиздат, 1939. 566 с.
24. [Мартов Ю. О.] Деятельность социал-демократической фракции во Второй Государственной думе. СПб.: Комитет думской социал-демократической фракции, 1907. 40 с.
25. Материалы напечатанные во время сессии Государственной Думы второго созыва. СПб.: [б.и.], 1907. 448 с.
26. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. / сост. С. В. Тютюкин. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.
27. Никитин К., Степанов И. Деятельность Второй Государственной думы. Вып. 1. М.: Товарищество А. И. Мамонтова, 1907. 12 с.
28. Павлов М. Б. Думская тактика большевиков в революции 1905–1907 гг. Л.: Лениздат, 1947. 264 с.
29. Стенографический отчет: Заседание 28 и 29. [Б. м.] 1907. 64 с.
30. Тернии без роз: сборник в пользу осужденных социал-демократических депутатов Второй Государственной думы. Женева: Голос социал-демократа, 1908. 165 с.
31. Тютюкин С. В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
32. Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. 240 с.
33. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. Заседания 1–53 (20 февраля – 2 июня 1907 г.). СПб.: Государственная типография, 1907. 234 с.
34. Указатель к стенографическим отчетам (поименный и предметный) 1906. СПб.: Государственная типография, 1907. 248 с.
35. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Заседания 1–38 (27 апреля – 4 июля 1906). СПб.: Государственная типография, 1907. 227 с.

REFERENCES

1. Aleksinskaya T. I. [From the notes of a Russian social Democrat]. In: *Mosty* [Bridges (Myunkhen)], 1966, no. 12, pp. 388–406.
2. B[alaban]ov M., Dan F. *Rabochie deputaty v Pervoi Gosudarstvennoi dume* [Workers' Deputies in the First State Duma]. St. Petersburg, [1907], 175 p.
3. Voitinskii Vl. *Gody pobed i porazhenii: v 2 kn. Kn. 2: Na ushcherbe revolyutsii* [Years of victories and defeats: in 2 books. B. 2: At the decline of the revolution]. Berlin: Z.I. Grzhebin Publishing House Publ., 1924. 411 p.
4. Voitinskii Vl. *Delo sotsial-demokraticheskoi fraktsii 2-i Gosudarstvennoi dumy i voennaya organizatsiya* [The case of the social democratic faction of the 2nd State Duma and military organization]. In: *Letopis' revolyutsii (Berlin)* [Chronicle of the revolution (Berlin)], 1923, no. 1, pp. 99–125.
5. Garvi P. *Zapiski sotsial-demokrata (1906 – 1921)* [Notes of a social Democrat (1906–1921)]. Newtonville, Oriental Research Partners Publ., 1982. 431 p.
6. *Gosudarstvennaya дума. Vtoroi sozyv. Obzor deyatel'nosti komissii i otdelov* [The State Duma. The second convocation. A review of the activities of the commissions and departments]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1907. 542 p.
7. *Gosudarstvennaya дума. Materialy k stenograficheskim otchetam 1906 g* [The State Duma. Materials for the verbatim records, 1906. Page proofs of the meetings 39 and 40 (on 6 and 7 July)]. St. Petersburg, 1907. 38 p.
8. *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1906 god. Sessiya pervaya. Tom I. Zasedaniya 1–18 (s 27 aprelya po 30 maya)* [The State Duma. Verbatim records. 1906. Session

- first. Volume I. Sessions 1 to 18 (27 April–30 May)]. St. Petersburg, State printing house Publ., 1906. 866 p.
9. *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1906 god. Sessiya pervaya. Tom II. Zasedaniya 19–38 (s 1 iyunya po 4 iyulya)* [The State Duma. Verbatim records. 1906. Session first. Vol. II. Meeting 19–38 (from 1 June to 4 July)]. St. Petersburg, State printing house Publ., 1906. 1137 p.
 10. *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Sessiya vtoraya. Tom I. Zasedaniya 1–30 (s 20 fevralya po 30 aprelya)* [The State Duma. Verbatim records. 1907. Session two. Volume I. Sessions 1–30 (from 20 February to 30 April)]. St. Petersburg, State printing house Publ., 1907.
 11. *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety. 1907 god. Sessiya vtoraya. Tom II. Zasedaniya 31–53 (s 1 maya po 2 iyunya)* [The State Duma. Verbatim records. 1907. Session two. Vol. II. Meeting 31–53 (from 1 May to 2 June)]. St. Petersburg, State printing house Publ., 1907. 1610 p.
 12. *Gosudarstvennaya дума. 1906–1917. Stenograficheskie otchety: v 4 t. T. 1; T. 2* [The State Duma. 1906–1917. Verbatim records: in 4 v.]. Moscow, Legal culture, 1995. Vol. 1. 336 p.; Vol. 2. 288 p.
 13. Demin V. A. [The social-democratic fraction]. In: *Gosudarstvennaya дума Rossii: entsiklopediya v 2 t.: 1906–2006. T. 1: 1906–1917* [The State Duma of Russia: Encyclopaedia in 2 volumes: 1906–2006. Vol. 1: 1906–1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, pp. 593–596.
 14. Demin V.A. [Fraction II of the State Duma]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 2006, no. 10, pp. 25–41.
 15. Zhordaniya Noi. *Moya zhizn'* [My life]. Standford, The Hoover inst. on war, revolution and peace, 1968. 130 p.
 16. Zaichikov G.I. *Dumskaya taktika bol'shevikov: 1905–1917* [The Duma tactics of the Bolsheviks: 1905 – 1917]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 237 p.
 17. Zurabov A.G. *Vtoraya Gosudarstvennaya дума* [The second State Duma]. St. Petersburg, Energy Publ., 1908. 181 p.
 18. Zurabov A.G. [The history of the arrest and trial of the social-democratic faction of the State Duma II]. In: *Krasnyi arkhiv* [Red archive], 1926, vol. 3, pp. 76–117.
 19. Kalinychev F.I. *Gosudarstvennaya дума v Rossii: sbornik dokumentov i materialov* [The State Duma in Russia: collection of documents and materials]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 646 p.
 20. Kozbanenko V.A. *Partiinye fraktsii I i II Gosudarstvennykh dum Rossii, 1906–1907* [The parliamentary party groups of I and II State Dumas of Russia, 1906–1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 238 p.
 21. *Listovki bol'shevistskikh organizatsii v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. Ch. 3: 1906 – iyun' 1907 g.* [Leaflets of the Bolshevik organizations in the First Russian revolution of 1905–1907, Part 3: 1906–June 1907]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956. 911 p.
 22. *Listovki moskovskikh bol'shevikov v period Pervoi russkoi revolyutsii* [Leaflets of the Moscow Bolsheviks during the First Russian revolution]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 590 p.
 23. Lur'e M. L., comp., Bystryansky V.A., ed. *Listovki peterburgskikh bol'shevikov 1902–1917 gg. T. 1: 1902–1907 gg.* [Leaflets of the St. Petersburg Bolsheviks in 1902–1917. Vol. 1: 1902–1907]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1939. 566 p.
 24. [Martov, Yu.O.] *Deyatel'nost' sotsial-demokraticheskoi fraktsii vo Vtoroi Gosudarstvennoi dume* [The activities of the social democratic faction in the Second State Duma]. St. Petersburg, Committee of the Duma Social Democratic faction, 1907. 40 p.
 25. *Materialy napechatannye vo vremya sessii Gosudarstvennoi Dumy vtorogo sozyva* [Materials

- published during the session of the State Duma of the second convocation]. St. Petersburg, 1907. 448 p.
26. Tutukin S. V. comp. *Men'sheviki. Dokumenty i materialy. 1903 – fevral 1917* [The Mensheviks. Documents and materials. 1903 – February 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 408 p.
 27. Nikitin K., Stepanov I. *Deyatel'nost' Vtoroi Gosudarstvennoi dumy. Vyp. 1* [The activities of the Second State Duma, Iss. 1]. Moscow, Tovarishchestvo A. I. Mamontova, 1907, 12 p.
 28. Pavlov M. B. *Dumskaya taktika bol'shevikov v revolyutsii 1905* [The Duma tactics of the Bolsheviks in the revolution of 1905]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1947. 264 p.
 29. *Stenograficheskii otchet: Zasedanie 28 i 29* [Verbatim record: Meeting 28 and 29]. 1907. 64 p.
 30. *Ternii bez roz: sbornik v pol'zu osuzhdennykh sotsial-demokraticeskikh deputatov Vtoroi Gosudarstvennoi dumy* [Thorns without roses: a collection in favor of the convicted deputies-social-democrats of the Second State Duma]. Geneva, Golos sotsial-demokrata Publ., 1908. 165 p.
 31. Tyutyukin S. V. *Men'shevizm: stranitsy istorii* [Menshevism: pages of history]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 560 p.
 32. Tyutyukin S. V., Shelokhaev V. V. *Marksisty i russkaya revolyutsiya* [Marxists and the Russian revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 240 p.
 33. *Ukazatel' k stenograficheskim otchetam. Vtoroi sozvyv. 1907 god. Zasedaniya 1–53 (20 fevralya – iun 1907)* [A pointer to the verbatim records. The second convocation. 1907. Session 1–53 (20 February – Jun. 1907)]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1907, 234 p.
 34. *Ukazatel' k stenograficheskim otchetam (poimennyi i predmetnyi) 1906* [A pointer to the verbatim records (of names and subjects) 1906]. St. Petersburg, State printing house Publ., 1907. 248 p.
 35. *Ukazatel' k stenograficheskim otchetam 1906 g. Zasedaniya 1–38 (27 aprelya – iul 1906)* [A pointer to the verbatim records of the 1906 Meeting 1–38 (April 27 – July 1906)]. St. Petersburg, State printing house Publ., 1907. 227 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-09-00540.

ACKNOWLEDGEMENTS

The Article is prepared with the financial support of the Russian Foundation for basic research (RFBR), project № 18-09-00540

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савельев Петр Юрьевич – доктор исторических наук, главный специалист отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата Российского государственного архива социально-политической истории;
e-mail: savelev@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr Yu. Savel'ev – Doctor of Historical Sciences, chief specialist at the Department of Scientific and Information work and Scientific reference apparatus, Russian State Archive of Socio-political history;
e-mail: savelev@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Савельев П. Ю. Источники изучения деятельности социал-демократов в I и II Государственных думах Российской Империи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 41–53.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-41-53

FOR CITATION

Savelev P. Yu. Sources for the study of the social democrats activities in the I and II State Dumas of the Russian Empire. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 41–53.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-41-53

Всеобщая история

УДК 327: 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-54-62

ВЗГЛЯД ИЗ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ НА РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЕМ

Забелла А. А.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе большого комплекса публикаций новозеландской историографии анализируется становление и развитие сотрудничества между Новой Зеландией и Китаем. Изученные материалы дают объективную картину развития сотрудничества. Автор выявляет причины заинтересованности сторон в укреплении диалога. При написании работы были использованы системный подход – внешняя политика государства рассматривается, как система «политических установок, определяющих основное содержание деятельности по развитию отношений государства с другими субъектами, действующими на международной арене»; а также историко-сравнительный метод, который позволил на основании хронологии развития межгосударственных отношений провести анализ изменения частных и общих факторов внешнеполитического курса Новой Зеландии и Китая. Выводы исследования могут быть использованы для прогнозирования направлений развития взаимоотношений между государствами.

Ключевые слова: новозеландско-китайские отношения, новозеландская миграционная политика, торгово-экономическое сотрудничество, соглашение о свободной торговле.

VIEW FROM NEW ZEALAND ON THE DEVELOPMENT OF COOPERATION WITH CHINA

A. Zabella

Peoples' Friendship University of Russia

10–2, Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article, based on a large complex of New Zealand historiography, analyzes the formation and development of cooperation between New Zealand and China. These materials provide an objective picture of the development of cooperation. The author reveals the reasons for the parties' interest in strengthening the dialogue. The systematic approach was used in the research, it means that the foreign policy of the state is considered as a system of “political at-

titudes defining the main content of activities for developing state relations with other actors in the international arena". Besides, the historical-comparative method was used too. It allowed, on the basis of the chronology of the development of interstate relations, to analyze the changes in special and general factors of the foreign policy of New Zealand and China. The findings of the study can be used to predict the directions of development of the interstate relations.

Key words: New Zealand-China relations, New Zealand migration policy, trade and economic cooperation, free trade agreement.

Развитие сотрудничества между Новой Зеландией (НЗ) и Китаем в течение длительного времени сдерживалось ввиду ряда объективных причин. Новая Зеландия, оставаясь частью Британской империи, не имела полной свободы внешнеполитических действий, а также не видела заинтересованности в развитии контактов с цинским Китаем, который был сосредоточен на решении внутригосударственных и внешних вопросов. Тем не менее отношения между сторонами развивались, хоть и незначительно. Начало взаимодействия между Китаем и Новой Зеландией было связано с Морским шелковым путем, когда в Китай стали осуществляться первые поставки тюленьей кожи из Новой Зеландии. В конце XVIII в., начале XIX в. Китай был главным рынком реализации кожи [12, р. 7]. Относительная близость Новой Зеландии к Китаю давала преимущества перед другими конкурентами. На протяжении XIX в. Новая Зеландия в Китай также экспортировала древесину, нефриты, золото, лом. Китай, в свою очередь, экспортировал чай, специи, масла и ткани.

С середины XIX в. Новая Зеландия начала большое внимание уделять вопросам, связанным с прибытием китайских мигрантов в страну. В 50-е гг. около 5 тыс. китайцев проживало в Новой Зеландии. Большую часть из них составляли мужчины из провин-

ции Гуандун, Китай [12, р. 7]. В XIX в. наибольший поток мигрантов был зафиксирован в 1860-е гг., первоначально китайское население приезжало в страну с целью добычи золота [10]. Экономический спад, который произошел в Новой Зеландии в 1870-е гг., привел к обострению миграционного вопроса. В Новой Зеландии был принят Китайский иммиграционный акт¹ (1881 г.), который был направлен на сокращение численности китайских граждан в государстве. Количество китайцев, прибывавших на кораблях в Новую Зеландию, было ограничено одним человеком на каждые 10 тонн веса судна. Помимо прочего, въезжающие в Новую Зеландию китайцы должны были выплатить налог в размере 10 фунтов стерлингов.

В 1888 г. соотношение китайцев к тоннажу судов сократилось до одного китайца на 100 тонн, 1896 г. – на 200 тонн, а налог вырос до 100 фунтов [4]. В 1898 г. вышел закон, согласно которому китайцы не могли получать пенсию от государства, кроме лиц, рожденных на территории Новой Зеландии [4].

Следует сказать о том, что еще в 1879 г. в парламенте губернатор Джордж Грей высказывал опасения относительно увеличивающегося количества китайского населения в малонаселенной Новой Зеландии. Он писал:

¹ Chinese Immigrants Act 1881 (45 VICT 1881 No 47)

«присутствие в этой стране большого китайского населения...будет оказывать негативное воздействие на цивилизацию» [9].

В начале XX в. принятие антикитайских законов продолжилось. Так, в 1901 г. был принят акт, запрещающий опиум, согласно которому полиция, не имея ордера, получила право доступа к домам китайцев. В 1907 г. была принята поправка к Китайскому иммиграционному акту, по которой вводился обязательный тест по чтению из 100 слов на английском языке. В 1921 г. вводилась квота на ежегодный въезд в Новую Зеландию китайцев в количестве 100 человек [4].

В марте 1901 г. был назначен первый торговый представитель Новой Зеландии, задачи которого сводились к анализу рынков Южной Африки, Великобритании, Индии, Китая и Японии, с целью расширения торговых отношений с вышеназванными государствами [11, р. 147]. Это назначение было непродолжительным, однако оно вскрыло факт, который препятствовал наращиванию торговли – отсутствие должного судоходства.

Первое Консульство Китая в Новой Зеландии было открыто в 1909 г. в Веллингтоне. Позже, в 1938 г., оно было преобразовано в Генеральное консульство. Главная задача, которая стояла перед сотрудниками китайского дипломатического ведомства, безусловно, была связана с защитой интересов граждан Китая, находящихся на территории Новой Зеландии. Правительство Чан Кайши осуществило ряд попыток по выведению отношений на более высокий уровень с помощью обмена представителями, однако в тот период времени дипломатическая

активность Новой Зеландии не была достаточно высокой, что повлияло на реализацию данной инициативы.

Однако стоит отметить тот факт, что ни открытие торгового представительства, ни установление консульских отношений существенным образом не повлияли на укрепление и развитие сотрудничества, что, впрочем, является логичным ввиду не только низкой дипломатической активности самой Новой Зеландии, но и сложной внутривосточной ситуации в самом Китае.

Интерес, по мнению автора статьи, представляет трансформация позиции Новой Зеландии по вопросу так называемой «желтой угрозы». В политике Новой Зеландии начала XX в., как и прежде, большое значение уделялось попыткам уберечь страну от «желтой угрозы». При этом «желтая угроза» ассоциировалась лишь с китайцами. Изменение отношения новозеландцев к «желтой угрозе» произошло после поражения России в российско-японской войне 1904–1905 гг., когда Япония начала планомерно наращивать свое внешнеполитическое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Позиция Австралии, которая формировалась на идее «Белая Австралия», рассматривала «желтую угрозу» как угрозу, исходившую именно от Японии. После укрепления позиций Японии в АТР, а также увеличения количественного состава японцев, занимающихся добычей на богатых хромовых и никелевых рудниках Новой Каледонии близ Новой Зеландии и Австралии, китайская «желтая угроза» перестала быть актуальной внутривосточной политической проблематикой государства.

Стоит отметить тот факт, что также происходила миграция новозеландцев в Китай. Изучив широкий пласт источников и литературы, автор приходит к выводу о том, что большинство новозеландцев отправлялись в Китай с целью осуществления миссионерской деятельности. К концу 1930-х гг. более 120 новозеландцев принимали активное участие в евангелизации и других видах гуманитарной деятельности в Китае, хотя эта работа была прекращена с началом японской оккупации [12, p. 8].

Особую роль в улучшении отношения к китайцам со стороны новозеландцев сыграл представитель Новой Зеландии в Лиге Наций У. Джордон, который выступал в поддержку Китая и призывал международное сообщество к объединению против агрессивной политики Японии [7]. Следовательно, действия Японии, которые рассматривались в качестве вызова основополагающим принципам Лиги Наций, позитивно сказались на развитии и либерализации новозеландско-китайских отношений. Таким образом, после присоединения Новой Зеландии к США и Китаю в противодействии гитлеровской Германии и милитаристской Японии в отношениях между Новой Зеландией и Китаем произошло потепление.

Между 1946 и 1949 гг. проходили переговоры с целью заключения договора о дружбе, однако именно миграционный вопрос вновь стал камнем преткновения [1, с. 8]. Таким образом, тогда не удалось вывести межгосударственные отношения на более высокий уровень.

В ноябре 1949 г. на выборах в Новой Зеландии победила Национальная

партия во главе с С. Холландом, который скептически относился к коммунизму. Это было важной причиной, по которой установление отношений с Китайской Народной Республикой затянулось на долгие годы. Отношения в 1950-е гг. ухудшились ввиду участия китайской стороны в Корейской войне. Национальная партия Новой Зеландии укрепляла отношения с Тайванем, ввиду чего возникла проблема «двух Китаев». Однако новозеландская сторона временно заняла выжидательную позицию по данному вопросу, что, безусловно, было связано с политикой США в отношении Китая. В 1956 г. Новая Зеландия сняла торговое эмбарго, введенное по причине участия китайской стороны в Корейской войне. По мнению автора, такая политика новозеландской стороны предопределена экономическими интересами. Изменения в отношениях между Новой Зеландией и КНР произошли после визита в Китай президента США Р. Никсона и последующего установления дипломатических отношений.

Дипломатические отношения между Новой Зеландией и КНР были установлены 22 декабря 1972. На тот момент общий объем межгосударственной торговли составлял лишь 1,7 млн. долларов США. Между Новой Зеландией и КНР не существовало прямого авиасообщения [6, p. 10]. В 1973 г. было заключено первое торговое соглашение. Через три года со дня установления официальных отношений объем торговли увеличился многократно и составил 38 млн. долларов США [6, p. 18]. Столь быстрые позитивные изменения в двусторонних отношениях были связаны с интенсификацией китайско-американского

диалога. На тот момент Г. Киссинджер занимался китайским направлением внешней политики США, он выступал за укрепление отношений и создание тандема против «советского экспансионизма». В тот период отношения между СССР и КНР переживали сложный период ввиду развенчания культа И. Сталина на XX съезде КПСС, а также отказа советской стороны от оказания дальнейшей помощи по развитию ядерной программы в Китае.

С целью укрепления отношений, а также развития народной дипломатии новозеландской стороной было предложено организовать периодические студенческие обмены, обмены докторов, ученых, журналистов и так далее. Однако в 1970-е гг. осуществить такую инициативу было затруднительно по причине внутривосточной ситуации в самом Китае, где происходила Культурная революция. Мао Цзэдун придавал большое значение укреплению экономических отношений, и в первую очередь с сопредельными государствами, так как это давало возможность экономического развития и регулирования внутривосточной ситуации. В декабре 1978 г. китайская сторона объявила о начале политики «четырех модернизаций», которая была призвана активизировать внешнеполитический курс КНР на международной арене. Интерес представляет нейтральная позиция Новой Зеландии относительно действий КНР по отношению к Вьетнаму в феврале 1979 г., которая объясняется, по мнению автора, нежеланием оказания негативного влияния на торгово-экономические отношения стран. Политические, экономические, гуманитарные контакты между Новой Зеландией и Китаем в

1980-е гг. XX в. увеличивались. Новая Зеландия выступала за включение КНР в международные организации. В 1987 г. произошли первые консультации на уровне министров обороны двух стран, ВМФ Новой Зеландии вошел в акваторию вблизи Шанхая [8]. Эти события заложили основу для последующего развития военно-политического сотрудничества.

События 1989 г. на площади Тяньаньмэнь временно отрицательно сказались на политических, гуманитарных контактах между странами, однако большое влияние на торгово-экономические связи не оказали.

В 1989 г. в Новой Зеландии был принят Акт по образованию, согласно которому школы и институты государства получили право принимать иностранных студентов на коммерческой основе.

В 1992 г., в двадцатую годовщину со дня установления дипломатических отношений, состоялись визиты на высшем уровне. В 1999 г. Председатель КНР по случаю участия в конференции АТЭС первым из китайских лидеров посетил Новую Зеландию.

Новозеландско-китайское сотрудничество в XXI в. характеризуется стабильностью и многонаправленностью. На современном этапе позиции государств схожи по многим международным вопросам. Тем не менее, если говорить о Новой Зеландии, то внешнеполитические интересы государства сфокусированы на региональной интеграции и стабильности. Китай, напротив, большое внимание уделяет международной безопасности и вопросам содействия национальному развитию.

Особенностью межгосударственных отношений является то, что Новая

Зеландия – это первое западное государство, которое заключило двустороннее соглашение с Китаем о присоединении к ВТО в августе 1997 г. Новая Зеландия – первая из развитых государств, признавших за Китаем статус рыночной экономики в 2004 г., она также первая из развитых стран вошла в зону свободной торговли с Китаем в 2008 г. Последнее создало важный прецедент для либерализации торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Особую актуальность изменения в системе образования 1989 г. имеют в настоящее время, так как десятки тысяч китайцев обучаются в Новой Зеландии. Во-первых, образовательные программы являются мощным инструментом «мягкой силы». Во-вторых, увеличение студенческих контактов между государствами способно заложить важный фундамент для укрепления отношений в долгосрочной перспективе. В-третьих, привлечение иностранных граждан для последующего обучения является важной статьей дохода Новой Зеландии. В 2011 г. прибыль от образовательных программ, предоставляемых гражданам КНР, составила 600 миллионов долл. США [6, p. 36].

Автор полагает, что символичным является участие новозеландской стороны в предложенной в 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином китайской инициативе «Один пояс, один путь». Новая Зеландия является первым развитым государством, которое выступило в поддержку инициативы [5, p. 180]. В XVIII в. страны осуществляли торговлю именно благодаря Морскому шелковому пути. В качестве пяти основных целей инициативы «Один пояс, один путь» Пред-

седатель КНР изложил координацию в политической сфере, финансовую интеграцию, беспрепятственную торговлю, установление контактов и развитие связей между людьми [3, с. 44]. Следовательно, китайская инициатива придаст новый импульс межгосударственному сотрудничеству.

В заключение автор приходит к выводу о том, что новозеландско-китайское сотрудничество прошло несколько периодов развития. Первый период охватывает временной промежуток до 1949 г., когда происходили первые контакты между государствами. С конца XVIII по середину XX века связи между государствами эволюционировали медленно, что было связано с низким уровнем внешнеполитической активности Новой Зеландии [1, с. 101].

Второй период начался в 1949 г. и продолжался до 1972 г. Отношения исследуемого периода отличаются низкой интенсивностью, что было связано с внутривнутриполитической ситуацией в стране, а также отсутствием установленных дипломатических отношений.

Третий период – с 1972 по 1989 г. Межгосударственное сотрудничество характеризуется стабильностью, наращиванием политического и экономического диалога.

Четвертый период длится с 1990 г. по настоящее время. Данный отрезок времени знаменателен подписанием в 2008 г. Соглашения о свободной торговле, которое придало новый импульс углублению и расширению контактов.

В 2015 г. бывший верховный комиссар Новой Зеландии в Канберре Д. Ларкиндейл писал о новозеландско-китайских отношениях: «Новой Зеландии удалось построить всеобъемлющее стратегическое партнерство

с Китаем на основе последовательной, прагматичной и активной политики» [8, p. 6].

Усиление позиций и изменение значимости КНР на международной арене глава Китайской Народной Республики охарактеризовал следующим образом: «Когда-то Наполеон назвал Китай спящим львом, когда этот лев проснется- мир содрогнется. Китайский лев начал свое пробуждение, но

он мирный, дружелюбный и цивилизованный» [2].

Ввиду увеличения места и роли Китайской Народной Республики в системе международных отношений, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Новая Зеландия заинтересована в формировании устойчивых связей с КНР.

Статья поступила в редакцию 05.12.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Олейников И. В. Политическая составляющая новозеландско-китайских отношений в XX – начале XXI в. // *Россия и АТР*. 2010. № 1. С. 100–107.
2. Китайский лев проснулся, но он не запугает весь мир (по материалам Агентства Синьхуа, 29.12.2014) // *Russia.China.org.cn* : [сайт]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-12/29/content_34427735.htm (дата обращения: 03.12.2018).
3. Пономаренко Л. В., Сидоров Д. А., Забелла А. А. Инициатива «Один пояс, один путь» как способ соединения Китая с миром // *Дипломатическая служба*. 2018. № 1(76). С. 42–48.
4. Anti-Chinese legislation // *Te Ara – The Encyclopedia of New Zealand* [website]. URL: <https://teara.govt.nz/en/photograph/2173/anti-chinese-legislation> (accessed: 03.10.2018).
5. *China's Belt and Road Initiative: Changing the Rules of Globalization* / ed. Wenxian Zhang, Ilan Alon, Christoph Lattemann. L.-N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018. 358 p.
6. Elder C. Forty years on. *New Zealand-China relations then, now, and in the years to come*. Wellington (NZ): Victoria University, 2013. 122 p.
7. Gillespie O. A. *Official History of New Zealand in The Second World War, 1939–1945. The Pacific*. Wellington, Government Print, 1952. 398 p.
8. Larkindale J. *New Zealand's China policy: Building a comprehensive strategic partnership*. Wellington: New Zealand Contemporary China Research Centre (Victoria University), 2015. 77 p.
9. Manying Ip, Liangni Liu. Gendered factors of Chinese multi-locality migration: the New Zealand case // *Sites (A Journal of Social Anthropology and Cultural Studies): New Series*. 2008. Vol. 5. № 2. P. 31–56
10. *Our relationship with China* // *New Zealand Foreign Affairs and Trade* [website]. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/north-asia/china/> (accessed: 03.12.2018).
11. *Parliamentary Debates: Legislative Council and House of Representatives*. Vol. 120. Wellington: Government Printer, 1902. 746 p.
12. *Report of the Foreign Affairs and Defence Committee on the inquiry into the New Zealand-China relationship* / Wellington, N. Z., 1986. 115 p.

REFERENCES

1. Oleinikov I.V. [The political component of the New Zealand-Chinese relations in the XX – early XXI century]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia and the Pacific region], 2010, no. 1, pp. 100–107.
2. [Chinese lion has awoken, but he will not intimidate the whole world (according to the materials of the Xinhua News Agency, 29.12.2014)]. In: *Russia.China.org.cn*. Available at:

- http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-12/29/content_34427735.htm (accessed: 03.12.2018).
3. Ponomarenko L. V., Sidorov D. A., Zabella A. A. [The Initiative “One belt, one road” as a way to connect China with the world]. In: *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic service], 2018, no. 1(76), pp. 42–48.
 4. Anti-Chinese legislation. In: *Te Ara – The Encyclopedia of New Zealand*. Available at: <https://teara.govt.nz/en/photograph/2173/anti-chinese-legislation> (accessed: 03.10.2018).
 5. Wenxian Zhang, Ilan Alon, Christoph Lattemann, eds. *China’s Belt and Road Initiative: Changing the Rules of Globalization*. L.-N.Y., Palgrave Macmillan, 2018. 358 p.
 6. Elder C. *Forty years on New Zealand-China relations then, now, and in the years to come*. Wellington (NZ), Victoria University, 2013. 122 p.
 7. Gillespie O. A. *Official History of New Zealand in The Second World War, 1939–1945. The Pacific*. Wellington, Government Print, 1952. 398 p.
 8. Larkindale J. *New Zealand’s China policy: Building a comprehensive strategic partnership*. Wellington: New Zealand Contemporary China Research Centre (Victoria University), 2015. 77 p.
 9. Manying Ip, Liangni Liu. Gendered factors of Chinese multi-locality migration: the New Zealand case. In: *Sites (A Journal of Social Anthropology and Cultural Studies), New Series*, 2008, Vol. 5, no. 2, pp. 31–56
 10. Our relationship with China. In: *New Zealand Foreign Affairs and Trade* [website]. Available at: <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/north-asia/china> (accessed: 03.12.2018).
 11. *Parliamentary Debates: Legislative Council and House of Representatives*. Vol. 120. Wellington, Government Printer, 1902. 746 p.
 12. *Report of the Foreign Affairs and Defence Committee on the inquiry into the New Zealand-China relationship*. Wellington N. Z., 1986. 115 p.
-

БЛАГОДАРНОСТИ

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках совместного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002 «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

ACKNOWLEDGEMENTS

Prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the joint project RFBR-CASS (Chinese Academy of Social Sciences) № 17-27-21002 "Russian and Chinese assistance to Asia and Africa: comparative analysis and prospects for coordination».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Забелла Анастасия Александровна – ассистент кафедры теории и истории международных отношений, кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов;
e-mail: zabella-rudn@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Zabella – assistant at the Department of Theory and History of International Relations, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: zabella-rudn@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Забелла А. А. Взгляд из Новой Зеландии на развитие сотрудничества с Китаем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 54–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-54-62

FOR CITATION

Zabella A.A. View from New Zealand on the development of cooperation with China. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 54–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-54-62

УДК 94 (41/99)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-63-72

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ НЕОФАШИЗМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В ФРГ И ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Козьякова Н. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется идеология неонацизма во Второй Австрийской республике и ФРГ в середине XX в. Используются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальный сравнительно-исторический метод при рассмотрении общих и особенных черт неонацизма. Автор приходит к выводу, что во второй половине XX в. неонацизм был своего рода эклектикой ультралевых и ультраправых взглядов. В результате их смешения возникло глубоко противоречивое явление, которое отражало интересы реакционной части капиталистического общества и создавало видимость отражения интересов средней части населения. Идеология неонацизма спекулировала на национальном сознании людей, обыгрывая в своих интересах вопросы специфики исторического, экономического, социального, политического и культурного развития ФРГ и Австрии, принимая вид защиты национальных чувств и традиций. Теоретическая/практическая значимость заключается в том, что материалы статьи могут быть использованы при подготовке учебных пособий по новейшей истории Европы и Америки, а также специальных курсов по истории Австрии. Статья адресована студентам и аспирантам, изучающим курс новой и новейшей истории зарубежных стран и историографии.

Ключевые слова: Австрийская Республика (вторая), Федеративная Республика Германия, неонацизм, сравнительно-исторический метод.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NEO-FASCISM ESSENCE IN THE MID-TWENTIETH CENTURY IN GERMANY AND THE SECOND REPUBLIC OF AUSTRIA

N. Kozyakova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the ideology of neo-fascism in the Second Austrian Republic and the Federal Republic of Germany in the middle of the twentieth century. General scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction are used, as well as the special comparative historical method, when considering the general and specific features of neo-fascism. The author comes to the conclusion that in the second half of the twentieth century neo-fascism was a kind of eclecticism of ultra-left and ultra-right views. As a result of their confusion a

deeply contradictory phenomenon arose that reflected the interests of the reactionary part of capitalist society and created the appearance of a reflection of the interests of the middle part of the population. The ideology of neo-fascism speculated on the national consciousness of people, playing up to its own interests the specifics of the historical, economic, social, political and cultural development of the Federal Republic of Germany and Austria, taking the form of protection of national feelings and traditions. The theoretical / practical significance lies in the fact that the materials of the article can be used in the preparation of textbooks on the newest history of Europe and America, as well as special courses on the history of Austria. The article is addressed to students and postgraduates studying the course of New and Recent History of Foreign Countries and Historiography.

Key words: Austrian Republic (second), Federal Republic of Germany, neo-fascism, comparative historical method.

Во Второй мировой войне разгром фашизма не смог ликвидировать полностью опасности его возрождения, так как не до конца были устранены его истоки. Если мы обратимся к фактам, то увидим, что фашизм только изменил облик, но не был уничтожен. Фашистская идеология в середине XX в. выступала под флагом неофашизма. Неофашизм вынужден был приспосабливаться к новой расстановке сил и новым историческим условиям как на международной арене, так и внутри страны, так как не располагал ни прежними силами, ни прежним влиянием. Неофашизму после окончания Второй мировой войны не удалось прийти к власти ни в одной из развитых европейских стран. Но несмотря на это, известно, что до сегодняшнего дня во многих странах Западной Европы действуют неонацистские партии, организации, партии и группы. Расистские, военно-фашистские и откровенно фашистские режимы в том или ином виде сохранили свою власть в развивающихся или в слаборазвитых странах, например, на юге Африки или в Латинской Америке. Необходимо получить ответ на злободневный вопрос: почему неофашизм и в настоящее

время присущ современному обществу? Для поиска адекватных методов борьбы с ним следует не только проанализировать истоки, общие черты и формы проявления, которые были присущие неонацизму в XX в., но и исследовать задачи, которая ставили перед ним реакционные силы империализма. Это актуально еще и с той точки зрения, что участников Второй мировой войны сегодня уже практически нет, следовательно, выросло не одно поколение людей, которое о фашизме знает только из фильмов, книг и рассказов старших родственников. Неудивительно, что во всем мире неонацисты искусно для пропаганды своих целей и идей используют многочисленные средства массовой коммуникации. Свидетельством того, что неонацистская угроза не ушла в прошлое, является также современная действительность.

Задачей данной статьи является рассмотрение общих и особенных черт неонацизма в ФРГ и Австрии после окончания Второй мировой войны, а также раскрытие основных положений его идеологии.

На наш взгляд, необходимо при рассмотрении проблем неонацизма исхо-

доть из его тесной связи с фашизмом. Так как в неофашизме заключаются не только такие же сущность, идеи и тенденции, что и в фашизме, то было бы неверно исследовать неофашизм в отрыве от «классического» фашизма. Патологический антикоммунизм и антисоветизм, расизм, социально-политическая реакционность, национализм и шовинизм служат идеологической основой всех направлений и разновидностей неофашизма.

Если мы обратимся к истории ФРГ середины XX в., то увидим, что при всех положительных сдвигах, которые существовали в общественных настроениях, одновременно можно было наблюдать усиление нарастания активности неонацизма. Активное наступление на массовое сознание, которое сопровождалось оживлением гитлеризма, стало характерной чертой данного этапа развития в ФРГ неофашизма. Нашедший своё выражение во множестве существующих и действующих организаций фашистского и полуфашистского толка «неофашистский плюрализм» стал еще одной немаловажной чертой данного опасного явления.

В стране неофашизм нашёл своё выражение в различных формах идеологии западногерманского империализма. Как и идеология гитлеризма, в области социально-экономической теории неофашизм пропагандировал «единство» профсоюзов и капиталистических монополий во имя интересов немецкой нации и борьбы с «коммунистической опасностью», «социальное сотрудничество» рабочих и предпринимателей. Он также обращался к интересам западногерманского империализма и его агрессив-

ной внешней политике и реакционной внутренней. При этом произошедший мировой экономический кризис, который начался в конце 1957 г. и продолжался до середины 1958 г., пытались объяснить повышением цен на сырьё и его дефицитом в дальнейшем. По мнению одного из представителей неофашистов Ф. Йоса, ситуация в мире обостряется из-за расширения национальной и социальной борьбы различные народы делят их на «яростно противоборствующие фракции». И это говорит о том, что «... мы вступаем в период внешней и внутренней политической анархии, в период борьбы всех против всех в условиях постоянно меняющихся коалиций. Для борьбы с инфляцией нужна воля, которой у правительства нет», а под волей здесь понимается не что иное, как установление фашистской диктатуры¹.

Призывами к воссозданию «германского рейха», завоеванию «жизненного пространства» в борьбе с «мировым коммунизмом» уничтожению ГДР, нацистскими идеями биорасизма и геополитики были пронизаны все философско-социологические концепции западногерманского неофашизма. Данных идей придерживался и бывший австрийский генерал Йордис фон Лохаузен. Он полагал, что для того, чтобы защищать свое жизненное пространство, нация должна обладать силой и волей. Павшие в декаданс и утратившие национальный характер народы должны подчиниться «сильным» народам, либо погибнуть. В лучшем случае происходит ассимиляция, при которой неизбежно будет происходить потеря их творческих способностей, а также лица и значимости.

¹ Goburg, 1980, Jg. 39, № 2, S. 58

Следовательно, народ не должен капитулировать перед другими, увлекаться материализмом и потребительством и впадать в созерцательность [11, S. 75].

Наиболее ярко сущность неофашизма проявилась в действиях или бездействии исполнительной власти. Это можно объяснить тем, что как форма классового сознания она наиболее непосредственно выражала волю и интересы буржуазии и оказывала на идеологию преимущественное влияние. Именно в ней нашли наиболее полное выражение многочисленные реакционные доктрины и антикоммунизм. В идеологическом плане неофашисты стремились завладеть теми слоями населения, которые в дальнейшем стали жертвами вызванных кризисом социально-экономических дезинтеграционных процессов [12, p. 21].

В области внешней политики неофашисты старались обвинить СССР в экспорте революции и росте гонки вооружений и, таким образом, исключить в качестве средства решения сложных проблем между капитализмом и социализмом необходимость политики мирного сосуществования [7, p. 52]. По их мнению, только Германия могла спасти Европу от иностранного господства и страха. Для того, чтобы осуществить эту мечту, неофашисты предлагали расправиться с рабочим, коммунистическим и национально-освободительным движениями [6, p. 242]. Они также заявляли, что якобы существовавшие социалистические страны готовят захват мира и таким образом автоматически клеветали на СССР [10, S. 127].

Без знакомства с идеологическими особенностями немецких неофашистских организаций трудно понять даль-

нейшую историю неофашизма в XX в. «Национал-демократическая партия» (НДП) занимает здесь особое место, так как она была своего рода связующим звеном между отдельными неонацистскими организациями, которые действовали открыто, и объединениями, поддерживавшими фашистскую военную иерархию, но оставшимися при этом в тени. Изучение программы партии может оказать помощь в понимании причин борьбы в различных направлениях неофашизма. Одной из целей данной организации была также интеграция и координация всего правонационалистического лагеря, чему в немалой степени способствовали связи с финансовыми и промышленными группами страны.

Возникшая в Ганновере в 1964 г. и в середине 1980-х гг. насчитывающая 40 тысяч членов, НДП была самой влиятельной неофашистской организацией в стране [4, с. 72]. Бывшие члены гитлеровской национал-социалистической партии составляли большинство ее участников (60%). С самого начала своего возникновения она открыто призывала к «сильной власти», восставлению «великой Германии» и прибегала к разнузданной националистической и социальной демагогии. Также было выпущено много разных заявлений, призывов и других документов, в которых не ощущалось недостатка в демагогических фразах о «праве народов на самоопределение», «свободе», «благе Германии», «демократии» и «социальной справедливости».

Поддерживаемая бундесвером, НДП стремилась к усилению гражданской обороны и расширению немецкого участия в руководящих органах НАТО и дальнейшего образования

генерального штаба. В 1974 г. в составе Бундесвера состояло на службе 111 членов НДП, из которых в офицерском звании был 21 человек [3, с. 59].

НДП впервые после войны численно выросла и получила большое политическое влияние во второй половине 1960-х гг. Тот факт, что неофашизм получил относительно быстрое распространение, подтверждает рост данной неофашистской партии. Задача НДП заключалась, в первую очередь, в том, чтобы при помощи средств демагогии использовать недовольство населения политикой господствующих классов. Во второй половине 1960-х гг. оно особенно стало ощущаться в ФРГ, и это было хорошей возможностью обеспечения продолжения реакционной политики. Одновременно в монополистическом аппарате власти это могло усилить общий сдвиг вправо и способствовало продолжению агрессивной и реакционной политики. Как показало развитие событий, со стороны наиболее агрессивных сил западногерманского монополистического капитала включение НДП в официальную политическую жизнь ФРГ было попыткой расширения базы реакционной власти и одновременно противодействия тенденциям разрядки напряженности в международной политике. Международная реакция поддержала данные идеи, и они были изложены в основных докладах XIII съезда НДП в декабре 1979 г. [1, с. 13].

НДП в своей пропаганде пыталась прикрываться демократическими идеями. При этом направленные на подрыв парламентской демократии реакционные мероприятия искусно поддерживались партией. Это означало, что неофашизм представлялся

в массовом сознании движением, не противодействующим демократии, а только в качестве наиболее последовательной партии, в отличие от представленных в бундестаге, которые якобы были неспособны предотвратить в стране грозящий «хаос».

Именуемые «новыми правыми», которые ориентировались на школьников и студентов, в ФРГ одновременно с традиционным правым экстремизмом типа НДП, все чаще стали появляться мелкие неофашистские объединения. Многие из них выступали в облики «социал-националистов» или «национал-революционеров». В стране все чаще продавались открытки с портретами А. Гитлера, пластинки с записью его голоса и издавались книги, описывающие его деятельность и жизнь. Не только в западногерманской прессе, но и в школьных учебниках старательно скрывалась историческая правда. Упор делался на том, что Германия не хотела войны, но была «вынуждена вести оборонительную войну за равноправие немцев, за установление справедливых границ, освобождение от «версальского диктата»¹.

Данные мероприятия содействовали возрождению культа Гитлера и особенно ярко это проявлялось в молодежной среде.

Неофашисты заявляли о своей поддержке наиболее агрессивных и реакционных традиций германского империализма. Особенно настораживает такой факт: не считающие себя сторонниками неофашистской идеологии, многие граждане ФРГ полагали, что преступления нацистов не являются ужасными. По их мнению, необходимо закончить разговоры, касаю-

¹ Deutsche National-Zeitung, 1979, 5 Jan., 6 S.

щиеся фактов о том, что только немцы виноваты в нацистских крайностях.

Реваншистские союзы и землячества, которые насчитывали в своих рядах миллионы человек, составляли массовый резерв неонацистов [8], например, землячества прибалтийских, силезских, карпатских и немцев – выходцев из России, Румынии, Венгрии, Буковины, Болгарии, Чехословакии насчитывали около 1,5 млн. членов, а «Союз изгнанных» объединял около 19 крупных массовых организаций.

«Союз изгнанных» издавал почти 360 реваншистских газет и журналов, общий тираж которых был около 1,5 млн. экземпляров. Его члены присоединились к требованиям непризнания существующих границ в Европе и дальнейшим неонацистским требованиям непризнания ГДР [2, с. 47]. В стране активно действовало объединение под названием «Союз беженцев из советской зоны», которое объединяло предателей и изменников, сотрудничающих с НДП и бежавших из ГДР.

Исходя из вышесказанного, можно сделать предварительный вывод, что западногерманский неонацизм являлся ультрареакционным политическим течением, связанным с его идеологией. Следовательно, в зависимости от изменений внутривнутриполитический и международной ситуаций, неонацистская идеология представляет собой только модификацию гитлеризма и принципиально не отличается от нее.

Помимо стран, где неонацизм традиционно имел известное политико-идеологическое влияние, в середине XX в. активизация неонацистских групп наметилась также в тех странах, где он был в изоляции, например, в Австрии.

Как и классический фашизм, австрийский неонацизм унаследовал многие его фундаментальные черты. По-другому быть не могло, так как старый и новый фашизм несут идентичные социальные функции и имеют одинаковую классовую природу. Главные цели фашизма обусловлены интересами стоящих за ними монополистических кругов и их идентичностью. Но как и любой другой «национальный» фашизм, австрийский имел свои конкретные особенности.

1. Антикоммунизм, который также в свое время был характерен и для гитлеровского фашизма и максимально использовался для борьбы с силами демократии и социализма.

2. Борьба против независимости, государственной самостоятельности Австрии и ее нейтралитета. Из тактических соображений лозунг аншлюса к Германии был заменен на проповедь немецкой общности. На первый план выдвигалось требование «европейского федерального государства» «новая европейская идеология». Известный факт, что в свое время стержнем гитлеровской пропаганды было «спасение и процветание новой Европы».

3. Реабилитация развязанной войны А. Гитлера и всей нацистской системы в целом. Австрийские неонацисты при этом не только извратили историю аншлюса 1938 г., но и рассматривали «как предателей Родины» участников движения Сопrotивления и утверждали, что во время войны австрийцы защищали свою родину.

4. Проповедовавшиеся нацистскими расовыми теориями расизм и антисемитизм, которые интерпретировались в соответствии с «интернациональным» характером фашизма.

Характеризуя сущность австрийского неонацизма середины XX в., журнал «Weg und Ziel» писал: «Его важнейшими компонентами являются великогерманский дух, враждебность независимости и нейтралитету Австрии, антикоммунизм, реабилитация нацистской системы и военных преступников, реваншизм, расизм, антисемитизм и неоколониализм. Несмотря на все детали маскировки, эти компоненты проявляются во всех подразделениях австрийского неонацизма»¹.

Но основные черты австрофашизма середины и второй половины XX в. проявлялись во всех его подразделениях не одинаково. В наиболее ярком виде неонацизм проявился в полулегальных и нелегальных «национальных» объединениях, т. е. в таких организациях, которые условно были низшим слоем «национального» лагеря. Средние и высшие круги австрийских «националов» считали необходимым временно публично отмежевываться от фашизма и тщательно скрывали под другими образами неонацистскую сущность своих организаций. Даже имеющая неонацистский и экстремистский характер австрийская НДП, тесные связи с западногерманской организацией которой были хорошо известны, предпочла сделать заявление: «Если кто-либо посмеет утверждать, что мы неонацисты, мы обратимся в суд» [11, р. 29].

Неонацистские группы самую активную деятельность проявляли в австрийских школах, высших учебных заведениях, так как там был широкий дополнительный членский состав.

Программа одного из неонацист-

¹ Weg und Ziel, 1961, no. 4, S. 92

ских студенческих объединений была следующей: «Мы признаем, что биологическое различие людей и наций является важнейшим принципом природы... Мы решительно отказываемся от понятия австрийской нации и признаем немецкий характер ее на данной территории. Мы боремся против всех стремлений отдалить и устранить немецкое начало нашей родины. Цель воспитания молодежи – это формирование национального сознания и верность немецкому началу»².

В 1955 г. на основе неонацистского «Союза независимых» была основана организация «Свободная партия Австрии», в ее рядах насчитывалось значительное число судетских немцев и бывших нацистов. Бывший член СС Ф. Петер возглавлял 25 тысяч ее членов, а во Второй мировой войне он участвовал в террористических действиях против мирного населения СССР.

Кроме различных действий с листовками, которые пропагандировали великонемецкий дух, шовинизм и расизм, члены неонацистской организации «Новые права» в шлемах бывших гитлеровцев ворвались в один из австрийских университетов во время торжественного вечера, посвященного 30-летию со дня окончания Второй мировой войны. Было ранено несколько участников этого митинга, в числе которых находился также советский лектор³. К данной провокации правящие круги отнеслись равнодушно. В дальнейшем активность неонацистов усилилась в еще большей степени, и «Новые права» организовывали различного рода провокации, которые

² Volkstimme, 1977, 4 Apr., S. 2

³ V rozpore s neutralitou Rakuska a zaverecnum atom z Helsinki. Pravda. 1977. 24 Maja. 7 s.

были направлены против независимости государственных праздников.

В 1966 г. возникла «Национально-демократическая партия» – новое нелегальное политическое объединение с явным профашистской программой, членами которой были бывшие нацисты и немецко-националистические элементы, открыто сотрудничавшие в ФРГ с НДП [2, с. 142]. Организация «Судето-немецкого ландманшафту», которая на своих ежегодных сборах прокламировала реваншистские цели, также была активной политической группировкой с широким полем действия в Австрии. Она была основной организацией, которая выступала против ЧССР и других социалистических стран.

Вышеприведенные факты являются свидетельством того, что в середине XX в. неонацистская идеология и пропаганда в Австрии были популярными. На службе интересов данной идеологии стояло выше 20 различных журналов, большое количество книжной литературы, выходившей в Австрии или передаваемой из ФРГ. Эта литература опровергала нацистские преступления, носила антинацистский характер, поддерживала идею, что австрийский народ является частью немецкого народа и т.п. Упор делался на тот момент, что одним из главных направлений действий неонацистов был антикоммунизм. Славяне были объявлены главным врагом, так как в понимании неонацистов с ними был связан также коммунизм.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. В ФРГ неонацизму было недостаточно одной формы организации и единого пути к господству. Свои конечные цели и сущность он вынуж-

ден был маскировать. Это затрудняло его существование, снижало степень его использования империалистическими силами, для которых главным было то, как он сумел овладеть широкими слоями населения. Истоки неонацизма идентичны с традиционным фашизмом, а идейные источники неонацизма и фашизма одинаковы в своей сущности. Основу неонацистской идеологии в XX в. составляла идеология традиционного фашизма, несмотря на дискредитацию морали со стороны неонацизма.

2. Составной частью буржуазной идеологии, её крайне правым элементом и дополнением был неонацизм. Это своеобразная смесь некоторых ультраправых и ультралевых взглядов, в результате которой возникла глубоко противоречивая эклектическая смесь, отражающая интересы самой реакционной части капиталистического общества и создающая видимость отражения интересов средней части населения, из которой предполагалось сделать его массовый фундамент. Выступая в качестве поборников «прав человека», «борцов за человека», неонацизм спекулировал на национальном сознании людей, демагогически обыгрывая в своих интересах вопросы специфики исторического, экономического, социального, политического и культурного развития ФРГ и Австрии, выступая под видом защиты национальных чувств и традиций.

3. Неонацизм в Австрии – явление самых реакционных, империалистических шовинистических сил общества, проводивших политику империализма, реакционизма и шовинизма. Следовательно, основными чертами идеологии неонацизма являются при-

митивность и реакционность. Данная особенность влияла на методы и формы неонацистской политики и таким образом они взаимно укреплялись. Вследствие данной реакционности следующей чертой австрийского неонацизма были антимакизм и антикоммунизм. Главным звеном соединения между реакционными консервативными взглядами и различными формами неонацизма был антикоммунизм. Но

антикоммунизм проявил своё звериное лицо только в неонацизме, так как он не только предпринимал попытки ликвидации коммунистической идеологии, но и затрагивал её носителей. Это связано с тем, что неонацистская идеология была не в силах противостоять любой другой идеологии, точно так же это не смог сделать и фашизм.

Статья поступила в редакцию 01.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. Е. Правый экстремизм и радикализм в Федеративной Республике Германия и «движение за Германию»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 25 с.
2. Вебер А. Б. Разум на распутье: общественное сознание между прошлым и будущим. М.: Аспект Пресс, 2017. 253 с.
3. Галкин А. А. О прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.
4. Галкин А. А. Старые и новые лики национальной проблемы. М.: Оверлей, 2005. 304 с.
5. Котов С. В. Неонацизм как политический феномен современности: философско-политические истоки и концептуальный генезис: дис. ... докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 346 с.
6. Berg M. P. Challenging Political Culture in Postwar Austria: Veterans' Associations, Identity and the Problem of Contemporary History // *Central European History*. 1997. Vol. 30. Iss. 4. P. 513–544.
7. Deak I. Political Justice in Austria and Hungary after World War II // *Retribution and Reparation in the Transition to Democracy* / ed. J. Elster. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 124–146.
8. Embacher H., Ecker M. A Nation of Victims // *The Politics of War Trauma: The Aftermath of World War II in Eleven European Countries*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 15–48.
9. Knight R. Denazification and Integration in the Austrian Province of Carinthia // *The Journal of Modern History*. 2007. Vol. 79. № 3. P. 572–612.
10. Kuban T. Blut muss fließen: Undercover unter Nazis. Frankfurt; New York: Campus, cop. 2012. 316 p.
11. Lohauzen J. von. Mit zur Macht: Denken in Kontinenten. Bergam, 1979. 160 s.
12. Monod D. Settling Scores: German Music, Denazification, and the Americans, 1945–1953. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. 342 p.

REFERENCES

1. Antonov A. E. *Pravyi ekstremizm i radikalizm v Federativnoi Respublike Germaniya i «dvizhenie za Germaniyu»: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Right-wing extremism and radicalism in the Federal Republic of Germany and the “movement for Germany”: abstract of PhD thesis in Historical sciences], Tomsk, 2018. 25 p.
2. Veber A. B. *Razum na rasput'e: obshchestvennoe soznanie mezhdum proshlym i budushchim* [Mind at the crossroads: social consciousness between past and future]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. 253 p.

3. Galkin A.A. *O proshlom i nastoyashchem* [About the past and present]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2013. 352 p.
4. Galkin A.A. *Starye i novye liki natsional'noi problemy* [Old and new faces of the national problem]. Moscow, Overlei Publ., 2005. 304 p.
5. Kotov S.V. *Neofashizm kak politicheskii fenomen sovremennosti: filosofsko-politicheskie istoki i kontseptual'nyi genezis: dis. ... dokt. polit. nauk* [Neo-fascism as a political phenomenon of modernity: philosophical and political origins and the conceptual genesis: D. thesis in Political sciences]. Rostov-on-Don, 2011. 346 p.
6. Berg M.P. Challenging Political Culture in Postwar Austria: Veterans' Associations, Identity and the Problem of Contemporary History. In: *Central European History*, 1997, vol. 30, iss. 4, pp. 513–544.
7. Deak I. Political Justice in Austria and Hungary after World War II. In: *Retribution and Reparation in the Transition to Democracy*. Ed. J. Elster. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 124–146.
8. Embacher H., Ecker M. A Nation of Victims. In: *The Politics of War Trauma: The Aftermath of World War II in Eleven European Countries*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 15–48.
9. Knight R. Denazification and Integration in the Austrian Province of Carinthia. In: *The Journal of Modern History*, 2007, vol. 79, no. 3, pp. 572–612.
10. Kuban T. *Blut muss fließen: Undercover unter Nazis*. Frankfurt; New York, Campus, cop. 2012. 316 s.
11. Lohauzen J. von. *Mit zur Macht: Denken in Kontinenten*. Bergam, 1979. 160 s.
12. Monod D. *Settling Scores: German Music, Denazification, and the Americans, 1945–1953*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2016. 342 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Козьякова Наталья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya S. Kozyakova – PhD in Political sciences, associate professor at the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьякова Н.С. Компаративистский анализ сущности неонацизма во второй половине XX века в ФРГ и Второй Австрийской республике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 63–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-63-72

FOR CITATION

Kozyakova N. Comparative analysis of the neo-fascism essence in the mid-twentieth century in Germany and the Second Republic of Austria. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 63–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-63-72

Отечественная история

УДК 94 (571.51) «1941/2000»: 616-089.8(092)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-73-86

СВЯЗЬ С КРАСНОЯРСКОМ В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ) ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА ИЗ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ХИРУРГА В. Н. ЗИНОВЬЕВОЙ)

Кожевников С. В.

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89, Российская Федерация*

Аннотация. В статье впервые подробно рассмотрены взаимоотношения выдающегося хирурга, иерарха Русской Православной Церкви архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) (1877–1961) и его ученицы, красноярского хирурга В. Н. Зиновьевой (1908–2000). Представлены биографические сведения о В. Н. Зиновьевой, письма В.Ф. Войно-Ясенецкого, адресованные ученице в Красноярск из Тамбова и Симферополя в 1946–1953 гг. Кроме этого приведены выдержки из уникальных воспоминаний В. Н. Зиновьевой, впервые продиктованные автору статьи в 1997 г. На основании этих и других свидетельств выделены три периода в жизни В. Н. Зиновьевой, представляющие научный интерес в вопросе изучения обстоятельств из жизни и деятельности В. Ф. Войно-Ясенецкого и его ближайшего окружения в красноярский период (1941–1944) и последующее время. На материале о красноярском враче В. Н. Зиновьевой раскрывается глубина профессиональных и человеческих отношений В. Ф. Войно-Ясенецкого в общении со светской сферой.

Ключевые слова: В. Ф. Войно-Ясенецкий (Святитель Лука), В. Н. Зиновьева, Великая Отечественная война, эвакогоспиталь, Красноярская епархия.

VOYNO-YASENETSKY'S (ST. LUKA'S) TIES WITH KRASNOYARSK AFTER HIS DEPARTURE FROM SIBERIA (BASED ON THE INFORMATION FROM SURGEON V. N. ZINOVYEVA)

S. Kozhevnikov

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
89 Ady Lebedevoi ul., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation*

Abstract. It is the first time when the relationship of the outstanding surgeon, Hierarchy of the Russian Orthodox Church, Archbishop Luka (Voino-Yasenetsky) (1877–1961) and his student, Krasnoyarsk surgeon V. N. Zinovieva (1908-2000) are examined in detail in the article. The ar-

ticle presents biographical information about V. N. Zinovyeva, V. F. Voyno-Yasenetsky's letters, addressed to the student in Krasnoyarsk from Tambov and Simferopol in 1946-1953. In addition there are excerpts from the most unique memoirs of V. N. Zinovieva, which were dictated to the author of the article in 1997 for the first time. On the basis of these and other accounts three periods of V. N. Zinovieva's life are singled out, that represent scientific interest in the study of the events of the life and work of V. F. Voyno-Yasenetsky and his inner circle in the Krasnoyarsk period (1941-1944) and in the time following. The use of materials about Krasnoyarsk doctor V. N. Zinovieva help to reveal the depth of professional and human relations of Voyno-Yasenetsky with the secular circles.

Key words: V. F. Voyno-Yasenetsky (St. Luka), V. N. Zinovieva, the Great Patriotic War, base hospital, Krasnoyarsk diocese.

Научный интерес к фигуре Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого не угасает до сих пор. За последние десятилетия о нём написано множество книг и статей [4; 5; 8 и др.], выявляются и публикуются новые факты из его биографии [1; 6 и др.]. Наше же внимание привлекли отрывочные и неполные сведения о профессиональных и человеческих отношениях хирургов В. Ф. Войно-Ясенецкого и В. Н. Зиновьевой, начавшиеся в тыловом г. Красноярске осенью 1941 г. и продолжавшиеся в течение всей их жизни. Поводом для написания настоящей статьи послужили наши встречи с В.Н. Зиновьевой в 1997 г. Возможность выявить отношение к людям и убеждения архиепископа Луки на примере общения с сугубо светским человеком, каким была Валентина Николаевна, позволила существенно дополнить многочисленные сведения и представить новый материал о личности В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Основными источниками для исследования послужили воспоминания В. Н. Зиновьевой, хранящиеся в нашем личном архиве, материалы фонда В. Н. Зиновьевой из Красноярского краевого краеведческого музея, из фонда В. Ф. Войно-Ясенецкого того же музея, в том числе письма архиеписко-

па Луки в 1946–1953 гг., адресованные Валентине Николаевне, а также материалы личного дела В. Н. Зиновьевой из архива Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого. Кроме того, в работе были использованы сведения внука Валентины Николаевны А. Л. Зиновьева (1962 г. р.), врача красноярской городской станции скорой медицинской помощи № 2, и т. д.

В. Н. Зиновьева была «непосредственной последовательницей ученицей» [6, с. 66] В.Ф. Войно-Ясенецкого. Подтверждением этому является фотография, подаренная профессором молодому хирургу 25 апреля 1943 г. Дарственная надпись, сделанная на обратной стороне снимка, такова: «Хирургу В. Н. Зиновьевой от хирурга Архиепископа Луки»¹, что было признанием профессиональных заслуг Валентины Николаевны. Вверху, над надписью, рукой профессора выведен крест, благословляющий дальнейшие труды способной ученицы и, одновременно с титулом, указанным в надписи, напоминающий о священническом сане епископа-учителя.

¹ Красноярский краевой краеведческий музей (далее КККМ), основной фонд (далее о/ф) 10780/3686.

Валентин Феликсович и Валентина Николаевна явили собой пример человеческих и профессиональных отношений интеллигентных людей, преданных своему делу и страждущим людям. Судьба свела двух хирургов в тыловом Красноярске в тяжелейшее для нашей страны военное время – в 1941 г.

По воспоминаниям В. Н. Зиновьевой, знакомство с В. Ф. Войно-Ясенецким состоялось в красноярском эвакогоспитале № 1515¹, корпус № 2 которого был главным местом работы профессора-хирурга с 30 сентября 1941 г. по февраль 1944 г. Тогда, в октябре 1941 г., Валентина Николаевна по долгу службы посетила госпиталь. Профессор пригласил коллегу в своё скромное жилище, которым, по словам В. Н. Зиновьевой, служила крошечная комната. В ней стояла кровать, маленький письменный стол с портретом Ленина, а в красном углу висела икона². Образ жизни видного хирурга и маститого церковного иерарха вызвал неподдельный интерес у молодого врача. Их знакомство переросло в многолетнее общение, основанное на взаимном уважении и доверии, но скрытное по причине последовавшего в 1948 г. ухудшения отношения государственной власти СССР к Русской Православной Церкви: в этом году «после небольшой передышки власть начинает новый виток гонений на Церковь» [7, с. 161]. Тогда, в конце 1940-х – 1950-х гг. Валентина Николаевна, вступившая в январе 1947 г. в ряды КПСС³,

¹ Личный архив С. В. Кожевникова (далее ЛА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Воспоминания В. Н. Зиновьевой (1997). Л. 1.

² Там же.

³ Архив Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В. Ф.

а с 1955 г. многократно избираемая депутатом райсовета (Октябрьского района г. Красноярск. – С. К.)⁴, не смогла ничего рассказывать и писать о выдающемся хирурге, поскольку он имел прямое отношение к гонимой властью Церкви. Однако встреча с профессором в 1941 г. и длительная переписка с ним, продолжавшаяся до ноября 1953 г. после отъезда Валентина Феликсовича из Красноярска⁵, свидетельствует о глубокой признательности ученицы своему учителю и о полном доверии со стороны видного хирурга.

В. Н. Зиновьева родилась 18 марта 1908 г. в сибирском городе Томске в семье служащего. Отец Валентины работал нотариусом сначала в самом Томске, а затем в небольшом городке Бийске, где и умер в 1919 г. Мать была медицинским работником, прослужила медсестрой до 1944 г., после чего вышла на пенсию и жила с дочерью в Красноярске до самой смерти в 1951 г.⁶ Труд матери возбудил в Вале желание стать врачом и помогать больным и страдающим людям. Мать же привила дочери навыки общения с детьми. Результатами материнского примера была работа Валентины воспитателем одного из томских детских садов в 1926–1928 гг.⁷ и поступление в 1928 г. в Томский медицинский институт, который она успешно окончила в 1932 г.⁸ Уже на третьем курсе Валентина Ни-

Войно-Ясенецкого (далее Арх. КГМУ). Опись профессорско-преподавательского состава № 1. Связка 119. Д. 3104. Личное дело В. Н. Зиновьевой. Л. 6.

⁴ КККМ. Вспомогательный фонд (далее в/ф) 8266/2.

⁵ В феврале 1944 г.

⁶ КККМ. О/ф 10870/1. Д. 7899.

⁷ Там же.

⁸ КККМ. О/ф 10870/2. Д. 7900.

колаевна встала за операционный стол [4, с. 22].

После окончания вуза молодой врач навсегда перебралась в Красноярск по месту жительства первого мужа, Владимира Николаевича Мишанина. С 1932 г. по 1936 г. Валентина Николаевна работала врачом-хирургом железнодорожной больницы и поликлиники¹. Между рабочими заботами она, как целеустремлённый молодой специалист, дважды повышала свой профессиональный уровень: в 1934 г. проходила интернатуру в клинике профессора А. Г. Савиных при Томском мединституте² и в 1936 г. в течение пяти месяцев посещала курсы в Ленинградском Государственном институте для усовершенствования врачей (ЛГИДУВ).

Сразу же после приезда из Ленинграда в Красноярск В. Н. Зиновьева с сентября 1936 г. по март 1937 г. преподаванием в фельдшерской школе³ закрепила полученные в институте и новые знания. А с марта 1937 г. по июнь 1941 г. она работала ординатором и заведующей хирургическим отделением красноярской городской (и краевой. – С. К.) больницы⁴. С начавшимися мировыми военными столкновениями Валентину Николаевну призвали в ряды Советской Армии. Первый раз это произошло в 1938 г. в период боёв у озера Хасан, тогда хирурга Зиновьеву назначили заведующей хирургическим отделением военного госпиталя на станции «Океанская»⁵. В этом же 1938 г. ей было присвоено звание военвра-

ча 3 ранга⁶. Вторично В. Н. Зиновьеву призвали в 1939 г., и она заведовала хирургическим отделением дивизионного госпиталя, когда происходили события в Монгольской Народной Республике⁷ у реки Халхин-Гол. На финской войне Валентине Николаевне побывать не довелось, у них с Владимиром Николаевичем родился сын Лев [4, с. 22].

В период третьего, самого продолжительного призыва Валентины Николаевны на службу в г. Красноярске произошла встреча с выдающимся хирургом В. Ф. Войно-Ясенецким. С июля 1941 г. по октябрь 1944 г. В. Н. Зиновьева работала ведущим хирургом красноярского эвакогоспиталя № 984, то есть относилась к врачебному составу эвакогоспиталей Наркомздрава⁸. Также она трудилась членом, заместителем председателя Военно-врачебной комиссии местного эвакуопункта № 49⁹ (МЭП-49)¹⁰, который подчинялся Наркомату обороны СССР. В сентябре 1944 г. В. Н. Зиновьева увольняется в запас¹¹, а в октябре переходит на работу в Красноярский медицинский ин-

⁶ Центральный архив министерства обороны РФ (далее ЦАМО РФ). Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 19. Л. 6.

⁷ КККМ. О/ф 10870/1. Д. 7899.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 8. Л. 4.

⁹ МЭП – местный эвакуопункт, региональный орган Главного военно-санитарного управления Красной Армии СССР, для Красноярского края таким был МЭП-49. Управление МЭП-49 располагалось в г. Красноярске на пересечении улиц Ленина и Диктатуры Пролетариата в здании Дворца Труда на первом этаже (корпус № 4 эвакогоспиталя № 1515).

¹⁰ КККМ. О/ф 10870/2. Д. 7900.

¹¹ Филиал Центрального архива министерства обороны РФ (далее ФЦАМО РФ). Личная карточка В. Н. Зиновьевой из картотеки Главного военно-медицинского управления (Центрального медицинского управления).

¹ КККМ. О/ф 10870/2. Д. 7900.

² Учёный с мировым именем Андрей Григорьевич Савиных был профессором госпитальной хирургии института.

³ КККМ. О/ф 10870/1. Д. 7899.

⁴ КККМ. О/ф 10870/2. Д. 7900.

⁵ КККМ. О/ф 10870/1. Д. 7899.

ститут, образованный в ноябре 1942 г. В нём она шестнадцать лет (октябрь 1944 г. – сентябрь 1961 г. – С. К.) проработала ассистентом на кафедре госпитальной (до 1948 г. – С. К.) и общей (с 1948 г. – С. К.) хирургии.

13 декабря 1952 г. Решением Совета Томского Государственного медицинского института им. В. М. Молотова В. Н. Зиновьевой была присуждена учёная степень кандидата медицинских наук¹ после успешной защиты диссертации на тему «Медико-санитарное описание Эвенкийского национального округа в районе бассейна реки Подкаменной Тунгуски», посвящённой вопросам изучения патологии Красноярского края². Хирург и молодой учёный с радостью сообщила об этом своему учителю, профессору В. Ф. Войно-Ясенецкому, о чём свидетельствует его поздравление Валентине Николаевне «со званием кандидата медицинских наук»³ в письме из г. Симферополя от 4 ноября 1953 г.

К работе над диссертацией В. Н. Зиновьева приступила в 1939 г., когда она в составе санитарной авиации вылетела на Крайний Север в бассейн р. Подкаменная Тунгуска для оказания неотложной хирургической помощи местному населению⁴. Собранный в экспедиции материал Валентина Николаевна научно обрабатывала в течение 1947–1949 гг.⁵ В 1949 г. она закончила текст диссертации и защитила её

в 1952 г. в г. Томске⁶. 19 марта 1954 г.⁷ Высшей аттестационной комиссией Министерства культуры СССР для В. Н. Зиновьевой был подготовлен Диплом кандидата наук.

Как член научно-медицинского общества, молодой учёный В. Н. Зиновьева в 1957 г. и в 1958 г. выступала с докладами на пленуме Всероссийского научного общества хирургов и на съезде хирургов Российской Федерации⁸.

В сентябре 1961 г. Валентину Николаевну по конкурсу избрали доцентом по циклу хирургии факультета усовершенствования и специализации врачей Красноярского медицинского института. В этой должности она проработала до марта 1965 г.⁹

С марта 1965 г. В. Н. Зиновьева исполняла обязанности заведующего кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Красноярского медицинского института¹⁰. А в феврале 1966 г. она возглавила саму кафедру. К тому времени В. Н. Зиновьевой было опубликовано 25 научных работ, «касающихся общей хирургической заболеваемости, онкологии, детской хирургии и других вопросов»¹¹. Так Валентина Николаевна окончательно, как учёный и педагог, закрепила себя в медицинском вузе. На пенсию, по словам её внука Андрея Львовича Зиновьева, она вышла в 1968 г., когда он пошёл в первый класс. С тех пор В. Н. Зиновьева профессиональной деятельностью не занималась, а целиком посвятила себя ответственному воспитанию внука, который прожил у бабушки до восьмого класса.

¹ Арх. КГМУ. Опись профессорско-преподавательского состава № 1. Связка 119. Дело 3104. Личное дело В. Н. Зиновьевой. Л. 6. Л. 45.

² КККМ. В/ф 8266/2.

³ КККМ. О/ф 10779/6.

⁴ КККМ. О/ф 10870/8. Д. 7905.

⁵ Арх. КГМУ. Опись профессорско-преподавательского состава № 1. Связка 119. Дело 3104. Личное дело В. Н. Зиновьевой. Л. 6. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 45.

⁸ КККМ. В/ф 8266/2.

⁹ КККМ. О/ф 10870/2. Д. 7900.

¹⁰ Там же.

¹¹ КККМ. В/ф 8266/3.

Валентина Николаевна прекрасно водила машину. Как рассказывал А. Л. Зиновьев, она это делала безаварийно и была единственной женщиной-водителем в Красноярске. С «Москвича» она пересела на подаренную мединститутом «Волгу». К тому же она хорошо рисовала, в семье сохранилось множество её рисунков. В конце 1920-х гг., перед тем, как окончательно принять решение о переводе на медицинский факультет Томского госуниверситета, она поступила на архитектурное отделение строительного факультета. Однако желание мамы возобладало, и Валентина Николаевна выучилась на врача [4, с. 22]. Умение рисовать очень пригодилось ей в педагогической, научной и практической деятельности хирурга, так же, как талант художника помогал в работе профессору-хирургу В. Ф. Войно-Ясенецкому.

Валентина Николаевна Зиновьева дожила до второго тысячелетия, она умерла 15 марта 2000 г., её похоронили рядом со вторым мужем, В. А. Клюге, на кладбище «Бадалык» в г. Красноярске.

Бегло рассмотрев биографию красноярского хирурга В. Н. Зиновьевой отметим, что в долгой жизни Валентины Николаевны можно выделить три периода в отношениях с епископом-профессором Лукой (Войно-Ясенецким).

I период: 1941–1944 гг. – время знакомства и совместной работы в системе красноярских эвакогоспиталей, подотчётных МЭП-49. Два хирурга познакомились, когда В. Ф. Войно-Ясенецкому было 64 года, а В. Н. Зиновьевой – 33. Как отмечалось ранее, Валентина Николаевна работала заместителем председателя военно-врачебной комиссии МЭП-49 – военной организации, осуществлявшей руководство всей госпи-

тальной системой Красноярского края и не только. Комиссия контролировала процесс лечения ранбольшых, его правильность и комиссование. В задачи комиссии входила проверка историй болезни, лечебной документации и т. д.¹ Соответственно, члены комиссии несли организационную ответственность за лечение и выздоровление раненых солдат и офицеров. Поэтому, как вспоминала В. Н. Зиновьева, «по долгу службы <...> (она. – С. К.) должна была его (Войно-Ясенецкого. – С. К.) контролировать»². Валентина Николаевна также отмечала, что все члены военно-врачебной комиссии были крупными специалистами в определённой области медицины³. Рутинная работа, сопряжённая с дежурствами по Управлению МЭП-49, занимала много времени В. Н. Зиновьевой.

В Центральном архиве министерства обороны РФ нам удалось обнаружить приказы начальника эвакуационного пункта № 49 и переписку по личному составу и медицинским кадрам за 1941–1944 гг.⁴. Проанализировав приказы, можно заключить, что В. Н. Зиновьева и её подруга, коллега-окулист В. Н. Климовская, гораздо чаще других сотрудников Управления назначались дежурными по эвакуационному пункту. Так, с 24 ноября 1941 г. по 10 сентября 1942 г. начальник УМЭП-49 назначал В. Н. Зиновьеву дежурной 21 раз, В. Н. Климовскую – 18 раз, с 11.09.1942 г. по 30.06.1943 г. – 20 и 17 раз соответственно. С 1 июля 1943 г. по 9 июня 1944 г. В. Н. Зиновьева дежурила 21 раз, а В. Н. Климовская – 14 раз.

¹ ЛА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Воспоминания В. Н. Зиновьевой (1997). Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 1.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 19. и др.

При этом женщинам – членам военно-врачебной комиссии – постоянно приходилось выезжать в служебные командировки по краю (Абакан, Ачинск, Боготол, Критово, Минусинск, Уяр и т. д.) и за пределы региона (Кемерово, Томск и др.). Порой хрупкий организм не выдерживал перегрузок, и обе Валентины Николаевны вынуждены были на какое-то время оставлять работу и уходить на больничный, вплоть до стационарного лечения в госпитале¹.

Ранее отмечалось, что В. Н. Зиновьева совмещала военно-административную деятельность в МЭП-49 с практической работой ведущего хирурга госпиталя № 984. Тогда она многому научилась у профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого. Близкое расположение дома, в котором жила В. Н. Зиновьева (наискосок от школы № 10 – корпуса № 2 госпиталя № 1515, где работал Валентин Феликсович). – С. К.) только способствовало этому. Валентина Николаевна вспоминала: «Квартира у меня тут недалеко (от госпиталя № 1515. – С. К.)»², поэтому при малейшей возможности ученица отправлялась к учителю, чтобы на практике получать ценные знания и советы. Она рассказывала, «что профессор Войно-Ясенецкий научил её “человеческой хирургии”» [1, с. 52]. Общение с Валентином Феликсовичем позволяло В. Н. Зиновьевой проникать во все тонкости профессии хирурга. Позже она вспоминала, что В. Ф. Войно-Ясенецкий был увлечён гнойной хирургией, которой довоенные хирурги мало интересовались³, но которая оказалась особен-

но востребованной с началом Великой Отечественной войны. В. Ф. Войно-Ясенецкий был выдающимся специалистом в этой области хирургии. Помимо раненых солдат и офицеров, он оказывал помощь гражданскому населению, не получившему квалифицированной врачебной помощи в лечебных учреждениях г. Красноярска. В. Н. Зиновьева отмечала, что профессор никогда никому не отказывал и пользовался большим авторитетом⁴.

В то же время Валентин Феликсович был священнослужителем, епископом Лукой, с 27 декабря 1942 г. и до отъезда из города возглавлявшим Красноярскую епархию. Валентина Николаевна, по её словам, не понимала такого совмещения материального и духовного, она была коммунисткой и ей чужда была религия. Однако епископ Лука говорил ей: «Ничего-ничего. Вам не помешает в жизни знать то, что я по этому поводу знаю (о вере и религии. – С. К.)»⁵. В правоте слов В. Ф. Войно-Ясенецкого она убедится намного позже, по прошествии почти пятидесятилетнего членства в КПСС, когда в стране уже прошла перестройка и произошли коренные перемены в отношении к Русской Православной Церкви. Так, в 1995 г. Валентина Николаевна признавалась, что «только два года назад (в 1993 г. – С. К.) поняла, что коммунизм – это утопия» [4, с. 22].

А в 1941–1943 гг. молодой хирург Зиновьева с интересом наблюдала, как профессор Войно-Ясенецкий перед операцией крестился и больного крестил. Она, прожив более 90 лет, не переставала удивляться его уму, мудрости и разнообразию талантов.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 20. Л. 3 об.

² ЛА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Воспоминания В. Н. Зиновьевой (1997). Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Когда в конце января – начале февраля 1944 г. Валентин Феликсович уехал в г. Тамбов, то первым делом написал Валентине Николаевне открытку, затем письмо и т. д. Так начался второй период взаимоотношений двух хирургов.

II период: 1946–1953 гг. – время переписки с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), когда он работал и служил в г. Тамбове (1944–1946) и г. Симферополе (1946–1961).

Письмом из г. Тамбова 28 апреля 1946 г. В. Ф. Войно-Ясенецкий сообщал В. Н. Зиновьевой, что получил от неё телеграмму из г. Кемерово, но не мог ответить сразу, так как «не знал адреса»¹. В письме Валентин Феликсович сообщает коллеге радостную новость о скором выходе 2-го издания своей научной монографии «Очерки гнойной хирургии» (1946) и, одновременно, интересуется работой нового профессора в красноярской госпитальной клинике. В то же время, как пастырь, сожалеет о разводе своей ученицы с первым мужем, отмечая: «О, как непрочно теперь гражданские браки!»². Именно в 1946 г. Валентина Николаевна развелась с В. Н. Мишаниным (причиной стало увлечение Владимира Николаевича алкоголем. – С. К.) и двадцать лет жила с сыном одна, затем вышла замуж за врача-рентгенолога В. А. Ключе. Виктор Адольфович хорошо знал В. Ф. Войно-Ясенецкого. Валентин Феликсович в 1941–1942 гг. многократно отправлял рентгенолога Ключе на красноярский железнодорожный вокзал для отбора самых тяжелообльных раненых, прибывавших в город военно-санитарными эшелонами. Оба доктора работали бок о бок

в эвакогоспитале № 1515: В. Ф. Войно-Ясенецкий занимал должность начальника одного из медицинских отделений, а В. А. Ключе трудился заведующим рентген-кабинетом³. После войны он работал в Красноярском госпитале для инвалидов Отечественной войны⁴, получил звание заслуженного врача РСФСР, был членом КПСС. С Виктором Адольфовичем Валентина Николаевна прожила до его смерти в 1978 г.

Далее, в письме В. Ф. Войно-Ясенецкий выражает негодование о возможно скором окончании своей активной хирургической карьеры по причине плохого состояния сердца и ухудшении зрения на единственном зрячем глазу. Писал также о том, что Валентина Николаевна будет скорбеть по поводу прекращения им научной работы, немислимой «без самой активной практической хирургии»⁵ и т. д.

Однако всесоюзное признание В. Ф. Войно-Ясенецкого как учёного-хирурга, вручение ему в 1946 г. Сталинской премии I степени за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений в 1943–1944 гг. прибавляло профессору силы и поднимало настроение. В письме В. Н. Зиновьевой он сообщает о своей быстро растущей славе не только в СССР, но и за границей. Так, к радости Валентина Феликсовича, в Соединённых Штатах к нему проявили интерес, и в американских газетах писали «об архиепископе-лауреате Сталинской премии»⁶, специ-

¹ КККМ. О/ф, 10779/2.

² Там же.

³ Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. Р-1384. Оп. 2. Д. 79. Л. 135.

⁴ КККМ. В/ф 8266/3.

⁵ КККМ. О/ф 10779/4.

⁶ КККМ. О/ф 10779/2.

ально из Москвы в Тамбов приезжал фоторепортёр сделать снимки с лауреата для иностранных журналов и т. д. Сообщая обо всём этом, архиепископ Лука доверительно признаётся Валентине Николаевне, что не искал славы и считает происходящее с ним исключительно торжеством для Церкви¹, по Библейскому слову: «Я (Бог. – С. К.) прославлю прославляющих Меня» (1 Цар 2:30). В окончании текста письма владыка Лука делится горем любящей его тамбовской паствы, которую он должен будет вскоре покинуть, так как Патриарх Алексей I (Симанский) решил перевести его в Крым².

Совсем недавно нам удалось обнаружить уникальную почтовую карточку [2, с. 9]. На её обратной стороне Валентин Феликсович собственноручно написал В. Н. Зиновьевой: «Перевод мой в Крым отменен. Остаюсь в Тамбове. А. Лука»³, что может свидетельствовать о кратковременном изменении решения высшего церковного и советского руководства по поводу перемещения архиепископа из Тамбова. Однако 7 июля 1946 г. В. Ф. Войно-Ясенецкий сообщал Валентине Николаевне, что, несмотря на просьбы верующих оставить его в Тамбове, по решению Патриарха он уехал в Симферополь устраивать разорённую Крымскую епархию⁴.

Обращают на себя внимание указанные в письме подробности переезда владыки в Симферополь и контрасты в его социально-материальном положении. Все вещи архиепископа Луки помещались в сундук, с ним же

упаковали пять ящиков книг, и всё, больше ничего не было. При этом он писал ученице, что в Москве закончен его бюст для галереи крупнейших хирургов, а в Америке и Англии до сих пор ведётся активная пропаганда лауреата-хирурга, из Нью-Йорка просили прислать его автограф⁵ и т. д.

С приездом правящего архиерея в Симферополь новая паства окружила его не меньшей любовью, чем в Тамбове⁶. Владыка сообщал В. Н. Зиновьевой о предстоящей широкой церковной деятельности. А в это же время беспартийная Валентина Николаевна готовилась вступить в ряды коммунистической партии. Более того, несмотря на то, что она в 1947 г. окончила вечерний Университет марксизма-ленинизма⁷ (обучалась в нём два года. – С. К.), ей всё же дали лишний год кандидатского стажа перед приёмом в КПСС, поскольку она по происхождению была из дворян [4, с. 22]. Дворянское прошлое и проживание за границей сестры отразились и на её военной службе – выше капитанского звания В. Н. Зиновьевой так и не присвоили. Военское звание капитана медицинской службы она получила одновременно со своей подругой, врачом-окулистом В. Н. Климовской, о чём свидетельствует приказ Народного Комиссара Обороны от 23 марта 1943 г. за № 01872⁸.

Подруга В. Н. Зиновьевой Валентина Николаевна Климовская была дочерью священника, отца Николая Климов-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Арх. КГМУ. Опись профессорско-преподавательского состава № 1. Связка 119. Дело 3104. Личное дело В. Н. Зиновьевой. Л. 6. Л. 9 об.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 14. Л. 60.

¹ КККМ. О/ф 10779/2.

² Там же.

³ КККМ. О/ф 10779/3.

⁴ КККМ. О/ф 10779/4.

ского, представителя священнической династии с начала XIX в. Поэтому В. Н. Климовская получила благочестивое воспитание в семье, а В. Н. Зиновьева, часто бывая в гостях у подруги и общаясь с о. Николаем, впитывала высокую нравственность христианства. Возможно, это явилось одной из основных причин, по которой она сохранила все письма состоящего под присмотром компетентных органов архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Владыка знал уважительное отношение к нему любимой ученицы.

В письме от 7 июля 1946 г. Валентин Феликсович констатирует, что полученные им выдающиеся достижения в хирургии – это результат непрерывных «наблюдений и мыслей во время операций и вскрытий трупов»¹, что профессор называл «чтением книги жизни». Он признавался в невозможности совмещать архиерейское служение и большую научную работу. Таким образом, владыка Лука на склоне лет предпочёл архипастырскую деятельность медицине. По окончании письма он желает В.Н. Зиновьевой, помимо здоровья телесного и духовного, успехов в хирургии². Пожелание добавило ей уверенности и сил в написании кандидатской диссертации.

Заметим, что среди молодых докторов красноярского эвакогоспиталя № 1515 В. Ф. Войно-Ясенецкий в 1941–1943 гг. сумел подготовить собственную смену из нескольких врачей-женщин. Академик РАМН и РАН Ю. Л. Шевченко отмечает, что «в тыловом эвакуационном госпитале № 1515 одни из них занимали должности заведующих хирургическими отделе-

ниями (А. Х. Левикова, Н. С. Панова), нейрохирургическим отделением (А. Д. Мочалова), другие являлись ординаторами (Л. Б. Элинсон)» [8, с. 513]. Женщины-хирурги достойно справились с задачами, поставленными перед ними профессором, и в декабре 1943 г. свои научные сообщения представили «вниманию делегатов краевой научной конференции (госпиталей. – С. К.). Всего же на конференции, проходившей в Красноярске 25–27 декабря 1943 г., было заслушано более 30 докладов [6, с. 4]. Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий сидел среди почетных гостей в президиуме» [8, с. 518–519]. Валентина Николаевна знала об этом, но у неё тогда не было времени на активную научную деятельность – всё забирала административная работа в УМЭП-49, практическая хирургия и семья. В то же время, согласно приказу по Управлению МЭП-49 от 6 августа 1941 г., В. Н. Зиновьева руководила хирургической секцией в научном совете эвакопункта³, следовательно, она занималась наукой по мере сил и при духовной поддержке епископа Луки.

10 июня 1951 г. 74-летний Валентин Феликсович уже не пишет, а диктует письмо ученице, сказывается ослабшее зрение единственного видящего глаза и постоянное переутомление. Но и в таком положении он продолжает интересоваться здоровьем тех, с кем ему довелось работать и общаться в Красноярске. Так, В. Ф. Войно-Ясенецкий выражает радость по поводу благополучного исхода болезни стоматолога Сусанны Степановны Потылицыной, в доме которой по адресу ул. Вейнбаума, 21 он бывал до и во время войны.

¹ КККМ. О/ф 10779/4.

² Там же.

³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 591. Л. 100.

Архиепископ Лука сообщает Валентине Николаевне о завершении своего богословского трактата «О духе, душе и теле», который мог бы быть полезным в деле религиозного просвещения отпавших от веры в Христа, если бы труд опубликовали (впервые книга была издана в Брюсселе в 1978 г. – С. К.). К тому времени было напечатано уже шесть томов проповедей владыки Луки (всего архиепископ-проповедник написал 12 томов проповедей. – С. К.), которые высоко оценили специалисты-богословы.

В письме епископ подтверждает окончательную приверженность архиерейскому служению известной цитатой: «Архиерей, архиерей от головы до ног (Король Лир)»¹, констатирует, что отлучён от хирургии за свой архиерейский сан и лишён приглашений на важные для больных людей консультации². Однако профессорские осмотры и точные диагнозы у себя на дому пользовались огромным успехом в Симферополе. К тому же Валентин Феликсович вёл приёмы бесплатно, что вызывало недоумение многих. Завершается письмо пожеланием Валентине Николаевне успехов в хирургии³.

4 ноября 1953 г. В. Ф. Войно-Ясенецкий продиктовал своей ученице последнее из сохранившихся в Красноярске писем. Прошло без малого двадцать лет, как он уехал из города. Короткое письмо владыки начинается словами: «Доктору Зиновьевой (к сожалению, не помню Вашего имени и отчества) сердечный привет и пожелание успехов в хирургии и науч-

ной работе»⁴. Валентину Феликсовичу тогда было 76 лет. И, как пишет сам владыка: «Я почти утратил зрение, ибо левый глаз слеп с 1934 года, а в правом крайне медленно зреющая катаракта и глаукома»⁵.

Как мы отмечали ранее, профессор в письме поздравил состоявшегося учёного В. Н. Зиновьеву со званием кандидата наук. Однако, просматривая диссертацию Валентины Николаевны мы не увидели каких-либо упоминаний о В. Ф. Войно-Ясенецком, и среди обширного списка литературы нет ссылок на труды выдающегося хирурга. Сказывалось неблагоприятное для Церкви время, и В. Н. Зиновьева не могла что-либо упоминать об архиепископе-хирурге.

В последнем письме к ней он прибавил, что книга «О духе, душе и теле», равно как и семь томов проповедей получили высокую оценку Московской Духовной Академии⁶, почётным членом которой архиепископ Лука будет избран в 1957 г. В конце письма – пожелание: «Будьте здоровы душой и телом»⁷.

Так окончилась переписка двух талантливых хирургов, которых в профессиональном и нравственном отношении соединил тыловой город Красноярск и Великая Отечественная война.

III период: 1990-е гг. – время открытых воспоминаний Валентины Николаевны о знаменитом хирурге и учителе, придания гласности их общению. В. Н. Зиновьева наконец-то смогла поведать миру о В. Ф. Войно-

¹ КККМ. О/ф 10779/5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ КККМ. О/ф 10779/6.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Ясенецком, с ней встречались журналисты и т. д. По свидетельству внука, А. Л. Зиновьева, в советское время бабушка о выдающемся хирурге-архиепископе дома не рассказывала. По словам самой В. Н. Зиновьевой, в 1970-х, если бы не её занятость, она смогла бы поучаствовать в написании книги об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) совместно с известным автором М. А. Поповским, который написал книгу один [5]¹. Однако теперь мы знаем, что причиной была не занятость, а отношения Церкви и государства с вытекающими последствиями.

Валентина Николаевна дожила до канонизации владыки Луки (Войно-Ясенецкого) в 1995 г. (в лике местночтимых святых Крыма, г. Симферополь), в 1999 г. (в лике святых, в земле Сибирской просиявших, г. Красноярск) и немного не дожила до прославления архиепископа в сонме новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания (г. Москва, 2000 г.).

Итак, история профессиональных и человеческих отношений епископа Луки (Войно-Ясенецкого) и сугубо светского человека В. Н. Зиновьевой демонстрирует нам, как Великая Отечественная война объединила двух хирургов в деле самоотверженной работы по лечению и спасению раненых в красноярских госпиталях. После же войны Валентин Феликсович и Валентина Николаевна сохранили взаим-

ное доверие и уважение на всю жизнь, несмотря на изменяющуюся политику государства по отношению к Русской Православной Церкви в послевоенное время и в период хрущёвских гонений. Желание В. Н. Зиновьевой профессионально совершенствоваться в хирургии, привитая с детства любовь к людям, а также общение с семьёй подруги, дочери священника В. Н. Климовской оказались основой для сближения Валентины Николаевны и профессора-епископа Луки (Войно-Ясенецкого). Валентин Феликсович, в свою очередь, как профессионал и православный пастырь поддерживал и духовно укреплял ученицу, радовался её успехам, сожалел о произошедших с ней неприятностях, искренне сообщал о своих победах и трудностях.

Таким образом, длительные взаимоотношения В. Ф. Войно-Ясенецкого и красноярского хирурга В. Н. Зиновьевой свидетельствуют, во-первых, о человеколюбии владыки Луки, независимо от конфессиональной принадлежности и убеждений другого человека, и, во-вторых, о его умении разбираться в людях и их морально-нравственных приоритетах. История отношений двух хирургов может послужить основой для дальнейшего, более глубокого изучения человеческих качеств, а также жизни и деятельности святителя Луки.

Статья поступила в редакцию 17.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Да светит всем! Альбом о земной и небесной славе Святителя Луки Крымского : в 2 т. / автор проекта и составитель: митрополит Лазарь (Швец); комментарии, примечания, сноски: Т. С. Шорохова (Чичкина). Т. 2. Симферополь: Н. Орианда, 2018. 680 с.

¹ Самое известное на сегодняшний день биографическое повествование о В. Ф. Войно-Ясенецком «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (1-е издание вышло в Париже в 1979 г.).

2. Кожевников С. В. Святитель Лука: «Я полюбил страдания...» // Православное слово Сибири. 2015. Май (№ 5). С. 8–9.
3. Краевая научная конференция госпиталей // Красноярский рабочий. 1943. Декабрь. № 263. С. 4.
4. Ольхова Н. С. Любовь и милосердие в немилосердной той войне... // Комок. 1995. 10 мая. № 18. С. 22–23.
5. Поповский М. А. Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, Держава, 2002. 528 с.
6. Сизых Т. П. Воспоминания начмеда госпиталя 15/15 г. Красноярска Н. А. Бранчевской о В. Ф. Войно-Ясенецком (к 130-летию) // Сибирское медицинское обозрение. 2007. № 1. С. 63–71.
7. Хондзинский П., прот. Незримая обитель, или краткая повесть о жизни дивеевских монахинь в муромском изгнании: с прил. подлинных документов, писем и воспоминаний. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017. 284 с.
8. Шевченко Ю. Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. СПб.: Наука, 2007. 623 с.

REFERENCES

1. Metropolitan Lazar (Shvets), Shorohova (Chichkina) T. S., comments, annotations, footnotes. *Da svetit vsem! Al'bom o zemnoi i nebesnoi slave Svyatitelya Luki Krymskogo : v 2 t. T. 2* [Yes shines for all! The album about the earthly and heavenly glory of St. Luke the Crimean: in 2 vol. Vol. 2]. Simferopol, N. Orianda Publ., 2018. 680 p.
2. Kozhevnikov S. V. [St. Luke: "I loved the suffering..."]. In: *Pravoslavnoe slovo Sibiri* [Orthodox word of Siberia], 2015, no. 5, pp. 8–9.
3. [Regional scientific conference of hospitals]. In: *Krasnoyarskii rabochii* [Krasnoyarsk worker], 1943, no. 263, pp. 4.
4. Ol'khova N. S. [Love and mercy in the merciless war that...]. In: *Komok*, 1995, 10 May, pp. 22–23.
5. Popovskii M. A. *Zhizn' i zhitie svyatitelya Luki Voyno-Yasenetskogo, arkhiepiskopa i khirurga* [Life and hagiography of St. Luke Voyno-Yasenetsky, Archbishop and surgeon]. St. Petersburg, Satis, Derzhava Publ., 2002. 528 p.
6. Sizykh T. P. [Memoirs of a chief medical officer of Krasnoyarsk hospital #15/15 N. A. Branchevsky about V. F. Voyno-Yasenetsky (to the 130th anniversary)]. In: *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie* [Siberian Medical Review], 2007, no. 1, pp. 63–71.
7. Khondzinskii P. prot. *Nezrimaya obitel', ili kratkaya povest' o zhizni diveevskikh monakhin' v muromskom izgnanii: s pril. podlinnykh dokumentov, pisem i vospominanii* [The invisible cloister or a brief narrative of the life of the Diveyevo nuns in the Murom exile: original documents, letters and memoirs]. Moscow, Orthodox St. Tikhon University of Humanities Publ., 2017. 284 p.
8. Shevchenko Yu. L. *Privetstvuet vas Svyatitel' Luka, vrach vozlyublennyi* [Saint Luke welcomes you, the beloved doctor]. St. Petersburg, Science Publ., 2007. 623 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожевников Семён Валериевич – кандидат экономических наук, исполнительный директор ООО «РАМикс»;
e-mail: semenk2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semen V. Kozhevnikov – PhD in economic sciences, executive director of RAMiks Ltd.;
e-mail: semenk2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кожевников С. В. Связь с Красноярском В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) после отъезда из Сибири (на примере хирурга В. Н. Зиновьевой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 73–86.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-73-86

FOR CITATION

Kozhevnikov S. V. Voyno-Yasenetsky's (st. Luka's) ties with Krasnoyarsk after his departure from Siberia (based on the information from surgeon V. N. Zinovyeva). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 73–86.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-73-86

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при кафедре Отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (научный консультант д. и. н., профессор Г. Ф. Быконя).

ACKNOWLEDGEMENTS

The research is performed at the department of National History of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev, (scientific expert is Associate Professor of Historical sciences, Professor G. F. Bykonya)

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-87-98

ФИНАНСОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ И.А. БУНИНЫМ И КОМИТЕТОМ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ

Евдошенко Н. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Миусская площадь, д. 6, Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является исследование финансовых взаимоотношений И. А. Бунина и Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, как одной из организаций, которая оказывала помощь знаменитому писателю. Также в статье проанализирован эпизод их взаимодействия в период присуждения писателю Нобелевской премии. Для детального анализа вопроса использовались архивные материалы Комитета, находящиеся во Франции. В результате исследования финансовых документов и переписки получены новые уточняющие данные к биографии И. А. Бунина и выявлены некоторые проблемы в деятельности Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Статья адресована всем исследователям организаций русской эмиграции и биографии И. А. Бунина.

Ключевые слова: И. А. Бунин, благотворительность, Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, Нобелевская премия Бунина.

FINANCIAL RELATIONS BETWEEN I.A. BUNIN AND THE COMMITTEE FOR SUPPORT TO RUSSIAN WRITERS AND SCIENTISTS IN FRANCE

N. Evdoshenko

*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to explore the financial relations between I. A. Bunin and the Committee for Support to Russian writers and scientists in France as one of the institutions supporting the famous writer. In addition, the article analyses the episode of their interaction in the period when the writer was awarded the Nobel Prize. The materials of the Committee Archive located in France were used for the detailed analysis of the issue. The survey of the financial documents and correspondence has yielded new, more detailed data of I. A. Bunin's biography. Besides, certain issues in the activities of the Committee for Support to Russian writers and scientists in France are also revealed. The article is addressed to all researchers of the institutions of the Russian emigration and the biography of I. A. Bunin.

Key words: Bunin, charities, Support Committee to Russian writers and scientists in France, Bunin's Nobel Prize.

Изучение финансовых документов благотворительных организаций русской эмиграции, наиболее активно работавших в период с 1918 по 1939 гг., дает огромное количество информации для исследователей. Данные финансовых отчетов или кассовых ведомостей могут заполнить лакуны в биографиях конкретных лиц, а также дать ответы на многие вопросы, связанные с социальной адаптацией русских эмигрантов в указанный период. Особенно значимыми являются документы, позволяющие пролить свет на отдельные эпизоды жизни известных лиц, ведь знаменитые писатели русского зарубежья, как и многие другие, тоже активно пользовались поддержкой благотворительных комитетов и обществ, о чем сами практически никогда в своих произведениях не упоминали. И конечно, среди огромного количества писателей русской эмиграции значительный интерес представляет жизнь и творчество И. А. Бунина, которые являются предметом для изучения уже нескольких поколений филологов и историков.

Работ, в которых затрагиваются отношения И. А. Бунина с благотворительными эмигрантскими обществами, хоть в какой-то мере, совсем немного. Среди общих работ о быте русской литературной эмиграции можно упомянуть исследование российского филолога А. М. Зверева [5]. Его коллега Е. Р. Пономарев как раз на примере круга общения семьи Буниных рассматривает проблему эмигрантского быта [9]. Здесь надо отметить, что обе эти работы базируются только на эпистолярных и мемуарных источниках. Более широкий круг источников использует в своей статье, посвященной взаимоотношениям

И. А. Бунина и русского культурного Комитета в Белграде в 1928–1937 гг., филолог А. В. Бакунцев [2]. Другая часть исследований касается эпизода присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии по литературе, и их достаточно много [1; 4; 6].

Исследование, представленное в настоящей статье, базируется на архивных документах фонда «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции», который находится в «Современнице» (*La contemporaine* – именно так сейчас называется бывшая Библиотека современной международной документации – BDIC в Нантерре, Франция – Н. В.).

Работы, в которых используются документы данного фонда, тоже есть. Среди них можно выделить архивную публикацию некоторых документов из архива Комитета В. Е. Кельнера и В. Познера [7], но без каких-либо оценочных суждений. Две работы являются исследовательскими и имеют непосредственное отношение к теме настоящей статьи. Первая из них – статья французского историка Леонида Ливака о сотрудничестве русских литераторов с французскими элитами [12]. И вторая, монография Татьяны Марченко [8], посвященная присуждению Нобелевской премии русским литераторам, в которой она среди прочего касается непосредственно эпизода взаимодействия И. А. Бунина и Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции в момент присуждения ему Нобелевской премии. Однако Татьяна Марченко, вероятно, из-за того, что не в полной мере использовала архивные документы, сделала не совсем правильные выводы и оценки данного сюжета.

Таким образом, проанализировав имеющуюся литературу, можно констатировать, что вопрос денежных отношений между благотворительными организациями и получателями помощи изучен недостаточно.

Целью настоящей статьи является исследование взаимоотношений И. А. Бунина и Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, как одной из организаций, которая оказывала помощь знаменитому писателю. Также в статье детально проанализирован эпизод их отношений в период присуждения писателю Нобелевской премии.

Методология работы основывается на историческом подходе с использованием максимально полного корпуса документов по указанной теме с применением структурного метода для исследования модели взаимодействия отдельных личностей внутри Комитета и выявлением их функций. Метод терминологического анализа использован для понимания содержания некоторых финансовых терминов. Чтобы раскрыть тему наиболее полно, мы рассмотрим следующие три её аспекта. Во-первых, обратим внимание на деятельность благотворительной организации, которая оказывала помощь писателям и ученым во Франции, затем затронем тему жизни Буниных в эмиграции и их взаимодействие с Комитетом. И, наконец, детально представим эпизод взаимоотношений между И. А. Буниным и Комитетом в момент присуждения знаменитому литератору Нобелевской премии.

Сначала несколько слов о «Комитете помощи русским писателям и ученым во Франции»¹, который был

¹ Далее «Комитет»

создан в 1919 г. в Париже по инициативе членов американского «Фонда Помощи Нуждающимся Российским Литераторам и Ученым» Константина Михайловича Оберучева, Сергея Михайловича Ингермана и Аркадия Иосифовича Зака. Комитет в Париже был создан с единственной целью помощи и поддержки нуждающихся русских писателей и ученых, которые были вынуждены по разным причинам эмигрировать из большевистской России. При этом инициаторы создания Комитета установили условия расходования денег, которые на первых порах они сами переводили в Париж из Америки:

«...Посылаемые средства могут быть расходуемы, как на выдачу безвозвратных пособий, так равно и выдачу временных беспроцентных ссуд, кому таковые необходимы до приискания работы»².

Обратим здесь внимание на определение терминов: «ссуда» – денежные средства, временно передаваемые в долг, и «пособие» – безвозвратная денежная помощь. Таким образом, когда проситель получал ссуду, подразумевалось, что он эти деньги обязуется рано или поздно вернуть, тогда как получение пособия подобного обязательства не предполагало. Однако с течением времени стало понятно, что, поскольку правление Комитета не требовало обязательного возврата выданных ссуд, многие этим пользовались и деньги не возвращали. Здесь

² BDIC, Fond du Comité de Secours aux Écrivains et aux Savants russes en France. Correspondances, statuts, bilans d'activités, rapports, financiers, protocoles de réunions, carnets de reçus, coupures de presse, documents divers. 1919–1935. F delta Rés. 832 (1) (1); здесь и далее цифра в первых круглых скобках означает номер коробки (carton), во вторых скобках – папку (chemise)).

уместно процитировать слова Василия Яновского о полученных из благотворительных обществ деньгах: «Думаю, что следует пояснить наше тогдашнее отношение к чужим деньгам и вообще к услугам посторонних... В те годы получить субсидию или подачку почиталось лестным! <...> Вспоможествования, милостыня становились в нашем обиженном сознании чем-то вроде чинов и орденов в чеховской Руси. Случаев гордого отказа от таких денег почти не бывало» [11, с. 45–46].

Источников финансирования Комитета было несколько. Только в самые первые месяцы его существования это были деньги, посылаемые из США. В дальнейшем Комитет самостоятельно пытался найти способы для пополнения своей кассы. При анализе документов Комитета мы видим, что лишь небольшая часть поступала от пожертвований организаций и частных лиц, а наибольшая от устройства различных мероприятий – балов, творческих вечеров и даже организации спектаклей. То есть деньги, которые выдавались нуждающимся, были по сути заработанными. Общий объем оказанной помощи исчислялся десятками тысяч франков ежегодно¹.

Чета Буниных приехала в Париж в марте 1920 г. То есть буквально через год после начала деятельности Комитета. Большое участие в их приезде приняла М. С. Цетлина², передав им 1000 франков и сделанные для них визы. Деньги, полученные от Цетли-

¹ Кассовые отчеты Комитета Помощи Русским Писателям и Ученым во Франции за 1922, 1923, 1924, 1925, 1926 годы, ВДИС 832 (10) (9).

² Цетлина (Тумаркина) Мария Самойловна – (1882–1976) – Доктор философии, общественно-политический деятель, издатель, благотворитель.

ной, И. А. Бунин вскоре вернул, поскольку получил помощь из Комитета. В дневнике В. Н. Буниной от июня 1920 г. есть запись [10, с. 10–11]:

«Последние дни у нас ушли на поиски квартиры. Утомлены очень. Масса впечатлений. <...>. Переселяемся в комнаты, которые будут очень жаркими. Левый берег Яна³ тоже не привлекает. <...> Из фонда Яну предложено 3000 рублей⁴. Он принял деньги, хотя мне очень тяжело. Одно утешает, что 1000 рублей⁵ он отдал М. С.»⁶.

В архивных документах Комитета мы находим в подтверждение два документа: И. А. Бунин получил от Комитета 500 франков 09 апреля 1920 г. с распиской «обещаю вернуть при первой возможности»⁷ и еще 3000 франков 20 июня 1920 г. с распиской «получил в ссуду»⁸. Таким образом, в первые месяцы пребывания в Париже И. А. Бунин всего получил от Комитета в долг 3500 франков. В дальнейшем при получении денег он не делал в расписках уточнений об условиях и писал просто: получил столько-то франков.

В июне того же 1920 г. и И. А. Бунин, и В. Н. Бунина стали членами «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции» и начали принимать активное участие в его деятельности. Такое взаимодействие было выгодно

³ «Яном» В. Н. Бунина называла Ивана Андреевича Бунина.

⁴ В. Н. Бунина по привычке написала «рубль», на самом деле они получили 3000 франков.

⁵ Здесь в тексте документа также ошибка и следует читать «1000 франков»

⁶ Цетлина М. С.

⁷ Расписка И. А. Бунина в получении от Комитета 500 франков от 09 апреля 1920 г., ВДИС (1) (3).

⁸ Расписка И. А. Бунина в получении от Комитета 3000 франков от 20 июня 1920 г., ВДИС (1) (3).

как для Комитета – известные имена среди членов организации помогали привлекать благотворительные деньги, так и для самого писателя – он мог ходатайствовать о выдаче денежных пособий своим протеже. Когда Бунины жили в Париже, то обязательно присутствовали на заседаниях Комитета. В. Н. Бунина выполняла много обязанностей – была казначеем, участвовала в подготовке концертов и балов: «Для бала Союза молодых писателей и поэтов или для наших больших общих и индивидуальных вечеров Бунина неумолимо собирала пожертвования, продавала билеты, просила, кланялась, с достоинством благодарила. <...> Принимала участие в судьбе любого поэта, журналиста, да вообще знакомого, попавшего в беду» [11, с. 221].

На основании архивных документов Комитета можно определенно констатировать, что И. А. Бунин просил денег чаще не для себя, а для других. В фонде Комитета находится много его писем и открыток, в которых он просит за П. М. Пильского, Н. К. Клименко, С. А. Соколова, М. К. Первухина, И. С. Шмелёва, С. В. Яблонского (Потресова), А. В. Амфитеатрова; причём не просто просит, а активно их защищает:

«Я уже много раз просил у Комитета помощи некоторым лицам – и всегда так случалось, что до моих претендентов очередь не доходила, или, верите, доходила тогда, когда деньги были уже исчерпаны. Вот, напр., Н. К. Клименко: ему дали еще в октябре всего 100 фр., пообещав прибавить впоследствии, но так и не прибавили. Сделайте милость, дайте ему хоть 200 фр. – он в отчаянной нужде»¹.

¹ Письмо И. А. Бунина, адресованное Н. В. Чайковскому от 10 мая 1922 года, BDIC (2) (4).

«Ради бога пошлите хоть 200 фр. Михаилу Кондратьевичу Первухину – он и болеет, и умирает с голоду буквально»².

В 1921 г. о протекции просил Бунина и его друг Б. А. Лазаревский, который на протяжении многих лет с 1920 по 1930 гг. получал помощь от Комитета. В ответ Бунин написал следующее:

«Сейчас получил Ваше письмо с просьбой устроить Вам помощь в «Комитете». Я дел «Комитета» не знаю, не был на его заседаниях уже месяца 2. На следующее заседание не пойду – прежде всего потому, что опять слег в постель – то же, что в прошлом году.

Если будет возможно, будет Вера Ник. Она говорит, что деньги в Комитете могут быть только после 15 Дек. Так что в следующую среду, т.е. 14го, денег вероятно, не будет»³.

А вот для себя Бунины совсем не часто просили деньги. После тех первых 3500 франков следующие были ими получены только в 1927 и в 1930 гг. В январе 1927 г. они получили 1000 франков⁴ и затем в 1930 г. несколько раз по 500 франков.

С начала 1930-х гг. в писательской среде активно обсуждалась возможность присуждения Нобелевской премии по литературе русскому писателю. Получение награды было чрезвычайно желанным как по факту признания до-

² Письмо И. А. Бунина, адресованное Н. В. Чайковскому, без даты, вероятно июль-август 1922 года, BDIC (2) (4).

³ Частное письмо И. А. Бунина, адресованное Б. А. Лазаревскому от 12 декабря 1922 г. Фонд Б. А. Лазаревского (96/43) в Литературном архиве Музея Национальной письменности Праге (чеш. Památník národního písemnictví), публикуется по «Милый Барбарис!..» // Новый Мир. 2006. № 5.

⁴ Протокол заседаний бюро Комитета от 20 января 1927 года, BDIC 832 (10) (8).

стижений русской литературы, так и из-за своего денежного эквивалента.

И. А. Бунин получил известие о присуждении ему Нобелевской премии по телефону 9 ноября 1933 г., находясь в Грассе [3, с. 609] Сам он ожидал её больше десяти лет. Еще в декабре 1922 г. велись разговоры о возможности получения Нобелевской премии или И. А. Буниными, или Д. С. Мережковским и даже были предложения поделить её пополам в случае присуждения кому-то из них [10]. С осени 1931 г. ожидание было особенно напряженным.

Как раз в дни присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии и закончились его отношения с Комитетом помощи русским писателям и ученым во Франции. Эта история была не очень приятная как для него, так и для членов Комитета, которые в тот момент принимали в этом участие.

Суть конфликта между Буниным и членами Комитета состоит в следующем. После получения известия о присуждении И. А. Бунину Нобелевской премии по литературе, в ноябре 1933 г., члены Комитета решили, что поскольку он пользовался помощью Комитета в прежние годы, причем часть денег была взята с обязательством их возврата, то наступил удобный момент напомнить ему о долгах и тем самым получить немного денег из его премии в кассу Комитета для раздачи нуждающимся, поток которых и в 1933 г. не уменьшался. Но так получилось, что «напомнили» они ему в совершенно бестактной форме, что, разумеется, оскорбило Бунина и лишило членов Комитета вообще всякой возможности претендовать на какие-либо суммы.

Началось всё с почтовой открытки С. Г. Сватикова¹, которую он адресовал председателю Комитета И. Н. Ефремову 18 ноября 1933 г., в которой автор предлагает прямо сказать И. А. Бунину о видах Комитета на часть его премии:

«Надеюсь, что Вы уже побывали у Вашего соседа (Ив. Ал. Бунина) [...] и поздравили его от имени Комитета. Я думаю, что не надо и «намёкивать» ему и он сам внесет Вам хотя бы после 6-го дек.² некую сумму. (Сол. Вл.³ мог бы дать справку об его ссудах начала 20х гг. и тех, за кого он ходатайствовал столько раз)»⁴.

То есть, Сватиков предлагал потребовать не только деньги, которые получал сам Бунин, но и полученные теми, за кого он просил перед Комитетом. Практически одновременно, 19 ноября 1933 г., С. Г. Сватиков пишет письмо и С. В. Познеру:

«Я послал письмо И. Н. Ефремову, прося его как предс. Ком. пом. поздравить И. А. Бунина и, деликатно, в личной беседе узнать, что сможет Ком. получить т.к. нужда особенно ужасна. [...] И. Н. удивляется, неужели Вы за 2 месяца не оповестили членов Комитета, что он в отставке. [...] сообщите Н. В. Тесленко⁵ вице-предс. Надеюсь,

¹ Сватиков Сергей Григорьевич – (1880–1942) – историк, публицист. В 1933 г. член правления Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

² Предполагаемая дата получения И. А. Буниным денежного чека на премию.

³ Познер Соломон Владимирович – (1880–1946) – юрист, писатель, историк, журналист, издатель, общественный деятель. В 1933 г. был Секретарем Комитета.

⁴ Открытка С. Г. Сватикова, адресованная И. Н. Ефремову, от 18 ноября 1933 г., ВДИС 832 (10) (5).

⁵ Николай Васильевич Тесленко – вице-председатель Комитета в 1933 г.

он вступил в исполнение обязанностей предс.? Не хочу писать ему помимо Вас, но очень прошу Вас срочно посетить с ним Бунина и наиделикатнейшим образом выяснить наши дела»¹.

Из этого письма мы можем видеть, что в тот момент (ноябрь–декабрь 1933 г.) в Комитете был кризис руководства, поскольку И. Н. Ефремов сложил с себя полномочия председателя, направив С. В. Познеру письмо еще 25 сентября 1933 г., а 19 ноября он послал вторичное письмо, упомянув, что уже 2 месяца, как не является председателем Комитета. В свою очередь, Н. В. Тесленко 27 ноября 1933 г. в письме к С. В. Познеру также выразил свое недоумение, написав, что он не занимает должности «Товарища Председателя Комитета Помощи русским писателям и ученым»².

Таким образом, в период практически безвластия в Комитете, члены его правления пытаются добыть денег у И. А. Бунина, и И. Н. Ефремов, хоть и не считает себя председателем, но начинает действовать. Он составил от себя лично поздравление и отправил его И. А. Бунину 20 ноября 1933 года³. Это было обычное поздравление, которое не содержало никаких намёков на деньги и было очень почтительным, а единственный промах, который он допустил – ошибся с отчеством, и вместо «Иван Алексеевич» назвал Бунина «Иван Александрович». В письме С. В. Познеру он пишет:

¹ Письмо С.Г. Сватикова, адресованное С.В. Познеру от 19 ноября 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

² Письмо Н. В. Тесленко, адресованное С. В. Познеру от 27 ноября 1933 года. BDIC 832 (10) (5).

³ Копия поздравления И. Н. Ефремова адресованное И. А. Бунину от 20 ноября 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

«Посылаю Вам копию поздравления, которое я позволил себе отправить Ив. Ал. Бунину. Не думаете ли Вы, что следует послать от имени Комитета особое приветствие для прочтения на чествовании 25 ноября?»⁴

Далее он просит подготовить это приветствие, т.к. сам не может из-за того, что не помнит работ Бунина и может напутать. Поздравительный адрес к 25 ноября 1933 г. от имени Комитета был готов, он также был почтительным и уже не содержал ошибок.

Однако, как мы узнаем из следующего письма И. Н. Ефремова к С. В. Познеру от 26 ноября 1933 г., совершенно спонтанно этот «адрес» был прочтен до начала официальной церемонии:

«Вчера мы втроём⁵ были у Бунина т.к. пришел и Сватиков. [...] Я предложил прочесть немедленно Бунину адрес, что и было принято и мною исполнено. Копия же адреса была еще раньше сообщена Сватиковым Кульману⁶. Прочтя адрес, я добавил приблизительно следующее: «Позвольте обратить Ваше внимание на один результат получения Вами Нобелевской премии. Мне пришлось слышать от эмигрантской молодежи, что они испытали глубокое удовлетворение и ободрение, узнав, что русский, эмигрант, получил такое яркое международное признание своих заслуг. А ободрение нам всем нужно. Энергия борьбы за существование слабеет, и были уже случаи среди писателей и ученых самоубийств под влиянием бе-

⁴ Письмо И. Н. Ефремова адресованное С. В. Познеру от 21 ноября 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

⁵ Втроём – И. Н. Ефремов, С. Г. Сватиков и Н. В. Тесленко.

⁶ Кульман Николай Карлович – устроитель чествования И. А. Бунина

зыходного полуголодного существования. А к тому же, как не нашему Комитету знать, как велика нужда, среди писателей и ученых наших клиентов?» При упоминании Комитета, Бунин сочувственно закивал головой. [...]

Таким образом мы Бунину напомнили о существовании Комитета и о громадности нужды. Но окажется ли это достаточным, чтобы он дал Комитету одновременно полученные им и протежируемыми им писателями деньги?»¹

Таким образом, И. Н. Ефремов «наиделикатнейшим образом» выполнил просьбу и далее пишет, что хорошо бы еще раз напомнить Бунину о деньгах, но уже со списком долгов его лично и его протеже, которые и просит С. В. Познера подготовить. А также он просит его переговорить лично с В. Н. Буниной и «ей можно даже вручить копию вышеупомянутого списка», хотя, как очевидно из переписки, С. В. Познер не принимал активного участия в этом деликатном деле.

Но письмо В. Н. Буниной все же было отослано и написал его, скорее всего, С. Г. Сватиков, как мы можем видеть из письма Н. В. Ефремова, адресованного С. В. Познеру, от 18 декабря 1933 г.:

«Сегодня получил письмо Сватикова, сообщающее, что сегодня утром он получил от И. А. Бунина краткий ответ на то «мягкое и деликатное» письмо В. Н. Буниной, о котором он говорил нам вчера. Ответ краток, но ясен: «Я не из тех, кого можно запугать, мой дорогой соотечественник. Ив. Бунин»².

¹ Письмо И. Н. Ефремова, адресованное С. В. Познеру, от 26 ноября 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

² Письмо И. Н. Ефремова, адресованное

Видя неудачу с получением части премии, члены Комитета пытались получить хотя бы часть денег от организации этого вечера чествования И. А. Бунина 25 ноября 1933 г., о чем пишет С. Г. Сватиков 29 ноября 1933 г. в письме к И. Н. Ефремову:

«В ожидании Бунинского чека, не упустите реальной возможности получить хоть часть сбора, сделанного под нашим отчасти предложением».

Ради Аллаха, поспешите, а то Зеелер³ все заберет в Союз журнал.<истов>!»⁴

Несмотря на неудачи, в декабре 1933 г., уже после получения от И. А. Бунина «краткого ответа», члены Комитета решаются написать ему еще одно письмо, в котором перечисляют «точный перечень сумм, одновременно полученным Вами из средств, имевшихся в распоряжении Комитета, а также выданных другим лицам по особому Вашему ходатайству»⁵. Скорее всего, С. В. Познер был против, но письмо со списком «долгов» было отправлено И. А. Бунину и 22 января 1934 г. И. Н. Ефремов пишет С. В. Познеру:

«Глубокоуважаемый и Дорогой Соломон Владимирович

Вы были правы в том отношении, что нуждающиеся писатели и ученые ничего не получают вследствие обращений Комитета к И. А. Бунину. Вот полученный мною сегодня его ответ:

С. В. Познеру, от 18 декабря 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

³ Зеелер Владимир Феофилович – (1874–1954) – адвокат, политический и общественный деятель. Один из организаторов и генеральный секретарь (более 30 лет) Союза русских писателей и журналистов (Париж).

⁴ Письмо С. Г. Сватикова, адресованное И. Н. Ефремову, от 29 ноября 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

⁵ Проект письма И. А. Бунину, без даты, приблизительно декабрь 1933 г., BDIC 832 (10) (5).

Глубокоуважаемый
Иван Николаевич.

Я был в числе тех, кто основал¹ Комитет и состоял в числе его членов много лет. Почему мне прекрасно известно, что то, что мы давали нуждающимся писателям и ученым, только для проформы называлось «ссудами». Комитет просто раздавал те деньги, кои он получал от разных лиц и обществ, пользуясь именем нескольких известных писателей, – в том числе и моим именем. Все это известно и Вам. Не понимаю поэтому зачем нужно Комитету писать мне о каких-то моих «долгах» ему, о каких-то ссудах, будто бы мною от него полученных, да еще и с ошибками в «выметке» на счет оных (ибо, напр., 3000 фр., отнесенная Вами к июню 1920 года, никогда не были даже номинально достоянием Комитета).

С совершенным почтением (подписано) Ив. Бунин. 22.I.1934 г.»²

Итак, Комитет ничего не получил от «бунинского чека». Но И. Н. Ефремов даже после этого пытался объяснить И. А. Бунину в своем письме к нему от 25 января 1934 г.³, что ссуды были возвратными, что некоторые получатели их действительно возвращали, и еще раз подтверждает, что 3000 франков числятся как выданные в книге Комитета. Чтобы не повредить Комитету, и это письмо он отправил от себя лично.

В январе члены Комитета переписывались, пытаюсь угадать, кто

¹ Здесь и далее подчеркнуто автором цитируемого текста.

² Письмо И. Н. Ефремова, адресованное С. В. Познеру, от 22 января 1934 года, BDIC 832 (10) (6).

³ Копия письма И. Н. Ефремова И. А. Бунину для архива Комитета от 25 января 1934 г., BDIC 832 (10) (6).

и сколько получит от Нобелевской премии И. А. Бунина. В частности, С. Г. Сватиков писал:

«Вчера вечером услышал я, что Бунин, будто бы, дал 10% своей премии в распоряжение комитета⁴ из предс. <едателя> Ник. Карл. Кульмана и 2 чл.: Фундаминского Ильи Исидор. и Эльяшевича. Будто бы им даны предудказания: дать 11 т.<ысяч> Комитету, 28 т.<ысяч> Союзу, и по 10 тыс. Куприну, Зайцеву и Бальмонту итого 69 тыс. Для прочих же останется 2 тысячи из 71й»⁵.

Но из письма от И. Е. Ефремова от 16 января 1933 года мы узнаем, что все деньги и для Комитета Помощи Русским Писателям и Ученым, и для Союза писателей и журналистов, были переданы в Союз писателей и журналистов:

«Я получил от Ельяшевича пневматичку⁶ следующего содержания:

«По поручению Комитета по распределению пожертвования И. А. Бунина в составе И. И. Бунакова, Н. К. Кульмана и нижеподписавшегося, позволяю себе покорнейше просить Вас не отказать сообщить мне в самом срочном порядке, лучше всего пневматичкой, количество прошений, имеющихся в настоящий момент у Вас в Комитете».⁷

Число таких прошений в Комитете на тот момент составило всего 25 человек. Но и сумма, которая поступала в

⁴ Комитет, который создал И. А. Бунин для помощи в управлении денежными средствами от премии.

⁵ Письмо С.Г. Сватикова, адресованное И. Н. Ефремову, от 10 января 1934 г., BDIC 832 (10) (6).

⁶ «Пневматичка» (фр. la carte pneumatique) – письмо (открытка), передаваемое по пневмотрубам (фр. tubes pneumatiques), т.е. с помощью нагнетания воздуха.

⁷ Письмо И. Н. Ефремова адресованное С. В. Познеру от 16 января 1934 г., BDIC 832 (10) (6).

виде пожертвования от И. А. Бунина в Союз писателей и журналистов, была невелика и составляла всего 10000 франков¹. Из писем Зеелера от 29 и 30 января 1934² г. мы узнаем, что из 25 человек в списке нуждающихся от Комитета, 15 человек подали напрямую прошения в Союз и уже были удовлетворены, остальные же прошения были удовлетворены в общем порядке.

Так закончились взаимоотношения И. А. Бунина и Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В качестве итога этого эпизода можно утверждать, что И. А. Бунин деньги, взятые когда-то в долг хоть и не через Комитет, но вернул в виде розданных денежных сумм своим коллегам по писательскому цеху через Союз писателей и журналистов. Эта, по сути подобная по деятельности, организация практически заменила Комитет помощи русским писателям и ученым, слившись в восприятии общества в одно с ним целое. Комитет же прекратил свое существование в 1935 г. В защиту действий членов Комитета можно сказать, что все деньги, которые получал Комитет, распределялись среди нуждающихся, и борьба за «бунинские деньги»

ими велась не для личного обогащения, а для целей исключительно благотворительных.

В результате проведенного исследования были показаны непростые моменты работы благотворительной организации, а также в деталях представлен один из эпизодов биографии И. А. Бунина. Полученные результаты существенно дополняют знания о деятельности эмигрантских благотворительных организаций и позволяют сделать выводы об их значимости в жизни русского зарубежья в межвоенный период. Также исследование показало, что внимательный анализ уже известных архивных материалов может не просто дополнить имеющиеся сведения, но придать им абсолютно новый смысл.

Настоящая статья показывает перспективы изучения финансовых документов фондов организаций и личных фондов, которые открывают новые возможности для исследователей в получении цифровых данных и применении полученных результатов при анализе исторических событий.

Статья поступила в редакцию 08.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболина М. М. Нобелевский лауреат И. А. Бунин и издательство «Петрополис» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. Т. 215. С. 69–75.
2. Бакунцев А. В. И. А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91.
3. Бунин И. А. Из воспоминаний. Москва: ПРОЗАиК, 2014. 672 с.
4. Двнятина Т. М. Нобелевский год И. А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки) // Литературный факт. 2017. № 4. С. 143–161.
5. Зверев А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920–1940. М.: Молодая гвардия, 2003. 372 с.
6. Ильинский И. М. О Бунине и Бунинской премии // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 5–9.

¹ Письмо И. Н. Ефремова, адресованное С. В. Познеру, от 25 января 1934 г., ВДИС 832 (10) (6).

² ВДИС 832 (10) (6).

7. Кельнер В., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 1994. № 1. С. 270–313.
8. Марченко Т. В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Кельн; Мюнхен: Böhlau Verlag, 2007. 626 с.
9. Пономарев Е. Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2016. № 1. С. 52–63.
10. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 319 с.
11. Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. Москва: Астрель, 2012. 479 с.
12. Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925. Les débuts d'une collaboration // *Cahiers du monde russe*. 2007. Vol. 48. № 1. Pp. 23–43.

REFERENCES

1. Abolina M. M. [Nobel laureate Ivan Bunin and publishing house “Petropolis”]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2017, vol. 215, pp. 69–75.
2. Bakuntsev A. V. [I. A. Bunin and Russian cultural Committee in Belgrade (1928–1937)]. In: *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2017, no. 6, pp. 70–91.
3. Bunin I. A. *Iz vospominanii* [From the memoirs]. Moscow, PROZAIK Publ., 2014. 672 p.
4. Dvinyatina T.M. [The Nobel year of I. A. Bunin (based on diaries and family correspondence)]. In: *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2017, no. 4, pp. 143–161.
5. Zverev A.M. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo literaturnogo Parizha, 1920–1940* [Everyday life of Russian literary Paris, 1920–1940]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003. 372 p.
6. Il'inskiy I. M. [About Bunin and Bunin award]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 4, pp. 5–9.
7. Kel'ner V., Pozner V. [Committee for relief of Russian writers and scientists in France (From the archive of the Solomon Posner)]. In: *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury* [Russian Studies: Quarterly Russian Philology and Culture], 1994, no. 1, pp. 270–313.
8. Marchenko T. V. *Russkie pisateli i Nobelevskaya premiya (1901–1955)* [Russian writers and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln; München, Böhlau Verlag Publ., 2007. 626 p.
9. Ponomarev E.R. [The paradigm of the exile life. The circle of contacts of Bunin's family and everyday culture of emigration]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Story], 2016, no. 1, pp. 52–63.
10. *Ustami Buninykh. Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. T. 2* [At Bunins' mouths . The diaries of Ivan and Vera Nikolaevna and other archival materials: in 3 v. Vol. 2]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1981. 319 p.
11. Yanovskii V. S. *Polya Eliseiskie. Kniga pamyati* [Elysian Fields. The book of memory]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 479 p.
12. Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925. Les débuts d'une collaboration. In: *Cahiers du monde russe*, 2007, vol. 48, no. 1, pp. 23–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдошенко Наталья Валерьевна – аспирант кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: n.matinale@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Evdoshenko – postgraduate student at the Department of History and organization of Archival Work, Russian State University for the Humanities (RSUH);
e-mail: n.matinale@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евдошенко Н. В. Финансовые взаимоотношения между И. А. Буниным и Комитетом помощи русским писателям и ученым во Франции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 87–98.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-87-98

FOR CITATION

Evdoshenko N. V. Financial Relations Between I.A. Bunin and the Committee for Support to Russian Writers and Scientists in France. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 87–98.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-87-98

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-99-106

РАЗВИТИЕ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (НА МАТЕРИАЛАХ УДМУРТИИ)

Королев М. А., Рубанова И. В.

*Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко
427620, г. Глазов, ул. Первомайская, д.25, Российская Федерация*

Аннотация. В статье дается анализ сырьевой базы, которая легла в основу составления и реализации первых пятилетних планов в Удмуртии в 1928–1937 гг. В основу исследования положены работы советского и постсоветского периодов, а также архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. Обращено внимание на лесные, сельскохозяйственные ресурсы, ставшие одним из важнейших факторов развития региона. Отмечены трудности в освоении сырья и зависимость региональной промышленности от местной ресурсной базы. Авторы отмечают, что важнейшая задача, поставленная перед регионом в отношении развития сырьевой базы, была – сокращение вывоза ресурсов за пределы Удмуртской автономной области при необходимости их переработки на месте. При этом авторы приходят к выводу, что по итогам первых пятилетних планов регион не смог в полной мере освоить имевшийся потенциал природных и минеральных ресурсов.

Ключевые слова: Удмуртская (Вотская) автономная область, первые пятилетки (1928–1937 гг.), местная сырьевая база, лес, картофель, лен.

THE DEVELOPMENT OF RAW MATERIALS BASE DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS (BASED ON MATERIALS OF THE UDMURT REPUBLIC)

M. Korolev, I. Rubanova

*Glazov State Pedagogical Institute, n. a. V. G. Korolenko
25, Pervomaiskaya ul., Glazov, 427620 Russian Federation*

Abstract. The article presents the analysis of raw materials base, which formed the basis for the composition and implementation of the first five-year plans in the Udmurt Republic in 1928–1937. The research is based on scientific articles of the Soviet and post-Soviet period, as well as on the archival materials first put into scientific circulation. It is noted that forest and agricultural resources became one of the most important factors in the development of the region. The article enumerates all the difficulties in raw materials development and considers the dependence of the regional industry on the local resource base. The authors mention that the most important tasks set for the region in terms of the development were: reducing the export of resources outside the Udmurt Autonomous region and the need to process them on the spot. At the same time, the authors come to the conclusion that according to the results of the first five-year plans, the region could not fully exploit the existing potential of natural and mineral resources.

Key words: the Udmurt (Votyak) Autonomous region, the first five-year plans, local raw material base, timber, potatoes, flax.

Наличие ресурсной базы зачастую является определяющим фактором для становления отраслей производства как государства в целом, так и отдельных его регионов. Присутствие плодородных земель определяет обоснованность реализации планов по развитию сельского хозяйства. Полезные ископаемые обуславливают развитие отраслей промышленности. Водные артерии благоприятно влияют на активизацию транспортных связей, торговли. Как следствие, без учёта сырьевого потенциала невозможно формировать успешные планы по развитию экономики отдельной территории.

В рамках разработки и реализации первых советских пятилетних планов руководство Вотской автономной области (ВАО), а впоследствии и Удмуртской автономной области (УАО) уделяло существенное внимание анализу сырьевого потенциала региона. Региональная историография данный вопрос затрагивает довольно поверхностно, рассматривая лишь топливные ресурсы региона: лес и торф. В исследованиях советского периода, таких как «Моя республика» [2], работе «Удмуртская АССР: экономико-географический очерк» С. И. Широкова [5], а также «Рабочий класс Удмуртии» А. И. Суханова [4], вопросы по изучению сырьевой базы Удмуртии в условиях реализации первых пятилеток не ставились. Но вместе с тем довольно подробно освещалось строительство новых предприятий металлургического комплекса, текстильной и пищевой отраслей.

В современном многотомном коллективном труде «История Удмуртии», в разделе, посвящённом XX в., авторы уделили внимание характеристике ресурсов. В частности отмечалось, что

руководство региона в рамках первых пятилеток планировало капитальные вложения в подготовку сырьевой базы для целого ряда отраслей промышленности, планировалось освоение лесных, торфяных, сельскохозяйственных и минеральных ресурсов [1, с. 161–162]. Но в исследовании не упоминаются мероприятия, планировавшиеся к реализации. В целом нам приходится также признать, что региональная историография за последние пятнадцать лет практически не уделяла внимание вопросам экономического и промышленного развития Удмуртии. В результате нет возможности опереться на современные исследования по данной теме, что, в свою очередь, побуждает обращаться к архивным документам, позволяющим восполнять данные пробелы в региональной истории.

Архивные документы дают возможность расширить представление о сырьевых богатствах Удмуртии в годы первых пятилеток. Составленные «Пятилетний перспективный план развития промышленности В.А.О. на 1928–1932 гг.»¹ и «Пятилетний план развития промышленности Удмуртской автономной области на 1933–1937 гг.»² дают описание сырьевых возможностей региона, а также определяют мероприятия по их дальнейшему освоению. Объединив имеющиеся исторические материалы, а также архивные данные, можно дать более подробное описание сырьевой базы, которая легла в основу составления и реализации первых пятилетних планов в Удмуртии в 1928–1937 гг.

¹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 724. Оп. 1. Д. 174.

² Там же. Д. 499.

Стоит отметить ряд проблем, решение которых, в том числе, определялось в пятилетних планах – это необходимость повышения реализуемости имеющихся ресурсов, а также сокращение вывоза сырого сырья частью на заграничный рынок, частью на внутренние заводы и фабрики более промышленных районов. В статье мы делаем акцент на лесных ресурсах, явившихся одним из важнейших факторов развития региона, а также на основные виды сырья, поступавшие от сельского хозяйства (картофель и лён), обеспечивавшие базу для пищевой и текстильной промышленности.

Основной сырьевой базой промышленности ВАО являлся лес, как поставщик сырья для лесоперерабатывающей и лесохимической, и поставщик топлива для всех областных предприятий металлургического комплекса. На долю лесных угодий приходилось свыше 12 тыс. км², что составляло 43% от всей территории региона¹. Как следствие, по площади лес занимал первое место, отсюда понятно огромное значение лесных богатств для области и стремление последней к рациональному и возможно полному его использованию в качестве сырья либо топлива.

Главные лесные массивы Вотской автономной области находились в районах двух сплавных рек: реки Чепцы, протекающей в северной части области, и реки Кильмези, протекающей в юго-западной части. Третий крупный лесной массив – Лозино-Чутырское лесничество и части других лесничеств, примыкающие к нему с востока и запада, не имели сколько-либо разветвлённой системы сплавных рек, что осложняло его разработку. Развитие

¹ ЦГА УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 174. Л. 2 (об).

данного массива могло быть успешно начато при условии строительства железной дороги между городами Ижевск и Глазов.

Лесопользование имело несколько направлений: заготовка строевой древесины, выработка пиловочника и т. д. Вместе с тем в первом пятилетнем плане ставилась задача строительства предприятий химической отрасли, что делало возможным использование вершины и тонкой ели для баланса, лиственных насаждений для спирто-порошкового производства, еловой коры для выработки дубителей, осмола для выработки канифоли и скипидара. Налаживание собственного химического производства определялось тем, что канифоль и дубительные кислоты для обработки кожи поставлялись из стран Южной Америки.

Значимость леса как ресурса существенно возросла в период второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.). Активная модернизация и строительство новых заводов, а также увеличение жилищного фонда, потребовали большого количества древесины в качестве строительных материалов и топлива. При этом топливный вопрос был наиболее актуальным. Так, в частности, в Плане отмечалось, что громадные лесные массивы, состоящие в большинстве из еловых насаждений, пока не использовались. Речь шла о хвойном отпаде, который обладал высокой калорийностью и дешёвизной. Учёт и использование данного ресурса позволял существенно снизить дефицит топлива для промышленного комплекса.

Несмотря на имеющиеся транспортные пути (железные дороги и сплавные реки), перемещение леса было связано с рядом сложностей.

Внутриобластное расположение лесных массивов, как уже упоминалось ранее, концентрировалось в трёх лесных базах: Ижевско-Можгинская; Глазовская; Кильмезская. Все эти районы оказались оторваны друг от друга из-за отсутствия внутриобластной связи, а наиболее лесистая западно-центральная часть, охватываемая Кильмезским водным бассейном, совершенно не имела связи с промышленными центрами области вследствие того, что река Кильмезь по своему направлению выводила весь сплав за пределы региона. Решение этой проблемы определялось развитием сухопутного движения. Планировалось заменить твёрдыми покрытиями существовавшие грунтовые, естественные и профилированные участки, сделать уширение полотна и проезжей части, улучшить водоотвод¹.

Необходимо отметить и ряд иных обстоятельств, определявших трудности в освоении лесных массивов. В составленном Пятилетнем плане развития промышленности Удмуртской автономной области на 1933–1937 гг. руководство региона отмечало местные обстоятельства. 1) Крупнейшим потребителем древесины как технологического топлива являлись Ижевские заводы; 2) растущий индустриальный центр области г. Ижевск предъявлял громадный спрос на лес в качестве стройматериала; 3) предприятия по обработке дерева сосредоточены, за исключением Глазовского двухрамного завода, в одном Ижевско-Можгинском районе². Как результат, основной потребитель леса находился на юге области, а сырьё – на севере. При этом

транспортная система должным образом не была налажена.

Актуальность лесозаготовок подтверждалась и тем фактом, что, согласно отчётам по Ижевскому и Глазовскому леспромхозам за 1935 г., лесозаготовительная кампания была сорвана. Причинами неудовлетворительной работы были постоянная текучесть кадров, недостаток транспортных путей, слабая организация обработки и переработки леса³.

В итоге использование лесного массива как важнейшего сырьевого ресурса испытывало в период второго пятилетнего плана много проблем: сложности в вырубке, транспортировке готового леса, дальнейшей его переработке в стройматериалы. Обостряло ситуацию с лесом и то обстоятельство, что большая часть лесных угодий Удмуртской области были изолированы от индустриального центра. Это приводило к тому, что наряду со слабым освоением лесов на севере и западе, одновременно шло интенсивное истощение лесов Ижевско-Можгинского района, при этом в направлении наименее ценного использования древесины – в виде главным образом топлива⁴. При неиспользуемых запасах древесины в недоступных из-за транспортных условий районах области, одновременно имелся древесный голод в Ижевском промышленном районе. Поэтому первостепенным решением топливной проблемы Ижевска и проблемы обеспечения города стройматериалами являлось немедленное приобретение к нему малоосвоенных лесных массивов автономии.

¹ ЦГА УР. Ф. 711. Оп. 2. Д. 115. Л. 12–13.

² ЦГА УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 499. Л. 7.

³ Там же. Ф. 475. Оп. 1. Д. 33. Л. 85–88.; Ф. 607. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–7.

⁴ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 499. Л. 8.

Немаловажное значение в сырьевой структуре региона имела продукция сельского хозяйства. Лидирующие позиции занимал лён, на долю которого приходилось 37 300 га посевных площадей (5,1%)¹. Выращивание льна было сконцентрировано в Глазовском районе, охватывало небольшую по своим размерам территорию, что облегчало сбор волокна. Качество вотского льна-долгунца обуславливало не только усиленную заготовку льнокудели, но и не менее интенсивную заготовку льносемени в виде посевного материала для других районов республики. При анализе сырьевых возможностей льна отмечалось, что его использование возможно не только в качестве волокна для производства пряжи и ткани. Часть льносемени долгунцового льна, непригодного в качестве посевного материала, и льносемя льна-кудряша служили сырьём для существовавшего маслозавода.

Во второй пятилетке льняной промышленности уделено особое внимание. Регион ставил перед собой задачу иметь к 1937 г. собственную льнотекстильную промышленность, полностью опирающуюся на местное сырьё. Однако осуществление строительства фабрики задержалось из-за ошибок в планировании текстильной промышленности в центральных хозяйственных организациях, выразившихся «...в полном зажиме льнопромышленности при откровенно форсированном поощрении хлопчатобумажной и шерстяной отраслей»². Руководство региона отмечало, что за период с 1918 г. по 1930 г. при громадных вложени-

ях в хлопок и шерсть, оборудование льняной промышленности увеличилось только на 1%, несмотря на то, что лён и пенька являлись основными волокнами СССР.

В рамках первой пятилетки было запроектировано строительство Глазовского льнокомбината, но решение не было реализовано и перенесено на первый год второй пятилетки. При этом решение XVII конференции ВКП(б) (1934 г.) потребовало утروения норм душевого потребления основных потребительских товаров, что сделало ещё более актуальным развитие льняной промышленности в Удмуртской области. Регион ставил перед собой задачу повышения площади посевов льна с 5% до 15%, а в наиболее льноводном северном районе – до 30%. В соответствии с этой задачей посевная площадь должна была увеличиться до 200 тыс. га. К концу второй пятилетки количество собираемого льноволокна достигало 95–96 тыс. тонн, что с избытком обеспечило потребности промышленности, оставляя большое количество льна свободным для вывоза [3, с. 445–460].

Кроме льнокудели и льносемени, сельское хозяйство области обеспечивало пищевую промышленность, в частности, поставками картофеля на Голюшурминский винокурный завод и ячменя для мельницы маслозавода, оборудованной для выработки перловой крупы. Спрос на высококрахмальный картофель со стороны винозавода стимулировал его широкое распространение среди крестьянских хозяйств близлежащих к заводу сёл и деревень.

Таким образом, природные ресурсы к началу реализации пятилетних

¹ ЦГА УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 174. Л. 3(об).

² Там же. Ф. 711. Оп. 2. Д. 84. Л. 2–7.; Ф. 724. Оп. 1. Д. 499. Л. 10.

планов были разведаны и имели большое значение для региона. Именно учёт их наличия определил разработку мероприятий по реконструкции уже имеющихся, а также строительство новых предприятий.

Наименее разведанными являлись минеральные ресурсы. К 1920-м гг. их использование фактически осуществлялось только в стекольной промышленности. Предполагалось, что планомерные разведки позволят обнаружить некоторые виды пригодных для заводского использования материалов. Но ввиду отсутствия геолого-разведывательных работ первые пятилетние планы учитывали лишь наличие песка, активно используемого стекольными заводами.

Запроектированные разведывательные работы по поиску минеральных ресурсов должны были расширить сырьевую базу, и здесь руководство региона выделяло ключевое обстоятельство. Если местонахождение залежей песка будет удобно в отношении железнодорожного транспорта, то наличие древесного топлива обеспечивало постройку нового стекольного завода. Крайне удобное сочетание запасов сырья и топлива давало возможности для дальнейшего развития стекольной промышленности, имевшей большое значение для экономики региона.

Вторая пятилетка отводила приоритетную роль ископаемым. Но при этом отмечалось множество сложностей с освоением не только минеральных ресурсов, но и ископаемых материалов. Завершающий год первой пятилетки, намеченный как период для проведения геологических изысканий и проверки имеющихся сведений о железе, меди, марганце, оказался не

реализованным¹. Запланированные на 1931 г. работы, которые должны были выявить конкретное наличие ресурсов для использования в проектировках промышленности, фактически частью оказались не начаты, частью завершались только полевым исследованием. В результате малая изученность вопроса о недрах Удмуртской автономии не позволяла в полной мере ставить вопрос о промышленной эксплуатации её рудных залежей.

Несмотря на неисследованность полезных ископаемых для создания добывающей и обрабатывающей промышленности, наличие бурого угля и сланцев было уже подтверждено. При этом вопрос о них стоял особо, т.к. различные материалы позволяли ставить уже в начале второй пятилетки задачу о широком промышленном их использовании. Голышуринские горючие сланцы, известные с 1930 г., разрабатывались уже ранее Бондюжскими химическими заводами в качестве энергетического топлива². Однако зольность и дальняя гужевая подвозка сделали это топливо для Бондюжских заводов экономически невыгодным, что привело к замораживанию разработок.

Актуальность приобретал и вопрос об освоении залежей известняка Можгинского и Якшур-Бодьинского районов, способных стать основой для открытия предприятия по выработке стройматериалов. Геолого-разведывательные работы обнаруженных материалов показали их пригодность для цементного производства.

Таким образом, первые пятилетние планы были привязаны к сырьевой базе Вотской (впоследствии Удмурт-

¹ ЦГА УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 499. Л. 16.

² Там же. Л. 17.

ской) области. Проектируемая промышленность была полностью основана на местном сырье, что позволяло существенно экономить на топливном обеспечении, доставке всех необходимых материалов для развития инфраструктуры, прежде всего, строительства промышленных предприятий и жилья. Выявившиеся трудности в освоении природных ресурсов определялись нехваткой средств на проведение геологоразведывательных работ, дефицитом кадров для их освоения. Но в целом пятилетние планы смогли

в большей степени переориентировать экспортную эксплуатацию региональных ресурсов на внутреннее потребление. Налаженное производство мотоциклов, станкостроение в полной мере применяли местный металл, энергетические ресурсы (дровяное топливо). Стекольные фабрики активно использовали месторождения песка и учитывали близость Урала с химическими заводами, также поставлявшими весь необходимый полуфабрикат.

Статья поступила в редакцию 25.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2015. 544 с.
2. Моя республика / под ред. А. З. Богатырева, Д. И. Черашняя. Ижевск: Удмуртия, 1967. 187 с.
3. Общество и власть. Российская провинция: в 2 т. Т. 1. Удмуртия в 1921 – середине 1930-х годов: сборник документов / сост. А. А. Кулаков, Л. П. Колодникова, О. Н. Леконцев, С. Л. Логинов, И. В. Рубанова. Москва, Ижевск, Глазов: Аверс, 2015. 528 с.
4. Суханов А. И. Рабочий класс Удмуртии (1917–1970). Ижевск: Удмуртия, 1979. 180 с.
5. Ширококов С. И. Удмуртская АССР: экономико-географический очерк. Ижевск: Удмуртия, 1969. 326 с.

REFERENCES

1. Kulikov K. I., ed. *Istoriya Udmurtii: XX vek* [The history of the Udmurt Republic: the XX century]. Izhevsk, UIIYAL UrO RAN Publ., 2015. 544 p.
2. Bogatyrev A. Z., Chereshnya D. I., eds. *Moya respublika* [My Republic]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1967. 187 p.
3. Kulakov A. A., Kolodnikov L. P., Lekontsev O. N., Loginov S. L., Rubanov I. V. comp. *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya: v 2 t. T. 1. Udmurtiya v 1921 – sredine 1930-kh gg.* [The society and government. Russian province: in 2 vol. Vol. 1. Udmurtiya in 1921 – the mid 1930th years: a collection of documents]. Moscow, Izhevsk, Glazov, Avers Publ., 2015. 528 p.
4. Sukhanov A.I. *Rabochii klass Udmurtii (1917–1970)* [The working class of the Udmurt Republic (1917–1970)]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1979. 180 p.
5. Shirobokov S.I. *Udmurtskaya ASSR: ekonomiko-geograficheskii ocherk* [The Udmurt ASSR: economic-geographical background]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1969. 326 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Королев Максим Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко;
e-mail: maximilian49@rambler.ru

Рубанова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко;
e-mail: ivladu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maxim A. Korolev – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of History and Social sciences, Glazov State Pedagogical Institute, n. a. V. G. Korolenko;
e-mail: maximilian49@rambler.ru

Irina V. Rubanova – PhD in Historical sciences, associate professor of the Department of History and Social sciences, Glazov State Pedagogical Institute, n. a. V. G. Korolenko;
e-mail: ivladu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Королев М.А., Рубанова И.В. Развитие сырьевой базы в годы первых пятилеток (на материалах Удмуртии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 99–106.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-99-106

FOR CITATION

Korolev M.A., Rubanova I.V. The development of raw materials base during the first five-year plans (based on materials of the Udmurt republic). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 99–106.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-99-106

УДК 94 (470-25 УДК 93/94 Г-83

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-107-111

ЗАГОРОДНАЯ ДАЧА КАК ЗЕРКАЛО СОВЕТСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Горлов В. Н.

*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. Автор рассматривает дачное движение в Советском Союзе как стремление компенсировать недостатки типовых городских квартир, как потребность преобразования своего жилья. В статье это стремление предстает как социокультурная проблема, приобретение советскими гражданами загородных дач рассматривается в аспекте объектов, предусматривающих преобразовательную активность граждан. Автор освещает проблему советских дач в неразрывной связи с социальными процессами жизни, анализирует функцию социализации дачных поселков.

Ключевые слова: дачный поселок, садоводческое товарищество, советская урбанизация (50-е – 60-е гг. XX в.), социокультурная проблема.

COUNTRY COTTAGE AS A MIRROR OF THE SOVIET WAY OF LIFE

V. Gorlov

*Moscow State University of Management
2 Sadovniki ul., Moscow 115487, Russian Federation*

Abstract. The author analyzes the country movement in the Soviet Union as an attempt to compensate for the shortcomings of standard urban apartments, as the need for converting their homes. The article presents this urge as a socio-cultural problem. The purchase by Soviet citizens of country houses is studied through the objects which provide the transformative activity of citizens. The author shows the problems of the Soviet dachas in close connection with the social processes in life. The function of socialization of the holiday villages is also analyzed.

Key words: holiday village, gardening cooperative, Soviet urbanization (50s-60s of XX century), socio-cultural problem.

Даже революция 1917 г. не смогла устранить привычку отправляться в теплый период на загородные дачи. Помимо партийных функционеров в начале 1930-х гг. дачным хозяйством стали обзаводиться представители творческой интеллигенции, научные работники, военные начальники, крупные административные работники. Тогда же стали складываться известные стародачные поселки. Особенно увеличился поток советских граждан на загородный дачный отдых после Великой Отечественной войны.

Широкое развитие садоводство рабочих и служащих в Московской области получило после постановления Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г.

№ 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», в котором впервые официально появились знаменитые шесть соток (размер обычного советского дачного участка). Самым простым советским гражданам стали выделяться небольшие земельные наделы. Для садоводческих участков в Московской области было отведено 8300 га за счет колхозных и совхозных земель, подсобных хозяйств, из земель гослесфонда и госземфонда. Все отведенные под садоводство земли были разделены на 82615 участков, в том числе в Московской области – 75052 участка; в лесопарковом поясе – 6012 участков; в пределах МКАД – 1551 участка. Следует отметить, что состав садоводов характеризовался следующими примерными данными: рабочих – 36%, служащих – 58%, пенсионеров – 6%¹. По этому постановлению местные органы власти могли предоставлять (в первую очередь рабочим и служащим) дачные участки, общая площадь которых не должна была превышать 1200 кв.м. за пределами городов и 600 кв.м. – в самом городе². То, что участки предоставлялись в городе, ничего особенного и странного собой не представляло, так как советские города (даже самые крупные) не застраивались так плотно, как сейчас, и обычно включали в свою площадь земли сельскохозяйственного назначения (даже в Москве до сих пор сохранились в пределах МКАД бывшие дачные участки).

Особенно большой размах, широкое распространение дачное движение

стало приобретать в эпоху хрущевской «оттепели», дачные участки тесным кольцом охватили почти все крупные города СССР. Дачный отдых в образе жизни советского горожанина стал занимать особое место. Загородные дачи позволили советским горожанам вырваться в воскресный день из переполненных коммуналок и тесных пятиэтажек. Это был не только загородный отдых. Дача для советских людей была возможностью обеспечить семью дополнительными продуктами, что в то время было существенным дополнением к семейным доходам. Особенно это было важно, когда в 1962 г. в городах появились очереди за мукой (увлечение Хрущёва кукурузой привело к продовольственным проблемам даже в Москве).

В 1960-е гг. действовали строгие ограничения в отношении размеров дачного участка. Дачный участок рядового советского гражданина поначалу не превышал шесть соток. Более того, он должен был обязательно возделываться. Уровень обустройства летнего домика строго ограничивался, для чего существовали специальные комиссии. А на огородах вообще запрещались любые жилые постройки. В этот период власти разрешали возводить только одноэтажные летние щитовые домики, площадь которых должна была не превышать 16 кв.м. В период правления Л. И. Брежнева размер площади домика увеличился до 25 кв.м. Естественно, данные нормативы касались рядовых советских граждан. Дачные места отдыха партийной элиты, генералитета нормативами не ограничивались, поэтому размеры их участков достигали порой гектаров, а их особняки строились без ограничений. Например, по постанов-

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 4. Оп. 110. Д. 15. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

лению Совнаркома СССР № 1466 от 21 июля 1945 г. дачные участки предоставлялись генералам до 1,25 га и старшим офицерам – до 0,75 га¹. Элита страны получала самые лакомые кусочки Московской области. Например, на Николиной горе участки получал командный состав Министерства обороны, на реке Пахре – сотрудники МГБ, в Чкаловском и Быкове – летчики. В Переделкине участки получали писатели, под Звенигородом – работники науки.

Всеобщее равенство граждан Советского Союза проявлялось в том, что советские дачи ни советской элите, ни самым простым гражданам не предоставлялись в собственность. Более того, если свои маленькие шесть соток простой рядовой советский труженик мог передать в пользование по наследству, то представители партийной советской верхушки освобождали свои огромные правительственные дачи после того, как переставали занимать ту или иную ответственную должность. Даже глава самой крупной в мире страны Н. С. Хрущев, после того как был отправлен в отставку, освободил все свои государственные резиденции и получил в пользование дачный участок в Петрово-Дальнем размером 15 соток. Особенность советской жизни была в том, что право собственности в СССР не существовало, поэтому Устав садоводческого товарищества, утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 15 октября 1956 г. № 678, предусматривал закрепление индивидуальных участков за садоводами в бессрочное пользование².

Для советских горожан хоть гнилой домик, собранный из подручных мате-

риалов, в котором постоянно латали дыры, был своим домиком и своим был участок, на котором можно ставить теплицы, сажать овощи и фруктовые деревья, и вообще заниматься делом, что приносило большинству горожан громадное удовольствие. В результате возникло противоречие между потребностью преобразования своего жилья и функциональной ограниченностью своей городской квартиры. Это противоречие можно было разрешить путем приобретения дачи как объекта, который обязательно предусматривал преобразовательскую деятельность и активность советского гражданина. Дачный участок обеспечивал восполнение сил горожанина, благодаря тесному общению с природой, когда к нему возвращается утраченное в городе ощущение органического единства с землёй.

Можно смело утверждать, что большинство москвичей мечтало о строительстве своей дачи, так как она позволяла компенсировать недостатки городской квартиры. Таким образом, в советский период существовала тенденция «бегства» из типовой квартиры путем строительства загородной дачи. Поэтому ничего удивительного в том, что загородная дача с садово-огородным участком занимало одно из первых мест в списке ценностей, владение которым имело наибольшее значение. Следует отметить, что загородное жилье не было специфической особенностью советской страны. Но бесспорно, что такого распространения оно не получило нигде в мире.

Советское дачное движение второй половины двадцатого века подтверждало тот факт, что советский народ не принял индустриальный город как

¹ ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 119. Д. 15. Л. 19.

² ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 110. Д. 15. Л. 8.

идеал правильного советского города. Дачное движение было народным обустройством, неудержимо направленным на усадебное семейное обживание и расселение. Этому дачному движению долго и постоянно ставили препоны и барьеры. Власть не хотела, чтобы оно поглотило целиком интересы советских людей, строящих коммунизм. Поэтому дачное строительство постоянно тормозилось многочисленными постановлениями, которые принимались без всякого учета и изучения реальных урбанизированных закономерностей.

Дачевладельцы в период правления Н. С. Хрущева часто попадали в немилость. Им предлагали резко сократить дачные участки и открыто называли «новыми кулаками». Комиссия Моссовета на специальном совещании 11 июля 1960 г. отмечала, что в садоводстве получили сильное развитие частнособственнические тенденции и стремление к извлечению нетрудовых доходов. Это выражалось в сдаче в аренду дачных помещений и эксплуатации земельных участков, а также в продаже садоводами на рынке по спекулятивным ценам фруктов, ягод и цветов, что способствует развитию частнособственнической психологии. Комиссия пришла к выводу, что в результате отсутствия должного контроля садоводство получило неправильное развитие и не способствует коммунистическому воспитанию советских людей¹.

Несмотря на это, дачные занятия горожан, начиная с правления Н. С. Хрущева, значительно расширились. В начале 1960-х гг. все больше обыкновенных москвичей стали получать от предприятий по шесть соток для ого-

рода и сада. Усилилось стремление горожан, бывших крестьян, «осесть» на земле, тяготение к природе. Начался бум дачного строительства, все больше вокруг городов росла зона сельскохозяйственной деятельности горожан. По всему Подмосковию строились строго ограниченные по размерам архитекторов сборно-щитовые домики. Более того, начиная с 1960-х гг., распространением явлением становится аренда дач на лето.

В Советском Союзе в брежневский период дачи завоевали огромную популярность. Многие горожане готовы были всё отдать ради того, чтобы поселиться в небольшом доме, построенном по своему вкусу, на небольшом участке, где будет тишина, вода, лужайка. Это стремление было способом снятия напряжений, накапливающихся в процессе быта и труда, способом эмоциональной разрядки. Москвичи стремились убежать от гипокинезии (пониженной двигательной активности), стремились к общению с природой, чтобы избежать негативных влияний урбанизации. Чтобы решить эти проблемы, советский горожанин строил за городом дачу, высаживал огород. Следует отметить, что граждане строили на участках дома, тем самым стимулируя строительную индустрию, мебельную промышленность, что должно было двигать экономику. Во многом причиной перехода страны в 1967 г. на двухдневный отдых в конце недели явилось дачное движение советских граждан. Необходимость длительной загородной поездки и ночевки за городом заставили власть несколько смягчить ограничения.

Таким образом, со второй половины XX в. в Советском Союзе сложился

¹ ЦГА Москвы. Ф. 4. Оп. 119. Д. 15. Л. 11.

специфический тип советской урбанизации, который совмещал использование городской квартиры в многоэтажной, плотной городской застройке и загородной дачи, в строительство которых были вложены гигантские усилия советского народа. Сформировалась определенная психология. Возник целый социальный феномен советской дачи, отмеченный во всех иностранных

справочниках. Загородная дача выступала одним из факторов, который компенсировал исторически сформировавшиеся потребности, которые хоть и потеряли для советских горожан свою жизненную необходимость, но сохранились в своей этнокультурной психоэмоциональной форме.

Статья поступила в редакцию 23.04.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of Historical sciences, professor at the Department of Humanities and Natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 107–111.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-107-111

FOR CITATION

Gorlov V. N. Country cottage as a mirror of the Soviet way of life. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 107–111.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-107-111

УДК 94 (470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-112-119

ЦЕРКОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПОРУШЕННЫХ СВЯТЫНЬ

Тулянов В. А.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследованы некоторые аспекты социальной роли Русской Православной Церкви в современной истории России, а именно финансовые аспекты деятельности Благотворительного фонда Московской епархии по восстановлению порушенных святынь, выявление основных источников поступления средств на цели церковной благотворительности и каналов их расходования. Решались исследовательские задачи по анализу финансовой деятельности Фонда (2015–2017 гг.) с точки зрения развития церковно-государственных отношений в России и определения роли государства в церковной благотворительности современной РПЦ. Основу методологии исследования составил анализ статистической информации отчетной документации Фонда. Сделан вывод о повышении доли государственного финансирования Фонда и его эволюции из церковного в церковно-государственный как проявлении общей тенденции активизации сотрудничества государства и церкви в решении социальных проблем России в 2000-е годы.

Ключевые слова: церковная благотворительность, Русская Православная Церковь, благотворительный фонд, источники финансирования, порушенные святыни.

THE CHURCH CHARITY IN MODERN HISTORY OF RUSSIA: SOME ASPECTS OF FUNDING THE MOSCOW DIOCESE CHARITABLE FOUNDATION FOR RESTORING THE RUINED SHRINES

V. Tulyanov

*Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article investigates some aspects of the Russian Orthodox Church's social role in the modern history of Russia. The purpose of the article is to study the financial aspects of the Charity Fund of the Moscow diocese for the restoration of the destroyed shrines, to identify the main sources of funds for the church charity and the channels of their expenditure. The article deals with the following research tasks: to identify the main sources of funding of the Fund, as well as their dynamics within the period of 2015-2017; to identify the main channels of expenditure of the Fund and their dynamics within the period of 2015-2017; to analyze the financial

aspects of the Fund in terms of the development of the church-state relations in Russia and to identify the role of the state in the church charity of the modern ROC. It is concluded that the share of state funding of the Fund and its evolution from the church to the church-state status is increasing. It is due to the fact that it is a manifestation of the general trend of cooperation activation between the state and the church in solving social problems in Russia in the 2000s.

Key words: church charity, Russian Orthodox Church, charity fund, sources of funding, ruined sacred places.

Несмотря на распространенное в общественном сознании отождествление категорий «религия» и «церковь», отправление религиозного культа, т.е. своеобразная мистическая функция, является лишь одной из многих функций, выполняемых Русской Православной Церковью (далее – РПЦ) в обществе. С начала 1990-х гг., когда церковь получила большую свободу и существенные возможности для самостоятельной деятельности, ею начал осуществляться целый ряд функций, большинство из которых тем или иным образом связаны с решением актуальных социальных проблем современного российского общества. С началом третьего тысячелетия эти проблемы никуда не исчезли, а перешагнули вместе со всем российским обществом в XXI век. Соответственно, попытки их решения, в том числе и средствами РПЦ, носят исключительно значимый характер и по сей день, а изучение этих попыток, в свою очередь, является **актуальным** для современной науки. Необходимость освещения столь значимого для исторической науки вопроса усиливается отсутствием специальной монографической литературы по теме статьи.

В ряду социальных функций, осуществляемых РПЦ, особо выделяется благотворительная функция, которая, в основном, осуществляется церковными благотворительными фондами,

имеющими статус юридических лиц. В данной статье проблематика социальной роли РПЦ в современной России рассмотрена на примере Благотворительного фонда Московской епархии по восстановлению порушенных святынь (далее – Фонд), существующего с 1 декабря 2014 г. **Целью** статьи является изучение финансовых аспектов деятельности Фонда, выявление основных источников поступления средств на цели церковной благотворительности и каналов их расходования. Для достижения поставленной цели в ходе работы над статьей были поставлены следующие исследовательские **задачи**: выявить основные источники финансирования Фонда, а также их динамику в период 2015–2017 гг.; выявить также основные каналы расходования средств Фонда и их динамику в период 2015–2017 гг.; проанализировать финансовые аспекты деятельности Фонда с точки зрения развития церковно-государственных отношений в России и определить роль государства в церковной благотворительности современной РПЦ. Основным источником статьи стала ежегодная финансовая отчетность Фонда (за 2015–2017 гг.), представляющая собой смету доходов и расходов Фонда.

Как уже было упомянуто выше, Фонд был создан 1 декабря 2014 г. по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Единственным учредителем Фонда

выступила Московская епархия РПЦ. В тот же день был принят устав Фонда, назначен директор и избран высший коллегиальный орган – Управляющий совет. Устав Фонда¹ регламентирует деятельность и устанавливает обязанности Управляющего совета (ст. 4.2), Попечительского совета (ст. 4.3), председателями которого являются митрополит Ювеналий и губернатор Московской области А. Ю. Воробьев, и директора Фонда (ст. 4.4). Кроме того, в уставе обозначены цели и предмет деятельности Фонда (ст. 2.1).

Полноценно вести свою деятельность Фонд начал уже со следующего 2015 г. Во многом этот год был направлен на выработку практических основ деятельности Фонда. Так, было проведено 9 заседаний Управляющего совета (первое еще в 2014 г. – 25 декабря) и 2 – Попечительского совета. Помимо сугубо административной работы была проведена значительная кампания по ознакомлению широкой общественности с работой Фонда для привлечения пожертвований. В начале февраля 2015 г. была издана книга «Восстановим порушенные святыни» [2], которая содержала информацию о 253 порушенных святынях, расположенных на территории Московской епархии. Эти святыни являлись потенциальными объектами деятельности Фонда. Была подготовлена «рекламная акция» и на телевидении: достигнуто соглашение с телеканалом “360° Подмосковье” о показе роликов о восстановлении храмов и о порушенных святынях. Вместе с Главным управлением по информа-

ционной политике Московской области были разработаны магистральные щиты, содержащие информацию о Фонде и о возможности делать пожертвования, которые в течение трех месяцев размещались на рекламных конструкциях дорог Подмосковья. Кроме того, был организован сбор пожертвований по СМС, через Яндекс-кошелек, а также кружечный сбор в приходах, торговых предприятиях и некоторых заправок станциях Московской области, а также разработан и размещен сайт Фонда².

Во многом благодаря этим действиям за год была собрана сумма в 156 886 000 руб. Источники финансирования при этом в отчетной документации разделены на три группы. К первой группе отнесен взнос учредителя (Московская епархия РПЦ) – 30 000 руб. Ко второй – благотворительные пожертвования, включающие в себя: а) пожертвования от учредителя (Московская епархия РПЦ) – 55 574 000 руб.; б) пожертвования от религиозных организаций Московской епархии – 17 801 000 руб.; в) целевой кружечный сбор – 27 438 000 руб.; г) добровольные пожертвования физических лиц (в том числе: по СМС, от сотрудников Минфина, через Яндекс-кошелек) – 42 909 000 руб.; д) добровольные пожертвования юридических лиц – 12 745 000 руб. И, наконец, к третьей – доходы от внереализационных операций (размещение временно свободных денежных средств на депозит за вычетом налога на прибыль) – 1 391 000 руб. Итак, в процентном соотношении источники финансирования распределены следующим образом: Московская епархия (в том числе

¹ См.: Решение об учреждении Фонда и его Устав на сайте «Благотворительный фонд Московской епархии по восстановлению порушенных святынь» (www.sohranihram.ru).

² Отчет о деятельности за 2015 г. на указанном выше сайте Фонда.

пожертвования от организаций Московской епархии) – 47%, физические лица (в том числе кружечный сбор) – 45%, юридические лица – 8%. Таким образом, основным источником финансирования Фонда в 2015 г. являлся его учредитель – Московская епархия. Немного от него отстают пожертвования со стороны физических лиц.

Вырученные средства были распределены по пяти каналам расходования: 1) уставные расходы (проектирование, строительство, воссоздание, восстановление, реставрация, сохранение, благоустройство и должное содержание объектов, а также благоустройство и дальнейшее развитие территорий, на которой находятся объекты); 2) проведение кампаний по привлечению благотворителей и добровольцев (информационное размещение на баннерах); 3) услуги банка по ведению счета; 4) аванс по налогу на прибыль; 5) административные расходы (содержание персонала). Всего расходов: 135 372 000 руб. В процентах уставные расходы составили 99% от всех расходов Фонда, и лишь 1% – все остальные (административные, оплата услуг банка, реклама и т.д.).

В 2016 г. было проведено всего 2 заседания Управляющего совета. Это было обусловлено отсутствием необходимости в разработке и принятии административной документации, в основном принятой в предыдущем году. Однако была продолжена серьезная работа по ознакомлению широкой общественности с деятельностью Фонда. В частности, было продолжено сотрудничество с телеканалом “360° Подмосковье”, а также создана рабочая группа по связям с общественностью.

За второй год существования Фонда удалось собрать 142 394 000 руб. В

отчетной документации Фонда¹ их источниками названы четыре группы. К первой отнесен остаток денежных средств предыдущего года – 22 514 000 руб. Ко второй – благотворительные пожертвования, включающие в себя: а) пожертвования от Московской епархии РПЦ – 42 830 000 руб.; б) пожертвования от религиозных организаций Московской епархии РПЦ – 4 460 000 руб.; в) пожертвования, поступившие от религиозных организаций Московской епархии Русской Православной Церкви (собранные для Фонда через целевой кружечный сбор религиозных организаций Московской епархии «На восстановление порушенных святынь») – 38 777 000 руб.; г) пожертвования от физических лиц – 16 395 000 руб.; д) пожертвования от юридических лиц – 16 833 000 руб. (Всего пожертвований – 119 749 000 руб.) К третьей – пожертвования, поступившие в Фонд на целевые программы Фонда (0 руб.). И, наконец, к четвертой – доходы от внебюджетных операций (размещение временно свободных денежных средств на депозит за вычетом налога на прибыль) – 131 000 руб. В процентном соотношении деление источников финансирования на группы – учредитель (Московская епархия), физические и юридические лица – выглядит следующим образом: Московская епархия (в том числе пожертвования от организаций Московской епархии) – 39,5%, физические лица (в том числе, кружечный сбор) – 46%, юридические лица – 14%. (При данном расчете за 100% взята сумма без учета остатка денежных средств за предыду-

¹ Годовой отчет и годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность, 2016 г. (размещены на сайте Фонда).

щий год, т.е. 119 880 000 руб., собранные в 2016 г.).

Из представленного материала видно, что роль учредителя как одного из источников финансирования Фонда постепенно снижается. Это прослеживается и в процентах (47% – 39,5%), и в денежных суммах (73 405 000 руб. – 47 290 000 руб.). Видимо, это связано с надеждой на самокупаемость Фонда (путем привлечения средств от физических и юридических лиц, а не структур РПЦ). Однако пожертвования от физических лиц (в том числе кружечный сбор) уменьшились в сравнении с 2015 г.: в 2015 г. – 70 347 000 руб., в 2016 г. – 55 172 000 руб. Причем характерно, что кружечный сбор несколько вырос – с 27 438 000 до 38 777 000 руб. Понятно, что основными жертвователями кружечного сбора являются прихожане храмов. Таким образом, снизилось число пожертвований от жертвователей, не являющихся постоянными прихожанами храмов РПЦ, а значит, деятельность сайта, работа с телевидением и т.д. оправдали себя лишь частично. Хотя, несомненно, стоит учитывать и тот факт, что в нашей стране лишь 20% населения вообще вовлечено в благотворительную деятельность [3, с. 108].

Вырученные средства были распределены в соответствии с пятью каналами расходования: 1) уставные расходы (на проектирование, строительство, воссоздание, восстановление, реставрацию, сохранение, благоустройство и должное содержание объектов, а также на благоустройство и дальнейшее развитие территорий, на который находятся объекты); 2) услуги банка по ведению счета; 3) налог на прибыль; 4) административные расходы (содержание персонала); 5) расходование средств посту-

пивших в качестве пожертвований на целевые программы. Примечательно, что несмотря на снижение общих доходов Фонда (с 156 886 000 в 2015 г. до 119 880 000 руб. в 2016 г.), уставные расходы несколько выросли (с 134 441 000 до 139 640 000 руб.) и по-прежнему составляют 99% от всех расходов Фонда.

В 2017 г. было проведено 5 заседаний Управляющего совета. Их основным итогом стало расширение работы со СМИ: помимо ставших уже традиционными роликов на телеканале “360° Подмосковье”, информация о Фонде прозвучала на «Радио 1 Подмосковье»¹, а в газете «Подмосковье сегодня» размещено несколько информационных статей о восстанавливаемых Фондом объектах. Кроме того, была проведена модернизация сайта Фонда. Новшеством относительно предыдущих годов существования Фонда стало участие в конкурсах на предоставление Гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества и социально значимых проектов по направлению «Сохранение исторической памяти» и Премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье», что отразилось на увеличении доходов Фонда².

За третий год своего существования Фонду удалось получить 220 513 000 руб. В отчетной документации за 2017 г. источники получения этих средств разделены на следующие группы: первая – благотворительные пожертвования: а) пожертвования от Московской епархии РПЦ (37 230 000 руб.); б) пожерт-

¹ См.: новостное сообщение от 18 апреля 2017 г. «В 2017 году в Подмосковье полностью восстановят три храма» на сайте Первого Подмосковного Радио (www.radio1.news).

² См.: Отчет о деятельности в 2017 г. на сайте Фонда.

вованя от религиозных организаций Московской епархии РПЦ (4 492 000 руб.); в) пожертвования, поступившие от религиозных организаций Московской епархии Русской Православной Церкви (собранные для Фонда через целевой кружечный сбор религиозных организаций Московской епархии «На восстановление порушенных святынь») (34 074 000 руб.); г) пожертвования, поступившие на восстановление Христорождественского храма д. Мытники (17 865 000 руб.); д) пожертвования от физических лиц (7 161 000 руб.); е) пожертвования от юридических лиц (28 921 000 руб.). Вторая группа – поступления из государственных и муниципальных бюджетов (59 624 000 руб.). Третья группа – доходы от внереализационных операций (размещение временно свободных денежных средств на депозит за вычетом налога на прибыль) (19 000 руб.). Четвертая – займы (займы из епархии) (30 000 000 руб.). Пятая – гранты (321 000 руб.). Кроме того, следует учесть и остаток средств с прошлого года в размере 2 700 000 руб. В процентном соотношении деление источников финансирования на группы – учредитель (Московская епархия), физические и юридические лица, а также государство – выглядит следующим образом: Московская епархия (в том числе пожертвования от организаций Московской епархии и займы) – 32,5%, физические лица (в том числе кружечный сбор) – 18%, юридические лица – 13%, государство (поступления от государственных и муниципальных бюджетов и гранты) – 27%.

Представленный материал иллюстрирует значительное сокращение доходов от Московской епархии и физических лиц: с 39,5 до 32,5 % и с 46 до 18%

соответственно. Однако следует учитывать и появление нового источника финансирования в лице государственных и муниципальных бюджетов, который в 2017 г. принес почти треть всех доходов Фонда. Этот факт, вкуче с тем, что сопредседателем Попечительского совета Фонда является губернатор Московской области А. Ю. Воробьев, может свидетельствовать о заинтересованности государства в деятельности Фонда, а сам Фонд характеризует не столько как сугубо церковный, но скорее церковно-государственный. (Некоторые современные исследователи считают, что именно по такому пути должны развиваться социальные проекты в нашей стране [1, с. 153–154].) Это наглядно иллюстрирует слова В. В. Путина, сказанные им еще в 2012 г. на встрече с патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России: «Если мы говорим об отделении Церкви от государства, то в современных условиях мы должны говорить о другом содержании этой светскости, и она, на мой взгляд, должна заключаться в том, что между государством и религиозными организациями должен установиться совершенно другой режим взаимоотношений – режим партнёрства, взаимной помощи и поддержки»¹.

РПЦ представляет собой значительную общественную силу, с которой представители современной российской власти предпочитают считаться. Видимо, именно в этом ключе и стоит рассматривать повышение доли государственного финансирования Фонда.

¹ См.: Стенограмму встречи председателя Правительства РФ В. В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России 8 февраля 2012 г. на официальном сайте Московского патриархата (www.patriarchia.ru).

Однако обратной стороной этого процесса является, говоря словами современного исследователя, то, что «статистически фиксируемые факты служат аргументом для дальнейшего укрепления отношений государства и РПЦ в двух плоскостях: увеличение поддержки (материальной, законодательной, организационной) государством церкви, и в ответ – обещание церкви выполнить государственный заказ на поддержание социального мира» [5, с. 103–104]. Кроме того, высказывалось мнение, что государство переложило на «церковную выю» и «бремя формирования идеологии» [4, с. 136], что также можно связать с восстановлением «поруганных святынь». В сложившихся условиях РПЦ фактически вынуждена поддерживать курс правительства и способствовать его легитимации, отход от этого означал бы перемену в церковно-государственных отношениях, что отразилось бы и на материальной поддержке РПЦ государством.

Итак, рассмотрев финансовый аспект деятельности Фонда с 2015 по 2017 гг., можно констатировать успешное развитие Фонда. На протяжении всего рассмотренного периода наблюдается рост доходов Фонда. Наблюдается и смена основных источников финансирования Фонда: если в 2015 г. основными были пожертвования от Московской епархии РПЦ и физических лиц, то в 2017 г. пожертвования от физических лиц снизились в разы, а на одно из ведущих мест вышло финансирование из государственных и муниципальных бюджетов. По-видимому, такое положение дел будет оставаться и в последующие годы, а Фонд все больше будет походить скорее на церковно-государственный, что следует рассматривать как проявление общей тенденции активизации сотрудничества государства и церкви в решении социальных проблем России в 2000-е гг.

Статья поступила в редакцию 18.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Булочев Р. С. Государственная система социальной защиты населения и церковная социальная работа // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы : Материалы всероссийской научно-практической конференции, 7–8 июня 2013 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, 2013. С. 153–156.
2. Восстановим поруганные святыни. Благотворительный фонд Православной религиозной организации Московской епархии Русской Православной Церкви по восстановлению поруганных святынь. Коломна: Лига, 2015. 264 с.
3. Ильченко В. А. Милосердие и благотворительность в истории России: актуальность опыта в современном обществе // Социальное служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, 5–7 июня 2014 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, 2014. С. 103–109.
4. Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 375 с.
5. Широкалова Г. С., Аникина А. В. Политический выбор Русской православной церкви как фактор, определяющий её будущее // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 103–113.

REFERENCES

1. Bulochev R. S. [The state system of social protection of the population and Church social work]. In: *Sotsial'noe sluzhenie Pravoslavnoi Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy : Materialy vs Rossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 7–8 iyunya 2013 g.* [Social service of the Orthodox Church: problems, practices, perspectives: Materials of all-Russian scientific-practical conference, 7–8 June 2013]. St. Petersburg, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2013, pp. 153–156.
2. *Vosstanovim porushennye svyatyni. Blagotvoritel'nyi fond Pravoslavnoi religioznoi organizatsii Moskovskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi po vosstanovleniyu porushennykh svyatyn'* [Let's restore the destroyed shrines. Charitable Foundation of the Orthodox religious organization of the Moscow diocese of the Russian Orthodox Church for restoring ruined shrines]. Kolomna, Liga Publ., 2015. 264 p.
3. Il'chenko V. A. [Mercy and charity in the history of Russia: the relevance of the experience in modern society]. In: *Sotsial'noe sluzhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy : Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 5–7 iyunya 2014 g.* [Social service of the Russian Orthodox Church: problems, practices, perspectives. Materials of the international scientific-practical conference, 5–7 June 2014]. St. Petersburg, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2014, pp. 103–109.
4. Musin A. E. *Vopiyushchie kamni. Russkaya tserkov' i kul'turnoe nasledie Rossii na rubezhe tysyacheletii* [Crying stones. The Russian Church and cultural heritage of Russia at the turn of the Millennium]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 375 p.
5. Shirokalova G. S., Anikina A. V. [The political choice of the Russian Orthodox Church as a factor in determining its future]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2007, no. 10, pp. 103–113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тулянов Владислав Андреевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: v.tulyanov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav A. Tulyanov – postgraduate student at the Department of Modern history of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: v.tulyanov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тулянов В. А. Церковная благотворительность в современной истории России: некоторые аспекты финансирования Благотворительного фонда Московской епархии по восстановлению порушенных святынь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 112–119.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-112-119

FOR CITATION

Tulyanov V.A. The church charity in modern history of Russia: some aspects of funding the Moscow diocese Charitable Foundation for restoring the ruined shrines. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 112–119.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-112-119

УДК 32.342.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-120-128

РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: СОЧЕТАНИЕ ВНУТРЕННИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ. СОВЕТСКИЙ УРОК ДЛЯ РОССИИ

Ковалев В. А.

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
167000, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные противоречия, которые привели к коллапсу Советского Союза. В качестве научной методологии использованы элементы сравнительного исторического анализа. (Образцом может служить подход макросоциолога Р. Коллинза, в свое время предсказавшего советский коллапс.) По мнению автора, распад СССР был вызван, прежде всего, геополитическим напряжением на международной арене и межнациональными противоречиями внутри страны. Дефицит также был неотъемлемой чертой советской экономики. Геополитическое напряжение ослабляет государственный порядок. Исторический опыт распада Российской империи и СССР указывает и на аналогичные опасности в современной ситуации.

Ключевые слова: Распад СССР, крах социализма, коммунизм, геополитическое напряжение, межнациональные противоречия, дефицит продовольствия, революция, опыт истории.

THE DESTRUCTION OF THE STATE: THE COMBINATION OF DOMESTIC AND INTERNATIONAL FACTORS. THE SOVIET LESSON FOR RUSSIA

V. Kovalev

*Syktvykar State University named after P. Sorokin
55, Oktyabr'sky prosp., Syktvykar, 167000 Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the main contradictions which led to the collapse of the Soviet Union. Elements of comparative historical analysis are used as a scientific methodology. (Macro approach of the sociologist R. Collins, who had predicted the Soviet collapse, can serve as an example). According to the author, the collapse of the USSR was caused, first of all, by geopolitical tension on the international scene and ethnic contradictions within the country. The deficit was the integral line of the Soviet economy. The geopolitical tension weakens the order in the state. Historical experience of the collapse of the Russian Empire and the Soviet Union also points to the danger of analogies in the present situation.

Key words: the collapse of the Soviet Union, the collapse of socialism, communism, geopolitical tension, ethnic conflicts, food shortage, revolution, the experience of history.

Текущие и прогнозируемые проблемы российской внутренней и внешней политики вызывают немало тревог и среди обывателей, и в среде экспертного сообщества. Находятся даже алармисты, предрекающие РФ судьбу Советского Союза. Но даже если отказать от столь крайней позиции, судьба СССР и опыт распада бывшей «сверхдержавы» может быть для нынешней России весьма поучительным.

Произошедший в 1991 г. распад Советского Союза и крах коммунистического эксперимента до сих пор продолжают вызывать яростные споры. Закончился ли советский эксперимент закономерным образом или это был результат случайности, связанный со злокозненными действиями врагов извне и изнутри? Или некая цепь событий привела к распаду «первого в мире социалистического государства»? Нам представляется, что стороны никогда не смогут прийти к какому-то общему ответу и «вместе им не сойтись» не только в силу разницы идеологических позиций, но и представлений, лежащих в их основе, связанных с пониманием природы социализма. Те, кто считает социализм закономерной ступенью исторического развития, более прогрессивным по сравнению с капитализмом и т.д., естественно, будут делать упор на «измене генсека», «происках врагов», то есть в сочетании субъективного фактора, который накладывался на неблагоприятные экономические и внешнеполитические обстоятельства. Писаний подобного рода великое множество и строятся они по схожим схемам [10]. Это име-

ло место, но, даже согласившись с подобным подходом, надо озаботиться вопросом, какие факторы лежали в основе «измен», «погружений в бездну», «диверсий» и т. д.

Когда мы говорим о конце социализма и СССР, следует иметь в виду и аналитически различать два процесса: конец социального строя (попыток построить «коммунизм») и распад государства – Советского Союза. Когда эти два процесса совместились друг с другом, то они вполне могут быть объединены понятием «революции», ведь в современной теории революция понимается именно как распад государства. Но в советском случае этот распад произошел и политически, и географически (или, если угодно, как «геополитическая катастрофа»). Процессы эти были взаимосвязанными, но не тождественными.

Довольно быстрый, по историческим меркам, крах СССР был для большинства неожиданностью, но некоторым аналитикам и ученым удалось его предсказать заранее. Ирония политической и интеллектуальной истории (если так можно выразиться) состоит в том, что неожиданностью капитуляция бывшего врага стала для многих политиков, которые вели с ним борьбу. Это ставит под сомнение стереотипные конспирологические построения (в духе «это всё придумал Даллес»), а также для подавляющего большинства «профессиональных антикоммунистов» или «транзитологов», которые приближение конца коммунизма в Советском Союзе откровенно проморгали. Действительно, многие ли «тран-

зитологи» или «советологи» смогли предсказать горбачевскую перестройку и ее революционные последствия. Нет, для большинства из них начавшаяся *perestroika* и её результат тоже были сенсацией.

Проводя теоретический «разбор полётов», новосибирский философ Н. Розов нашел автора, чья научная квалификация позволила все это предвидеть. Но это был не политолог, не «транзитолог» и не «кремленолог», а макросоциолог-теоретик Рэндалл Коллинз, знания которого в области исторической социологии и их научная глубина позволили предсказать события конца 1980–90-х гг. в СССР и Восточной Европе [8].

И это действительно так: американского ученого можно поздравить со столь редким для обществоведения результатом – достоверным прогнозом. Сам Р. Коллинз уже позднее провел подробный анализ, связанный с успехом своего прогноза, а также ряда сопутствующих попыток [3]. Работа Коллинза выглядит весьма впечатляюще, особенно по контрасту с авторами, которые стали писать о причинах советского краха только постфактум. Удача данного прогноза, с одной стороны, позволяет говорить о недостаточности только актуального политического анализа и необходимости для политического теоретика опираться на более фундаментальный материал, связанный с историей и культурой, экономикой и антропологией разбираемых «случаев», то есть выходить из цеховой ограниченности к междисциплинарному анализу [2] (глава 2 в этой книге о предсказании распада СССР). Но, с другой стороны, даже подтвержденная и зафиксированная удача Р. Коллинза с

предсказанием краха СССР и основа, на которой этот прогноз был сделан, вызывает определенные вопросы.

Р. Коллинз видит основные причины советского коллапса в непосильном для СССР геополитическом напряжении. Сформулировав пять основных геополитических принципов (причем пятый принцип выглядит так: «Чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» [3, с. 241]), американский теоретик за несколько лет до советского краха приходит к выводу о том, что СССР «надрывается» и проигрывает соревнование с Западом, обладая в разы меньшими ресурсами и возможностями для их мобилизации. Сам Коллинз пишет: «В моей собственной версии связи между геополитическими принципами и государственным распадом упор делается на механизме легитимности» [3, с. 249]. Перенапряжение в связи с гонкой вооружений, конфликтом в Афганистане и пр. привели к власти фракцию Горбачева, он начал реформы, но они не оправдали надежд. Тогда: «С углублением структурного кризиса и поражением Горбачева во внутри-элитном конфликте он был внезапно делегитимизирован; в свою очередь, его личное падение дслегитимизировало весь режим [3, с. 258].

Как добросовестный ученый, Коллинз разбирает и другие прогнозы краха Советского Союза. Среди них особенно выделяется сценарий «этнического восстания», которое было сделано Элен Каррер д'Анкосс (d'Encaussc). По словам Коллинза, предсказание Каррер д'Анкосс «было основано на эмпирической экстраполяции. Д'Анкосс просчитала демо-

графические тенденции для русских и других народностей Советского Союза и пришла к выводу, что империя распадётся в XXI в., когда нерусские национальности составят большинство [3, с. 260]. Здесь, как это ни парадоксально, не сбывшийся в точности прогноз д'Анкосс, представляется нам более верным, нежели предсказание Коллинза, скоростью воплощения которого он сам был удивлен. Конечно, Коллинз прав в том, что этническая лояльность (и даже стремление записаться в ту или иную нацию) зависит от легитимности центральной власти и в случае неудач резко ослабевает. Но при этом неудачные действия Горбачева на мировой арене именно в 1980-е гг. представляются все же субъективно и случайно обусловленными («так совпало!»), тогда как фактор роста межэтнической напряженности в силу изменения демографического баланса сказывался все сильнее и, если отбросить интернационалистскую демагогию о «дружбе народов», имел понятный финал. Да и в реальной истории распад СССР был связан именно с дезинтеграцией союзных и республик, с которыми Москва не смогла справиться. Дабы пояснить эту мысль, можно прибегнуть к циничному сравнению судьбы «Союза нерушимого» с гибелью безнадежного онкологического больного в автокатастрофе.

Так или иначе, но СССР закончил свои дни и в силу сочетания геополитического напряжения и внутренних межэтнических противоречий, которые при ослаблении центральной власти становились для нее *неразрешимыми*. (К примеру, уже в 1988 г. перед Москвой встал вопрос, кого поддерживать в конфликте за Нагорный Карабах

– и любое решение вело к возмущению в одной из «союзных» республик.) Но в 1991 г. произошел, по сути, революционный распад СССР не только как государства «*союзного*», но и как «*советского*» и «*социалистического*».

Если Р. Коллинз, как сторонний наблюдатель, делает упор на причинах краха страны, представлявшей угрозу для США с точки зрения международной (гео)политики, то для нас гораздо более важным могут представляться внутренние причины советского коллапса. При этом у американского макросоциолога вполне уместным представляется позаимствовать взгляд на этот крах в перспективе «социологии большой длительности», а не только в масштабе нескольких месяцев или лет, когда СССР и советский социализм подверглись непосредственному распаду.

При этом конфликты в политбюро или митинги с требованием отмены статьи о власти КПСС – это лишь конечное выражение неких глубинных противоречий советского (социалистического) строя, которые можно понять, лишь обратившись к его зарождению и дальнейшему генезису. Такой подход, кстати, весьма грамотно демонстрирует уральский историк С. А. Нефедов, разработки которого нам представляются наиболее интересными и адекватными в попытках выяснить причины российских Смут начала и конца XX в. (в силу ограниченности объема доклада мы вынуждены опустить значительную часть важной для нас литературы на эту тему). Еще пятнадцать лет назад С. Нефедов (в соавторстве) опубликовал важную статью, где доказывалось: «Кризис СССР имел комплексный

характер, и социалистическое общество подвергалось мощному давлению разнородных сил. Но, как показывает опыт истории, даже одного из этих факторов – демографического – было, в принципе, достаточно, чтобы разрушить Советский Союз как социалистическое государство» [1, с. 76]. То есть гибель СССР объяснялась преимущественно в духе неомальтузианского подхода (конечно, в сочетании с другими теориями). Дефицит, а особенно продовольственный, – это неотъемлемый спутник социализма [4] как системы всеобъемлющего государственного регулирования.

Признаться, мы с настороженностью относимся к утверждениям типа «революция – это заслуга (вина) революционеров» и т.п. Было бы слишком наивно рассматривать уничтожение Союза и социализма *только* как победу каких-то его определенных врагов. (Аналогии напрашиваются и в случае с Российской империей.) Организованные антикоммунистические силы были уничтожены в ходе Второй мировой войны (тем самым, с Гражданской войной как вооруженным противостоянием было в основном покончено); были вытеснены за границу или оказались в ГУЛАГе. К началу перестройки даже слабые группы диссидентов были разгромлены и деморализованы. Но не они являлись могильщиками советского коммунизма (что, кстати, определило сомнительный и неустойчивый характер постперестроечных экономических и политических реформ, особенно по контрасту с Восточной Европой, в странах которой существовала реальная организованная оппозиция). Как ни наивно это звучит, тем более на фоне изоцированных

аналитических и конспирологических схем, но широко разлитое недовольство «советской властью» постоянно питалось дефицитом питания. Еды не хватало, и руководство, опасаясь продовольственных волнений, форсировало хлебные закупки за рубежом, что порождало зависимость от Запада, а неблагоприятные колебания экономической конъюнктуры вели как к внешнеполитическим (сдача переговорных позиций), так и внутренним (неуклюжие попытки разрушающих советский строй реформ) последствиям. Как человеку, жившему в СССР, автору этих строк такой подход представляется наиболее близким, интуитивно понятным и верным. Субъективно, у меня, в отличие от многих сограждан, охваченных ностальгией по «совку», среди воспоминаний о молодости сохраняется и память о том, как с детства приходилось ездить «в колхоз», собирать под дождем картошку и морковь или сажать ёлочки (хвойная мука шла на корм скоту – бедные колхозные коровы!). Но все эти усилия никак не отменяли пустых полок и очередей в магазинах.

Как пишут цитированные нами авторы: «В конечном счете, аграрный кризис привел к социальной революции и возникновению Советского Союза. Демографическая подоплека этого социального взрыва была ясна уже современникам» [1, с. 72]. В своем варианте истории России С. Н. Нефедов доказывает этот тезис большим количеством статистических данных и исторических свидетельств [6]. Во-вторых, в попытке методами государственного («социалистического») регулирования справиться с последствиями нехватки еды, нет ничего принципиального

нового – это много раз повторялось в разные эпохи и в разных странах. Как правило, это приводило к всеохватному государственному контролю и дальнейшему ухудшению экономической ситуации. Трагический опыт «первого в мире социалистического государства» был, разумеется, далеко не первым (и не последним), и отличался он других опытов подобного рода разве что огромностью своих масштабов и степенью эсхатологического напряжения в настроениях масс в период своего возникновения. Но в целом советский эксперимент объясняется не Марксом, а Мальтусом. «Когда политическое неудовольствие присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом», – писал автор «Опыта закона о народонаселении» [5, с. 93]. Разумеется, споры с убежденными марксистами тут практически бесполезны.

Но уже в первые годы коммунистических экспериментов в России существовали важные свидетельства верности такого подхода. Мы, к примеру, имеем в виду чудом сохранившийся текст знаменитого русско-американского социолога Питирима Сорокина «Голод как фактор». Исследователь голода пишет с натуры: «следствием как войны, так и революции оказывается милитаризация, централизация и «военная коммунизация» общества, т.е. тот же принудительный этатизм» [9, с. 342].

Все это смыкалось с ростом геополитического напряжения, которое,

если принять точку зрения Р. Коллинза, и погубило СССР как государство. А разве Российскую империю погубило не «геополитическое напряжение», связанное с Великой войной 1914–1918 гг., а ранее, разве не неудачная война с Японией была прологом к первой русской революции?

Здесь помимо взгляда в российское будущее с его весьма тревожными перспективами (на фоне вмешательства в чужие военные конфликты, прощение миллиардных долгов, попытками сотрудничества с самыми экономически отсталыми странами и дикими авторитарными режимами), уместен и взгляд в прошлое. Так, в минувшем году исполнилось уже сто лет российской революции 1917 года, но однозначности в ее оценках и объяснении причин не было и нет (опять аналогия с «перестройкой»), хотя колоссального влияния, которое оказало это событие на отечественную историю, никто не отрицает.

Так, по мнению представителя нынешнего официоза, в оценках событий вековой давности существует раскол между «пессимистами» и «оптимистами»: «Пессимисты полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и нереформируемой, старая власть – недееспособной. Огромное общественное неравенство усугубляло проблему бедности, народные массы нищали. Первая мировая война стала последним толчком, который способствовал низвержению наскавшего прогнившего режима. Оптимисты же уверены, что строй поздней имперской России после Великих реформ 1860–

1870-х гг. и преобразований 1905–1906 гг. обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, к которым относилась, в первую очередь, мировая война. Нельзя не заметить, что пессимистические взгляды более характерны для представителей левой и либеральной политической мысли, а оптимистические — для авторов консервативной, правой и националистической ориентации. Впрочем, есть множество исключений, и не всегда идеология ведет автора за собой [7, с. 14–15].

Но помимо неразрешимости, проблема также отличается «необозримостью». Библиография, посвященная проблематике революций, в том числе русских, попросту неисчерпаема и не подлжит даже краткому охвату в отдельной статье. Чтобы не отвлекаться на этот вопрос дальше, укажем, что, по мнению автора, весьма серьезных результатов в объяснении феномена революции добилась Теда Скокпол

[11], хотя ее теория и нуждается в существенной корректировке и уточнениях.

Исходя из этого, мы и позволили себе здесь предположить, что «геополитическое напряжение» в сложных экономических условиях может существовать и после того, как социалистический эксперимент в его марксистско-ленинском изводе вроде бы закончился. Это еще раз доказывает то, что социалистический «принудительный этатизм» гораздо шире опыта «коммунистического строительства» и может продолжаться и после формального отказа от марксистско-ленинской догмы. Этот принудительный этатизм вновь и вновь провоцирует милитаризацию и/или «секьютиризацию» общества. Реализация принципа «пушки вместо масла», в свою очередь, снова провоцирует «геополитическое напряжение», чреватое опасными последствиями. Все это заставляет считать, что изучение опыта распада СССР (как и ранее Российской империи) актуально не только в исторической плоскости.

Статья поступила в редакцию 31.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. В., Нефёдов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 66–77.
2. Коллинз Р. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
3. Коллинз Р. *Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса* // *Время мира : альманах*. Вып. 1. Новосибирск: Новый хронограф, 2000. С. 234–278.
4. Корнаи Я. *Дефицит*. М.: Наука, 1990. 607 с.
5. Мальтус Т. *Опыт закона о народонаселении*. М.: Издательство М. Н. Прокоповича, 1908. 180 с.
6. Нефедов С.Н. *История России. Факторный анализ : в 2 т. Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции*. М.: Территория будущего, 2011. 688 с.
7. Никонов В. *Крушение России*. М.: АСТ, Астрель, 2011. 926 с.
8. Розов Н. С. *Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики* // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 126–141.

9. Сорокин П. А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: Анбур, 2014. 496 с.
10. Фроянов И. Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб.: СПбГУ, 1999. 800 с.
11. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 407 p.

REFERENCES

1. Alekseev V. V., Nefedov S. A. [The death of the Soviet Union in the context of the history of world socialism]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2002, no. 6, pp. 66–77.
2. Kollinz R. *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in sociology of the long duration]. M.: URSS, LENAND Publ., 2015. 504 p.
3. Kollinz R. [Predictions in macrosociology: the case of the Soviet collapse]. In: *Vremya mira. Almanakh. Vyp. 1* [World time: almanac. Issue 1]. Novosibirsk, 2000, pp. 234–278.
4. Kornai Ya. *Defitsit* [The deficit]. Moscow, Science Publ., 1990. 607 p.
5. Mal'tus T. *Opyt zakona o narodonaselenii* [The experience of the law on population]. Moscow, Publishing house of M. N. Prokopovich, 1908. 180 p.
6. Nefedov S.N. *Istoriya Rossii. Faktornyi analiz : v 2 t. T. 2: Ot okonchaniya Smuty do Fevral'skoi revolyutsii* [The History of Russia. Factor analysis : in 2 vol. Vol. 2: From the end of the Distemper till the February revolution]. Moscow, Territory of the future Publ., 2011. 688 p.
7. Nikonov V. *Krushenie Rossii* [The Collapse of Russia]. Moscow, ACT, Astrel' Publ., 2011. 926 p.
8. Rozov N. S. [Randall Collins's theory of historical dynamics and the context of Russian politics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2012, no. 6, pp. 126–141.
9. Sorokin P. A. *Golod kak faktor: vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nyuyu organizatsiyu i obshchestvennyuyu zhizn'* [Hunger as a factor: the influence of hunger on human behavior, social organization and social life]. Syktyvkar, Anbur Publ., 2014. 496 p.
10. Froyanov I. Ya. *Pogruzhenie v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka)* [Sinking into the abyss (Russia at the turn of the century)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999. 800 p.
11. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 407 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалев Виктор Антонович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина;
e-mail: Vant_2000@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor A. Kovalev – doctor of political Sciences, professor of the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Syktyvkar State University n.a. P. Sorokin;
e-mail: Vant_2000@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковалев В. А. Разрушение государства: сочетание внутренних и международных факторов. Советский урок для России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 120–128.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-120-128

FOR CITATION

Kovalev V.A. The destruction of the state: the combination of domestic and international factors. The Soviet lesson for Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 120–128.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-120-128

УДК 342.843 «20» (470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-129-138

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММАТИКЕ ПЕРИОДА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 2011 Г. И 2016 Г.

Уляшкина Е. Г.

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68,

Российская Федерация

Аннотация. В статье в контексте международной проблематики рассматриваются позиции ведущих политических партий РФ, закрепленные в программных документах в период избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г. Проведен сравнительный анализ предвыборных программ партий, получивших представительство в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации VI и VII созывов. Учтены изменения законодательства, позволившие большему числу партий принять участие в выборах в нижнюю палату федерального парламента и потенциально усилившие их возможности влиять на внешнеполитический процесс РФ. Цель исследования заключалась в выявлении сходства и различий в видении российскими партиями дальнейшего развития внешнеполитического курса государства в условиях международных санкций. Определены основные векторы модификации их позиций во внешнеполитической сфере.

Ключевые слова: Россия, выборы в Государственную думу (2011 и 2016 гг.), предвыборные программы политических партий, внешняя политика.

ISSUES OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE PARTY PROGRAMMATICS OF THE PERIOD OF THE ELECTION CAMPAIGN OF 2011 AND 2016

E. Uliashkina

Department of General history, political science and area studies

Mordovian N. P. Ogarev State University

68 Bolshevitskaya ul., Saransk, 430005 Republic of Mordovia, Russian Federation

Abstract. In the article, the positions of the leading political parties of the Russian Federation, fixed in the policy documents during the election campaigns of 2011 and 2016, are considered in the context of international problems. The comparative analysis of the election programs of the parties that were represented in the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of VI and VII convocations. Changes in legislation are taken into account, allowing more parties to participate in the elections to the lower house of the Federal Parliament and potentially increasing their ability to influence the foreign policy process of the Russian Federation. The purpose of the study was to identify similarities and differences in the vision of the Russian par-

ties for further development of the state foreign policy in the context of international sanctions. The main vectors of modification of their positions in the foreign policy sphere are determined.

Key words: Russia, election campaign to the State Duma (of 2011 and 2016), pre-election programs of the political parties, foreign policy.

Политические партии являются одним из важнейших элементов политической системы Российской Федерации. Научный интерес данный феномен вызывает в первую очередь благодаря своей динамичности, многогранности и открытости к воздействию различных факторов. Политические партии имеют вынужденную необходимость «подстраиваться» под события, волнующие их целевую аудиторию, вследствие зависимости между уровнем доверия, а соответственно, поддержкой населения, и количеством полученных мандатов в представительных и законодательных органах власти для создания фракций, способных оказывать существенное влияние как на внутренние, так и на внешние процессы. Общее видение развития государства, вычленение первоочередных проблем, требующих оперативного решения, непосредственная работа с населением и органами государственной власти для реализации поставленных целей и т.п. образуют своеобразный фундамент, закрепленный в программных и уставных документах политических партий. Однако первоочередная цель любой политической партии – получение максимального числа мест в выборных органах власти, в связи с чем пик их активности приходится именно на предвыборные периоды. Несмотря на то, что традиционно политические партии уделяют внимание в большей мере внутригосударственным проблемам, внешнеполитический вектор развития страны занимает в их

программных документах и в общей повестке важное место. Подчеркнем, что единственно возможным легальным механизмом для политических партий России, позволяющим влиять на внешнюю политику Российской Федерации, можно признать их представительство в федеральном парламенте.

Данное исследование ориентировано на проведение сравнительного анализа позиций парламентских партий по содержанию и приоритетам внешней политики РФ, закрепленных в их предвыборных программных документах 2011 г. и 2016 г. Цель исследования заключалась в выявлении сходства и различий в видении российскими партиями дальнейшего развития внешнеполитического курса государства в условиях международных санкций. Результаты, полученные в ходе исследования, будут способствовать определению степени заинтересованности политических партий в решении внешнеполитических задач страны и акцентированию актуальных проблем в этой сфере, корректировке заявленных приоритетов, путей и способов их реализации. Сохраняющиеся сложности во взаимоотношениях России с зарубежными партнерами объективно повышают значение внешнеполитической составляющей в партийной программатике. Особенности международной ситуации обуславливают во многом превращение в фокус первоочередного внимания партий вопросов обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности

и суверенитета государства, в целом – вызовов современности, наиболее волнующих общество. На наш взгляд, модификация федерального законодательства, регулирующего правовой статус российских партий, приведшая, как минимум, к трансформации количественных параметров партийной системы, потенциально создает предпосылки для расширения спектра возможностей различных партий, продвижению предлагаемой ими повестки на общегосударственный уровень, увеличению альтернативности вероятных решений, в том числе в сфере внешней политики.

В соответствии с поставленной целью задачами нашего исследования выступили:

- характеристика изменений нормативно-правовых основ регулирования деятельности политических партий РФ в русле расширения возможностей их легального влияния на внешнеполитический процесс;

- сопоставление позиций парламентских партий РФ по международной проблематике в разрезе избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г.;

- определение динамики программных взглядов парламентских партий РФ на проведение внешней политики государства с учетом современных тенденций.

Эпоха всеобщей глобализации и интеграции заставляет максимально оперативно реагировать на постоянно преобразующиеся условия, вызовы и угрозы. Политические партии – не исключение. Обогащение и трансформация данного института вызывают устойчивый интерес к нему представителей научных кругов. Трудями М. Дюверже, М. Острогорского, М. Вебера и

других выдающихся мыслителей, обрацавшихся к этой проблематике, заложен прочный фундамент, позволяющий изучать не только общие вопросы становления и развития политических партий, но и частные случаи их формирования и эволюции, среди прочего, – участие в избирательных кампаниях через призму внешнеполитического процесса. В контексте поставленной проблемы необходимо прежде всего выделить работу В. Е. Татаркина [8], рассматривающего обращение политических партий к вопросам внешней политики РФ в период избирательной кампании 2016 г. Автор изучает в первую очередь позиции политических партий, способных оказать реальное воздействие на внешнеполитический процесс РФ. Однако следует отметить, что наибольшая часть научной литературы по партийной проблематике посвящена все же вопросам, затрагивающим внутривнутриполитические установки политических партий, организационно-техническую составляющую, политико-правовой статус депутатов, итоги выборов и т.д. К примеру, А. И. Никитенко [6] обращается к генезису, становлению и модификации политических партий как элемента политической системы общества; С. И. Грачев и С. Е. Черняев [2], М. В. Данилов [3] исследуют концептуально-правовую платформу деятельности российских партий; А. С. Епифанов [4], А. Н. Заикин [5] изучают их деятельность в период избирательных кампаний на примере Всероссийской политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»; П. Л. Попов, В. Г. Сараев, А. А. Черенев, Д. А. Гелес [7], Н. Б. Чувиллина [9] анализируют результаты выборов в Государственную думу Федерально-

го собрания Российской Федерации; Р. А. Алексеев [1] акцентирует внимание на политико-правовой природе мандата парламентария.

Обзор научной литературы свидетельствует, с одной стороны, о неподдельном и значительном научном интересе к различным аспектам деятельности политических партий Российской Федерации. Однако, с другой стороны, некоторые аспекты, включая вопросы участия политических партий во внешнеполитическом процессе, константы и доминанты партийной программтики в этой области, в том числе их корреляции с предвыборными периодами, пиками электоральных циклов, исследованы недостаточно.

Применение компаративного анализа с малым числом случаев при изучении предвыборных программ парламентских партий РФ в ходе избирательных кампаний в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации 2011 г. и 2016 г. позволит более полно охарактеризовать позиции политических партий по международной проблематике, прояснить ключевые установки в данной области, определить особенности их реакции на запросы избирателей и тренды официального дискурса. Но сначала охарактеризуем нормативные рамки деятельности российских политических партий, задаваемые требованиями федеральных законов, главными из которых в исследуемом ракурсе являются Федеральный закон от 22 февраля 2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. 04.06.2018 № 150-ФЗ) и Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (в

ред. от 03.07.2018 № 178-ФЗ). Законодательство Российской Федерации находится в постоянной динамике, развиваясь одновременно с обществом, вызовами современности, различными обстоятельствами и т.д. Правовое поле, регламентирующее деятельность партий в ходе избирательных кампаний в рассматриваемые нами промежуточные времена, также видоизменялось и совершенствовалось.

Принципиальные изменения коснулись самой избирательной системы Российской Федерации (см. табл.): на выборах 2011 г. голосование происходило исключительно по партийным спискам по одномандатному федеральному округу, а депутатские мандаты распределялись пропорционально итогам выборов. В 2016 г. были применены принципы смешанной избирательной системы: 225 депутатов избирались партийным списком и 225 – по одномандатным округам. Примечательно, что данная электоральная формула применялась и положительно себя зарекомендовала на выборах парламентариев с 1993 по 2003 гг. Отличительной особенностью выборов 2011 г. от предшествующих избирательных кампаний был срок избрания депутатов на 5-летний период. Данная инициатива была внесена Д. А. Медведевым 30 декабря 2008 г. и вступила в законную силу 21 января 2009 г. Несмотря на то, что общее число избираемых депутатов осталось неизменным, по сравнению с 2011 г. в 2016 г. был снижен процентный барьер для участия в выборах – с 7% до 5%. Для кандидатов, включенных в списки по одномандатным округам, достаточно было набрать относительное большинство голосов избирателей. Масштабные изменения были закре-

плены в ФЗ «О политических партиях», упрощена процедура регистрации политических партий, благодаря которым была значительно политический партий.

Таблица

Основные изменения избирательных кампаний в 2011 и 2016 гг.

Наименование	2011 г.	2016 г.
Избирательная система	Пропорциональная	Смешанная
Число партий, принявших участие в выборах	7	14
Число партий, прошедших в парламент	4	По пропорциональной системе – 4. По мажоритарной системе – 2.
Всего партий, имеющих право принять участие в выборах, на 1 января рассматриваемого периода	7	75

По итогам выборов 2011 г. в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации VI созыва прошли: Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (ЕР), политическая партия «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (КПРФ), политическая партия «ЛДПР – Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР), политическая партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ». По итогам выборов 2016 г. именно эти партии вновь образовали свои фракции в нижней палате российского парламента, но в нее также смогли избраться в качестве одномандатников по одному представителю от партии «Родина» и политической партии «Гражданская Платформа», не преодолевших 5% избирательный барьер.

Сравнительный анализ предвыборных программ политических партий, имеющих представительство в законодательном органе власти федерального уровня VI и VII созыва, показывает модернизацию взглядов относительно

реализации государственной политики России по широкому спектру вопросов, в том числе внешнеполитическим.

Так, ЕР – «партия власти» – значительно реконструировала цели и задачи в сфере внешнеполитического курса РФ. Если в 2011 г. основной упор партией делался на внутривнутриполитические проблемы, а вопросы внешней политики затрагивались ею только частично, с акцентом лишь на перевооружение армии и последствиях мирового экономического кризиса¹, то в 2016 г. в программном документе ЕР появился отдельный блок, посвященный мировой политике, – «Справедливость и безопасность для мира и для России»². Данная тенденция

¹ См.: «Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва (Программное обращение Партии «Единая Россия» к гражданам России)» (<https://www.info83.ru/programmy/edinaya-rossiya-programma-partii>)

² См.: «Предвыборная программа Всерос-

обусловлена вызовами современности. Обязательный процесс нахождения путей решения проблем неразрывно связан с первоисточником в виде самой проблемы. Так, предвыборная программа 2016 г. затрагивает принципиально важные для страны вопросы: укрепление роли Организации Объединенных Наций (ООН), возвращение Крыма в состав России, борьба с терроризмом на Ближнем Востоке, перевооружение силовых структур, недопущение эскалации конфликтов, обеспечение выполнения Киевом Минских соглашений, поддержка соотечественников за рубежом. Концентрация внимания «единороссов» на укреплении военного потенциала государства сочетается с призывом к конструктивному диалогу, экономическому и политическому сотрудничеству.

КПРФ, в отличие от «партии власти», напротив, в 2016 г. более лаконично определила свои задачи во внешнеполитической сфере по сравнению с предыдущим избирательным периодом. Предвыборная программа КПРФ 2011 г. в своей структуре имела довольно креативно оформленный алгоритм действий, с помощью которого предполагалось реализовывать внешнеполитический курс. «ТРИ + СЕМЬ + ПЯТЬ» – формула перемен, где «ТРИ» обозначало три основных направления внешней политики¹. К ним относились:

сийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва» на официальном сайте партии (<https://er.ru/party/program>).

¹ См.: «Предвыборная программа КПРФ. Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину!» на официальном сайте партии (<https://kprf.ru/crisis/offer/97653.html>).

– международные связи (повышение роли ООН, ограничение роли НАТО и ее роспуск, равноправные и взаимовыгодные отношения с Европой, расширение взаимодействия с КНДР, Индией, Вьетнамом и другими государствами Азии, Латинской Америки, Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона);

– создание нового союза братских народов, куда должны были войти Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан, с последующим созданием Союзного государства Белоруссии и России;

– укрепление обороноспособности страны.

Предвыборная программа КПРФ 2016 г. частично дублировала положения документа 2011 г. в части необходимости укрепления обороноспособности государства, угрозы со стороны НАТО, сближения братских народов СССР. Несмотря на непростые взаимоотношения России и Украины в настоящее время, КПРФ по-прежнему выступает за экономическое и политическое взаимодействие с Украиной. Принципиально новым положением в программе явился вопрос о выходе страны из Всемирной торговой организации (ВТО)².

Интересно, что в данном контексте партия КПРФ отчасти солидарна с позицией ЛДПР. Так, в предвыборном документе ЛДПР 2011 г. содержатся тезисы об отказе вступления в эту организацию. Стоит отметить, что ЛДПР максимально лаконично обозначила свои взгляды по реализации общегосударственного курса как в программе

² См.: «Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КПРФ» на официальном сайте партии (<https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html>).

2011 г., так и 2016 г. Помимо ссылки на необходимость укрепления силовых структур, документ 2011 г. содержит положения о развитии российского туризма и поддержке отечественного производителя. Программа 2016 г. явилась логическим продолжением предшествующего документа¹. Так, ЛДПР значительное внимание в нем обратила на развитие экономической составляющей, расценивая санкции как отправную точку в данном вопросе.

Минимальное внимание внешнеполитическим проблемам уделяет партия «Справедливая Россия», которая в 2016 г. вообще не акцентировала эту тему. Лишь в избирательной кампании предшествующего периода в ее программе содержались положения о борьбе с терроризмом².

Политическая партия «Родина» в контексте внешнеполитического курса РФ вычленяет основные проблемы из непростой политической обстановки, сложившейся в основном по результатам украинского кризиса³. Помимо решения общих проблем в сфере укрепления суверенитета и возвращения России статуса сверхдержавы, обеспечения принципа взаимного уважения в рамках международного взаимодей-

ствия, партия выступила за осуществление евразийской интеграции на территориях, входящих в состав СССР и Российской империи. Кроме того, она ратует за международное признание того, что русский народ с момента развала Советского Союза является раздробленным и имеет право на воссоединение в своих естественных исторических границах, особенно в случае, если на этой территории происходит гуманитарная катастрофа, геноцид, а также военные преступления против мирного населения.

Партия «Гражданская Платформа» в своем предвыборном документе⁴, несмотря на выражение поддержки действующему Президенту РФ, резко критиковала партию «Единая Россия». Хотя следует заметить, что в своих программных положениях она солидарна с ЕР по ряду вопросов, в частности: о необходимости проведения независимого внешнеполитического курса, поддержке армии, экономического суверенитета. Однако, по мнению партии «Гражданская платформа», данные мероприятия необходимо проводить с помощью кардинальных изменений, в том числе во внутриполитической сфере.

Итак, сравнительный анализ предвыборных программ ведущих партий РФ в период избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г. через призму международной проблематики показал, что политические партии, несмотря на разные идеологические воззрения относительно проведения государствен-

¹ См.: «Предвыборная программа. Мы за русских! (111 позиций ЛДПР)» к выборам 4 декабря 2011 года и «Предвыборная программа ЛДПР» к выборам 18 сентября 2016 года на официальном сайте партии (https://ldpr.ru/party/The_election_archive/).

² См.: «Предвыборная программа партии – 2011» и «Программа партии 2016» на официальном сайте партии (<http://www.spravedlivo.ru/4838410> и <http://www.spravedlivo.ru/7634910>).

³ См.: «Предвыборная программа партии «Родина»: Альтернатива для народа России. 2016» на официальном сайте партии (<http://www.rodina.ru/s-ezd-partii/votes/programma-partii-rodina-alternativa-dlya-naroda-rossii>).

⁴ См.: предвыборную программу партии «Гражданская платформа» на выборах в Государственную Думу седьмого созыва «Мы – честные правые» на официальном сайте партии (<http://праваяпартия.рф/3566>).

ного курса во внешней политике, имеют ряд особенностей, позволяющих судить о схожести взглядов по проблеме. Обосновывается это также тем, что в непрерывно меняющемся мире партии обязаны максимально быстро и эффективно корректировать свои цели и задачи для получения одобрения населения, которое впоследствии выражается в процентном отношении по итогам голосования.

Сравнительный анализ программных документов в ходе избирательной кампании 2011 г. не выявил существенной заинтересованности политических партий в кардинальных переменах внешнеполитического курса государства. Общим знаменателем для всех четырех партий, прошедших тогда в нижнюю палату парламента, было поддержание международной и национальной безопасности, и, соответственно, обеспечение обороноспособности страны.

Итоги выборов в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации VII созыва также продемонстрировали большой интерес к выше обозначенным вопросам. Однако ввиду нестабильной международной обстановки, значительных изменений мирового порядка, смещения центров силы в связи с увеличением роли России в мировых процессах, политические партии акцентировали внимание на инструментарии, способном укрепить позиции РФ на международной арене. Так, к примеру, ни одна из парламентских партий не высказалась за проведение мероприятий,

ориентированных на снятие международных санкций и тем более – предполагающих односторонние уступки или просьбы об этом со стороны России. Наоборот, избирательная программа ЛДПР называет данную ситуацию начальной точкой отсчета в развитии экономической сферы. «Единая Россия» в сложившейся ситуации предлагает проводить политику, направленную на повышение доли аграрного сектора России на международном рынке. Стоит отметить, что экономическая составляющая в ракурсе санкционных мероприятий рассматривается в положительном контексте также КПрФ и «Справедливой Россией».

Таким образом, видение фундаментальных основ внешнеполитического курса Российской Федерации парламентскими партиями схоже. Основные различия кроются в механизмах достижения поставленных целей. Например, все партии выступают за верховенство международного права, равноправный диалог, неприменение силы, взаимовыгодное экономическое сотрудничество и т.д. Однако КПрФ и «Справедливая Россия» настаивают на проведении совершенно новой внешней политики, и если КПрФ определяет свою позицию в предвыборной программе более осторожно, то «Справедливая Россия» открыто критикует политику «Единой России», хотя и поддерживает позиции действующего Президента РФ.

Статья поступила в редакцию 29.05.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Р. А. Политико-правовой статус депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации: гарантии, привилегии и преференции // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 3. С. 1–8.
2. Грачев С. И., Черняев С. Е. Современная нормативно-правовая база как регулятор деятельности политических партий в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 9–13.
3. Данилов М. В. Влияние изменений в правовом регулировании участия политических партий в выборах на формирование партийной системы с доминирующей партией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 2. С. 76–80.
4. Епифанов А. С. Партия власти в электоральных процессах современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 2. С. 1–8.
5. Заикин А. Н. Роль системы предварительного голосования на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 1–11.
6. Никитенко А. И. Место современных политических партий в политической системе общества // Управленческое консультирование. 2015. № 10(82). С. 40–47.
7. Результаты выборов в ГД РФ 2016 г. и перспективы региональной поддержки кандидатов от основных политических партий на президентских выборах 2018 г. / Попов П. Л., Сараев В. Г., Черенев А. А., Гелес Д. А. // Власть. 2017. № 8. С. 74–82.
8. Татаркин В. Е. Вопросы внешней политики в предвыборных программах политических партий современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 109–115.
9. Чувиллина Н. Б. Выборы в Государственную Думу осенью 2016 г. как индикатор актуального состояния российской партийной системы // Власть. 2016. № 11. С. 17–22.

REFERENCES

1. Alekseev R. A. [The political and legal status of deputies of the State Duma and members of Federation Council: guarantees, privileges and preferences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2015, no. 3, pp. 1–8.
2. Grachev S. I., Chernyaev S. E. [Modern regulatory framework as the regulator of political parties in the Russian Federation]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2017, no. 3, pp. 9–13.
3. Danilov M. V. [The impact of changes in the legal regulation of the political parties participation in the elections for the formation of the party system with the dominant party]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science], 2015, vol. 15, no. 2, pp. 76–80.
4. Epifanov A. S. [The ruling party in electoral processes in modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2015, no. 2, pp. 1–8.
5. Zaikin A. N. [The role of pre-voting in the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the seventh convocation]. In: *Vestnik Moskovskogo go-*

- sudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 1, pp. 1–11.
6. Nikitenko A. I. [Contemporary political parties in the political system]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2015, no. 10, pp. 40–47.
 7. Popov P. L., Saraev V. G., Cherenev A. A., Geles D. A. [The results of the elections to the state Duma 2016 and the prospects for regional support of the candidates from the main political parties in the presidential elections of 2018]. In: *Vlast'* [Power], 2017, no. 8, pp. 74–82.
 8. Tatarkin V. E. [Foreign policy issues in the election programs of political parties of modern Russia]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2017, vol. 12, no. 2, pp. 109–115.
 9. Chuvilina N. B. [Elections to the State Duma in the fall of 2016 as an indicator of the current status of the Russian party system]. In: *Vlast'* [Power], 2016, no. 11, pp. 17–22.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уляшкина Екатерина Григорьевна – аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, заместитель начальника управления поддержки Территории опережающего социально-экономического развития, предпринимательства и торговли администрации Рузаевского муниципального района Республики Мордовия; e-mail: katerina.ulyashkina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina G. Uliashkina – Postgraduate student at the Department of General History, Political Science and Area Studies, Mordovian N. P. Ogarev State University, Deputy Head of the Department of Support of the Territories of Advanced Socio-Economic Development, Entrepreneurship and Trade of the administration of Ruzaevsky municipal region of the Republic of Mordovia; e-mail: katerina.ulyashkina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Уляшкина Е. Г. Вопросы внешней политики России в партийной программатике периода избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 129–138. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-129-138

FOR CITATION

Uliashkina E. G. Issues of Russia's foreign policy in the party programatics of the period of the election campaign of 2011 and 2016. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 129–138.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-129-138

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146

РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО

Дмитриева М. О.

Дальневосточный Федеральный Университет

690091, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования в данной статье является сравнительный анализ политики России и Китая в Центральной Азии (ЦА) для оценки перспективы развития их интеграционных проектов в регионе. ЦА постепенно становится ареной пересечения интересов крупных международных игроков и зоной развертывания интеграционных объединений и инициатив, таких, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП). По мнению автора, особые отношения между Москвой и Пекином не исключают возможности возникновения противоречий между ними в этом регионе. Используя принципы системного подхода, в статье рассматриваются пути «освоения» макрорегиона Евразии с позиций РФ и КНР.

Ключевые слова: международная интеграция, Центральная Азия, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), проект Большого евразийского партнёрства (БЕП).

RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA: COOPERATION OR COMPETITION

M. Dmitrieva

Far Eastern Federal University

8 Sukhanova ul., Vladivostok 690091, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is the comparative analysis of Russian and Chinese policies in Central Asia (CA) to assess the prospects of their integration projects development in the region. Central Asia is gradually becoming an arena for the intersection of major international players' interests and a zone for the deployment of integration associations and initiatives, such as the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt project. Special relations between Moscow and Beijing do not exclude the possibility of contradictions between them in the region. Using the principles of the systematic approach, the article discusses the ways of "development" of the macro-region of Eurasia from the standpoint of Russia and China.

Key words: international integration, Central Asia, Eurasian Economic Union (EAEU), Silk Road Economic Belt (SRB), Greater Eurasian Partnership project.

С момента обретения независимости страны Центральной Азии (ЦА) представляют интерес для великих держав, которые предлагают свои проекты устройства региона. Сначала они были связаны с вопросами обеспечения без-

опасности и транспортировкой энергоносителей, затем появились инициативы в сфере экономики. Центральная Азия постепенно становится ареной пересечения интересов крупных международных игроков и зоной развертывания интеграционных объединений и инициатив, таких, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)¹.

Россия и Китай являются главными внешними акторами в Центральной Азии. Другие страны тоже испытывают интерес к региону и вырабатывают свои стратегии, но присутствие РФ и КНР проявляется наиболее сильно. Причем Россия, которая сохраняет тесные гуманитарные связи и обладает серьезным военным потенциалом в регионе, стремится упрочить политическое влияние, оградив центральноазиатские республики от дрейфа на Запад; в то время как Китай делает акцент на экономическое взаимодействие, главной целью которого является развить отстающий Синьцзян.

Заполнить вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза в регионе, России не удалось. Чего нельзя сказать о Китае, чья политика в Центральной Азии была логичной и последовательной.

Ввиду многочисленных проблем региона, связанных с вопросами безопасности и экономического развития, сотрудничество Москвы и Пекина на данном направлении приобрело новые импульсы и по причине меняющихся внешних условий: обе страны в насто-

ящее время вынуждены существовать в условиях жестких экономических санкций со стороны западных государств. Очевидно, что чтобы снизить риски обострения угроз и вызовов безопасности в ЦА, необходимо придать динамики экономическому развитию республикам региона.

Важно то, что из-за единой заинтересованности в противодействии угрозам безопасности у Москвы и Пекина сложились довольно согласующиеся геополитические интересы в Центральной Азии. Они заинтересованы в политической и экономической стабильности региона для успешного воплощения в жизнь своих проектов и обеспечения собственной безопасности.

При этом характерно и то, что с точки зрения экономики Центральная Азия никогда не была объектом масштабного российско-китайского соперничества. Во многом это связано с тем, что пики экономической активности России и Китая в регионе приходились на различные исторические периоды [6, с. 3].

Однако экономические интересы РФ и КНР в Центральной Азии нельзя назвать такими же единодушными и согласующимися, как геостратегические. Они носят, можно сказать, конкурентный характер. Россия пытается объединить бывшие советские республики на новой экономической основе. Сейчас для России главным проектом в Евразии является ЕАЭС, куда она хочет притянуть страны Центральной Азии. Делать это становится все сложнее, поскольку экономические отношения России со странами Центральной Азии сильно пострадали с введением санкций западных стран. Низкий курс рубля заставил трудовых

¹ Китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) объединяет проекты Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского шелкового пути (МШП) XXI в.

мигрантов искать новое место работы или вернуться на родину.

В свою очередь Китай после распада СССР стал активно искать возможность получить доступ к ресурсам региона, для чего принялся формировать трубопроводную и транспортную инфраструктуру, устанавливать торгово-экономическое сотрудничество, предлагать инвестиционные проекты. Результатом этих усилий явилось то, что Китай стал главным импортером в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане и самым крупным кредитором для всего региона.

Изначально Пекин пытался реализовать свои интересы в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – на это были нацелены, в частности, проекты создания зоны свободной торговли в данной организации. Но эти инициативы были отклонены Москвой, и тогда он интегрировал эти интересы в комплексный проект ЭПШП. На реализацию данного проекта Россия не может оказать значительного влияния и вынуждена подстраиваться, чтобы не остаться ни с чем.

Интеграционные проекты Москвы и Пекина различны по своей природе: в то время как ОПОП стремится соединить Китай с такими регионами, как Европа, Ближний Восток, Южная Азия через Центральную Азию, ЕАЭС – это политический проект, призванный создать пророссийский региональный блок для того, чтобы организовать преференциальный режим для внутреннего рынка этого объединения.

В 2015 г. был подписан документ о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Китай согласился официально иметь дело с ЕАЭС, тем

самым придав возглавляемой Россией организации международный статус и легитимность, которой так жаждет Москва. Но такие символические взаимодействия вряд ли заменят дальнейшие переговоры по ОПОП в рамках активизации двусторонних отношений Пекина со странами-членами ЕАЭС [9, с. 9].

Видимо с целью отстоять себя в роли одного из главных акторов на пространстве Евразии, Россия стала автором идеи создания Большого евразийского партнёрства (БЕП). Эта структура призвана объединить экономический потенциал стран АСЕАН и ШОС с ЕАЭС, которая должна стать центром, координирующим структуры партнёрства.

Однако маловероятно, что большое количество стран, которые Россия надеется включить в этот большой проект, будут адаптироваться к единым рамкам сотрудничества, предусмотренными идеей БЕП. Вряд ли усилия обойти Китай концептуально с помощью этого проекта увенчаются успехом [8, с. 447].

Автор считает важным отметить, что Китай предложил концепцию Сообщества единой судьбы. Очевидно, что претворять в жизнь идею формирования нового типа международных отношений он начнет со своего ближнего окружения, т.е. с территории Евразии. Россия предлагает идти по пути создания макрорегиона «Большая Евразия», основой которого станет сопряжение существующих интеграционных проектов.

Китай имеет намного большие финансовые возможности, в том числе для реализации своих интеграционных проектов. Уставной капитал Азиатско-

го банка инфраструктурных инвестиций по учредительным документам составил 100 млрд долл., а Евразийского банка развития (основного финансового института ЕАЭС) — только 7 млрд долл. [1]. По-видимому, в скором времени КНР станет единоличным лидером экономического сотрудничества в регионе, однако в военной сфере РФ сохранит свои позиции.

Для Китая ЦА – это средство для собственного развития и выхода на европейские рынки; прагматизм и стремление к выгоде являются главным двигателем последовательной политики Пекина в регионе; для России – средство внешнего позиционирования себя в качестве великой державы, предлагающую иные ценности, оспаривающую универсализм либерально-демократических ценностей Запада.

Таким образом, страны Центральной Азии находятся в положении, когда можно сделать выбор: присоединиться к международной организации, с четкой структурой, своими правилами и линией поведения, либо присоединиться к экономическому проекту, на первый взгляд в намного меньшей степени сковывающего свободу действий.

Можно подумать, что второй вариант представляется им более привлекательным, поскольку все страны региона поддержали китайскую инициативу и долго и тщательно продумывают целесообразность вступления в ЕАЭС. Республики Центральной Азии не намерены вслед за Россией оказаться в изоляции, в которую она попала несколько лет назад, и которая продолжает усугубляться.

Вступление Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС произошло на фоне вну-

тренней оппозиции и сомнений. Их опасения, разделяемые другими странами Центральной Азии, вытекают из потенциальных рисков вступления в ЕАЭС: потери экономических выгод в торговле со странами, не входящими в ЕАЭС, и потери суверенитета. В настоящее время Киргизия является ключевым реэкспортером китайских товаров, он импортирует товары из Китая по схеме низких таможенных пошлин и получает прибыль от продажи этих товаров в Казахстан и Россию, где таможенные пошлины на товары из Китая выше. Однако новый импортный тариф ЕАЭС на товары, происходящие за пределами ЕАЭС, выше действующего тарифного режима Киргизии и может привести к потере выгодного положения в этой торговле. Таджикистан, следующий вероятный кандидат на членство в ЕАЭС, испытывает аналогичные опасения. Большинство таджиков выступает за присоединение к Союзу в надежде на меньшие ограничения их возможности работать в России [10].

Однако чем дольше существует идея ОПОП, тем больше вопросов она вызывает. И страны, поначалу стремящиеся участвовать в проекте, стали задумываться о целесообразности такого шага. «Основная претензия, которую предъявляют к «Поясу и Пути» – он увеличивает риски дефолта в развивающихся странах с нестабильной экономикой» [5]. В Центральной Азии к таким можно отнести Киргизию и Таджикистан. Пример Шри-Ланки (стране пришлось передать Китаю в пользование на 99 лет порт Хамбантота и прилегающую к нему территорию, чтобы уменьшить свои обязательства) и Пакистана (который готов

обратиться к МВФ за кредитом, чтобы избежать дефолта) весьма наглядно демонстрирует возможные последствия. Как показывает практика, при невозможности страны погасить кредит Китай использует обмен долговых обязательств на нефинансовые активы или политические уступки. Таким образом на карту ставится суверенитет заемщика.

Правительства стран Центральной Азии не могут устоять перед перспективой получить крупного инвестора, предлагающего построить жизненно необходимые инфраструктурные проекты в своих странах. С другой стороны, все они явно испытывают опасения по поводу роли Китая в их экономике, политике и ее влияния на их общества. Таким образом, они понимают, что инициатива «Пояс и путь» может легко стать ловушкой, как это было для Шри-Ланки, которая участвует в проекте параллельного Морского Шелкового пути Китая [7].

Проблемой, мешающей реализации проекта ЭПШП в Центральной Азии, является негативное отношение к нему местного населения. В Казахстане социологические опросы показывают рост антикитайских настроений в период 2007–2012 гг. почти во всех частях страны. В апреле 2016 г. массовые протесты вызвало решение правительства сдать в долгосрочную аренду землю китайским фермерам. В том же году разгорелись антикитайские настроения в Киргизии. Тогда премьер-министр Т. Сариев ушел в отставку после обвинений в проведении тендера на строительство дороги, по результатам которого выиграла китайская компания. Страх перед «китайской угрозой» заставляет людей выражать

свое недовольство в протестной форме. К тому же соседей беспокоит ситуация в Синьцзяне, где нарушаются права этнических казахов и киргизов. «Без позитивного имиджа КНР «Пояс и Путь» так и останутся риторической формулой – непонятной, но настораживающей» [4].

Складывающаяся ситуация позволяет России немного снять напряжение, которое появилось после оглашения инициативы ОПОП, когда «непонятный Шелковый путь был воспринят как китайские попытки залезть в российскую сферу влияния в Центральной Азии, а потому – как угроза для России и для пестуемого Москвой проекта ЕАЭС» [2]. Сопряжение двух проектов тоже пока не принесло ожидаемых результатов, хотя были надежды на большие кредиты и инвестиции. На данный момент нельзя сказать, что китайская инициатива представляет большую угрозу российским интересам в Центральной Азии, поскольку сам проект еще находится в стадии разработки.

Вместе с этим России самой стоит опасаться попасть под чрезмерную зависимость от Китая. В ситуации, когда действуют жесткие санкции со стороны западных держав, едва ли не единственным источником инвестиций и кредитов остается КНР, который может начать вести себя жестче по отношению к РФ.

Что касается стран региона: они не действуют сообща, а выстраивают отношения с внешними акторами индивидуально (несмотря на попытки и призывы создать региональную интеграционную структуру). Скорее всего, Таджикистан и Киргизия будут вынуждены следовать за Китаем, по-

скольку только он в настоящее время способен предоставить кредиты и инвестиции, в которых эти страны так нуждаются. Запад стал уделять меньше внимания региону, а у России на такие проекты не хватает средств. Но сфера безопасности пока остается за ней: в этих странах находятся российские военные базы. Казахстан, хоть и является главным партнером РФ на евразийском пространстве, очень тесно сотрудничает с КНР и вряд ли откажется от этого в идейных целях. Узбекистан после смены власти стал очень активен в регионе. Для преобразований ему тоже нужны средства. Но Казахстан и Узбекистан намного увереннее чувствуют себя, чем Таджикистан и Киргизия. Они не рискуют оказаться в полной зависимости от Китая. Позицию Туркменистана сложно анализировать, но готовность сотрудничать в рамках ОПОП была озвучена. Таким образом, несмотря на риски, страны ЦА продолжают сотрудничать с Китаем и Россией. С момента обретения независимости маневрирование между внерегиональными державами было их политической стратегией. Видимо, эта линия поведения продолжится. Государства Центральной Азии не могут рассчитывать на поддержку ни со стороны России, ни со стороны Китая в случае вызовов их внутренней безопасности (например, исламского радикализма или смены режима), если только конкретный вопрос не имеет значительных последствий для Китая или России [11, с. 178].

* * *

Таким образом, автор приходит к выводу, что, несмотря на некоторую конкуренцию, Китай и Россия создают порядок, в котором их интересы совпали. Их общие цели включают, прежде всего, поддержание регионального статус-кво, сотрудничество в жизненно важных областях, а также предотвращение вмешательства любых третьих сторон. Они мало заинтересованы в непосредственном препятствовании прогрессу друг друга в большинстве секторов.

Стратегическое партнерство России и Китая не может быть гарантом того, что они не станут (или уже не являются) конкурентами в ЦА. Пока такое положение выгодно обоим, но если кто-то начнет активно вытеснять партнера, стоит предположить, что другой будет отстаивать свои интересы. Россия будет стремиться сохранить свое влияние в регионе, поддерживая имидж великой державы, Китай будет наращивать свое присутствие для реализации экономических инициатив. Москва и Пекин продолжают параллельно реализовывать свои интеграционные проекты в регионе, выгода от сопряжения которых будет весьма незначительной. Данный вывод позволяет сделать только то, как по-разному страны-члены ЕАЭС воспринимают китайскую инициативу [3]. Возможно, Шанхайской организации сотрудничества удастся выполнить возложенную на нее функцию площадки по сближению ЕАЭС и ОПОП, в результате которого сложится новый порядок на территории Евразии.

Статья поступила в редакцию 09.11.2018

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воробьев А. Не один путь: интересы КНР и РФ в Центральной Азии [03.07.2017] // Эксперт Online [сайт]. URL: <http://expert.ru/2017/07/3/kitaj-i-tsentrlnaya-aziya/> (дата обращения: 29.09.2018).
2. Голубев А. Как Шелковый путь стал резиновым // Ведомости. 2018. 4 сент.
3. Зуенко И. Ю. Один «пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014–2017) // Россия и АТР. 2018. № 1. С.118–132.
4. Зуенко И. Перегибы Шелкового пути: как Китай решает уйгурский вопрос [18.04.2018] // Московский Центр Карнеги [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/76013> (дата обращения: 14.05.2018).
5. Коростиков М. Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая [29.08.2018] // Московский Центр Карнеги [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/77125> (дата обращения: 05.09.2018).
6. Парамонов В. В., Строков А. В., Столповский О. А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек: Обществ. фонд Александра Князева, 2008. 200 с.
7. Blank S. Sri Lanka's Lesson for Eurasia [27.09.2018] // The Central Asia-Caucasus Analyst [сайт]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13536-sri-lankas-lesson-for-eurasia.html> (дата обращения: 08.10.2018).
8. Christoffersen G. Sino-Russian Accommodation and Adaptation in Eurasian Regional Order Formation // Asian Perspective. 2018. Vol. 42. № 3. P. 439–462.
9. Cooley A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond (A report of the CSIS Simon Chair in Political economy). Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2016. 18 p.
10. Li S. The New Silk Road: Assessing Prospects for "Win-Win" Cooperation in Central Asia // Cornell International Affairs Review. 2016. Vol. 9. № 1. P. 31–38.
11. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents / Editors S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2014. 207 p.

REFERENCES

1. Vorobëv A. [Not one way: the interests of China and Russia in Central Asia. 03.07.2017]. In: *Expert Online* [Expert Online]. Available at: <http://expert.ru/2017/07/3/kitaj-i-tsentrlnaya-aziya/> (accessed: 29.12.2018).
2. Golubev A. [How the Silk Road became a rubber one]. In: *Vedomosti*, 2018, 4 September.
3. Zuenko I. Yu. [One “zone”, two roads: the perception of Chinese integration initiatives in Russia and Kazakhstan (2014–2017)]. In: *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia and Pacific Region], 2018, no. 1, pp. 118–132.
4. Zuenko I. Yu. [The excesses of the Silk Road: how China solves the Uyghur question. 18.04.2018]. In: *Moskovskii Tsentri Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/76013> (accessed: 14.05.2018).
5. Korostikov M. [Potholes on the Silk Road. Why countries increasingly come out of the main international project of China. 29.08.2018]. In: *Moskovskii Tsentri Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/77125> (accessed: 29.12.2018).
6. Paramonov V. V., Stokov A. V., Stolpovskii O. A. *Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: politika, ekonomika, bezopasnost'* [Russia and China in Central Asia: politics, economy, security]. Bishkek, Foundation of Alexander Kniazhev, 2008. 200 p.
7. Blank S. Sri Lanka's Lesson for Eurasia [27.09.2018]. In: *The Central Asia-Caucasus Analyst*.

- Available at: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13536-sri-lankas-lesson-for-eurasia.html> (accessed: 09.12.2018).
8. Christoffersen G. Sino-Russian Accommodation and Adaptation in Eurasian Regional Order Formation. In: *Asian Perspective*, 2018, vol. 42, no. 3, pp. 439–462.
 9. Cooley A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond (A report of the CSIS Simon Chair in Political economy). Washington, DC, Center for Strategic and International Studies, 2016. 18 p.
 10. Li S. The New Silk Road: Assessing Prospects for “Win-Win” Cooperation in Central Asia. In: *Cornell International Affairs Review*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 31–38
 11. S. Frederick Starr, Svante E. Cornell., eds. *Putin’s Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents*. Washington, DC, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2014. 207 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитриева Марина Олеговна – кандидат политических наук, главный специалист службы проректора по науке Дальневосточного федерального университета;
e-mail: marinad5@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina O. Dmitrieva – Ph.D in Political Sciences, Vice-President for Science Service Manager, Far Eastern Federal University;
e-mail: marinad5@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дмитриева М. О. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 139–146.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146

FOR CITATION

Dmitrieva M. O. Russia and China in Central Asia: cooperation or competition. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 139–146.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. В настоящее время выпускается десять журналов (предметных серий) "Вестника МГОУ": «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10, усл. п.л. 9,25.

Подписано в печать: 28.02.2019. Выход в свет: 01.03.2019. Заказ № 2019/02-01.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А